

АЛЕКСЕЙ СТАВНИЦЕР

НАЧАЛО. ВОСХОЖДЕНИЕ. ВЕРШИНА

Вадим Сполански
Абрам «Асик» Мозесон
Анатолий Королев
Александр Чебручан
Валерий Албул
Мстислав Горбенко
Игорь Шаврук
Олег Сологуб
Александр Токменинов
Оксана Изюмова
Владимир Мамчич
Наталья Албул
Анатолий Римко
Михаил Ситник
Хобарт Эрл
Егор Ставницер
Александра Старицкая
Алексей Федорычев
Виктор Ставницер
Олег Кутателадзе

Алексей Ставницер. Начало. Восхождение. Вершина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24011849

Аннотация

Однажды Алексей Ставницер подумал, что пора бы в Украине появится частному порту, и создал его с нуля. Единственное, что он тогда знал о портах – это как носить мешки с мукой, так как подрабатывал в Одесском порту в студенчестве. А будь у него профильное образование – точно ничего бы не вышло. Вряд ли Алексей Ставницер представлял, что его идея повлияет на всю портовую отрасль, а ТИС станет самым большим портом в Украине. Просто ему было интересно работать, придумывать, создавать и брать на себя ответственность. А еще Алексей очень любил покорять вершины. Альпинизм был его страстью, которой он щедро делился со своими учениками. “Начало. Восхождение. Вершина” – теплые воспоминания людей, которые прожили жизнь рядом с Алексеем Ставницером и видели, как ему удавались все его подъемы и падения.

Содержание

Коллектив авторов	6
Биография	9
Начало	13
Вадим Сполански	15
Виктор Ставницер	90
Троицкая	92
Мама	97
Эрик. Эрнст. Эрка	102
Адька. Рада. Адя	105
Бабушка	108
Книги	112
Отец	114
Море	125
Алла	132
Горы...	138
Кавказ. Терскол	141
Женщины. Звук времени	143
Алексей-Леша	144
Игорь Шаврук	149
Восхождение	180
Егор	180
Анатолий Королев	201
Мстислав Горбенко	212

Михаил Ситник	239
Александра Старицкая	276
Абрам «Асик» Мозесон	285
Владимир Мамчич	291
Вершина	298
Олег Кутателадзе	300
Олег Сологуб	342
Алексей Федорычев	370
Александр Чебручан	380
Виталий Котвицкий	392
Хобарт Эрл	428
Анатолий Римко	436
Валерий и Наталья Албул	445
Оксана Изюмова	451
Александр Токменинов	459
Приложение	470

Алексей Ставницер. Начало. Восхождение. Вершина

Коллектив авторов

Вадим Сполански, *родной брат Алексея Ставницера, инженер-химик.*

Виктор Ставницер, *родной брат Алексея Ставницера, член Союза художников СССР, член Академии современного искусства, скульптор, график, театральный художник.*

Игорь Шаврук, *заслуженный артист Украины, главный дирижер камерного оркестра Одесской филармонии, дирижер Одесского оперного театра.*

Егор, *старший сын Алексея Ставницера.*

Анатолий Королев, *техник-технолог, мастер спорта по альпинизму.*

Мстислав Горбенко, *«снежный барс», заслуженный*

мастер спорта СССР, мастер спорта международного класса, заслуженный тренер Украины.

Михаил Ситник, *мастер спорта международного класса.*

Александра Старицкая, *инженер-строитель, кандидат в мастера спорта по альпинизму.*

Абрам «Асик» Мозесон, *заслуженный мастер спорта по альпинизму.*

Владимир Мамчич, *«снежный барс», кандидат в мастера спорта по альпинизму.*

Олег Кутателадзе, *сооснователь ООО ТИС, глава наблюдательного совета ООО ТИС.*

Олег Сологуб, *главный инженер ООО ТИС.*

Алексей Федорычев, *президент Fedcominvest.*

Александр Чебручан, *заместитель директора ООО «ТИС-Уголь», директор «ТИС-Руда».*

Виталий Котвицкий, *заместитель генерального дирек-*

тора по инфраструктуре ООО ТИС.

Хобарт Эрл, *заслуженный артист Украины, художественный руководитель и главный дирижер Национального одесского филармонического оркестра.*

Анатолий Римко (*отец Анатолий*).

Валерий и Наталья Албул, *члены Союза художников Украины.*

Оксана Изюмова, *администратор офиса АБК «Визирка».*

Александр Токменинов, *председатель Визирского сельского совета.*

Биография

Алексей Михайлович Ставницер (1942–2011)

Алексей Михайлович Ставницер родился 3 сентября

1942 года в Сызрани, Самарская область, в период эвакуации семьи из Одессы.

Отец, Михаил Фроимович, с 1920-х годов работал в угольной промышленности, одновременно занимаясь журналистикой. Вскоре после возвращения в освобожденную Одессу он полностью посвятил себя редакторскому делу и драматургии.

Алексей был младшим из шести детей в семье.

В **1948** году он поступил в школу им. Столярского по классу скрипки.

1960–1965 годы Алексей учился в сельскохозяйственном институте, где потом продолжил заниматься в аспирантуре. В это же время увлекся альпинизмом.

В одесском альпклубе Алексей Михайлович познакомился со своей будущей женой Аллой Гребенниковой. В **1972**-м у них родился первый сын Егор.

В **1979** году Алексей получил звание мастера спорта СССР по альпинизму. В том же году семья переехала на Кавказ. Там в **1982**-м родился второй сын Андрей.

Работая на турбазе «Терскол» министерства обороны СССР, Алексей Михайлович организовывал массовые армейские альпиниады на Эльбрус.

Став начальником учебной части в альплагере «Шхельда», он построил стенд для обучения страховке и испытания снаряжения, что по тем временам было существенным ша-

гом вперед в методике обучения альпинистов. Собрал коллектив инструкторов-единомышленников, он вывел лагерь в разряд одного из лучших в СССР.

Затем Алексей Ставницер создал и возглавил учебно-методический центр «Эльбрус». Этот лагерь на несколько лет стал всесоюзным центром альпинизма, где велась подготовка инструкторов, альпинистов, промальпинистов, спецподразделений, пограничников.

После возвращения с семьей в Одессу в **1989**-м Алексей Михайлович начал работать в кооперативе «Промальп». Его профилем работы по-прежнему оставалось обучение альпинизму и совершенствование спортивного снаряжения.

Позже он начал собственный бизнес. Свою первую компанию Алексей Ставницер назвал «Эверест».

В **1994** году вместе с Олегом Кутателадзе основал компанию «Трансинвестсервис» (ТИС). Первым инвестором и партнером стал российский бизнесмен Алексей Федорычев.

ТИС стал фактически первым частным морским портом в Украине. Инфраструктура ТИС, созданная почти с нуля, – это 8 собственных причалов общей длиной 2 километра и 5 транспортных терминалов, три из которых – зерновой, угольный и удоброческий – крупнейшие в Украине.

Для обеспечения деятельности ТИСа было построено 60 километров железнодорожных путей, в том числе 6 километров магистральных, переданных государству; произведено углубление акватории в объеме 7 млн куб. м и выемка

грунта на суше в объеме 6,5 млн куб. м.

ТИС неоднократно побеждал в Национальном морском рейтинге Украины в различных номинациях, среди которых – «Достижение года» на протяжении последних четырех лет, в 2008–2011 годах ТИС занимает первое место в Украине среди портов по перевалке сухих грузов и седьмое – на побережье Черного моря.

Алексей Ставницер был дважды признан Национальным морским рейтингом Украины «человеком года» в транспортной сфере – в **2008** и **2009** годах.

После продолжительной болезни Алексей Михайлович Ставницер умер **27 февраля 2011 года**.

Начатое им дело продолжают сыновья – Егор и Андрей Ставницер.

Начало

Первая картинка семьи для Алеши: уткнувшиеся в книжки папа с мамой, братья и сестры. В семье была какая-то жадность на чтение, возможно, потому что это было окно в иной мир...

Вадим Сполански (Ставницер...)

Книги, журналы, в том числе с публикациями отца, – библиотека в доме Ставницеров была важной составляющей и формировала нравственные критерии у шестерых детей. Так же, как и музыка.

Культурные предпочтения всех членов семьи не меньше, чем исторические обстоятельства, сформировали характер и личность Алексея Ставницера.

Вадим Сполански

Родной брат Алексея Ставницера, инженер-химик

Российская империя конца XIX века понятия не имела о числе своих подданных. Первую перепись провели в 1896

году. Переписчики спрашивали имя собственное и, если оно было, имя родовое – фамилию. Вопрос о фамилии ставил в тупик если не большинство, то множество граждан Империи. В России, по вековой традиции, человек получал имя в крещении, но не фамилию. И Иван, к примеру, сын Ивана не становился Иваном Ивановым, он вполне мог иметь уличное прозвище. В результате первой переписи родовые имена были уточнены и закреплены документально. Но это в исконной России.

Несколько иная картина была на западных рубежах Империи. Там переписчикам достаточно часто называли как имя собственное, так и фамильное. Протянувшиеся от Прибалтики до Черного моря территории были частью Восточной Европы, которая жила иной культурой и общественной историей, но одновременно эти же земли лежали на перепутье экспансий всех империй – от Золотой Орды до Оттоманской Порты. В известном смысле население этого пространства в своих именах-фамилиях отражало историю переделов Европы.

В подольском местечке Славута переписчиками внесены в списки подданных Российской империи две семьи, которые уже давно носили фамильные имена, и этими фамилиями были Гурански и Ставницер. Вот отсюда и произрастает наше родословное древо, на котором в сентябре 1942 года проклюнулась новая веточка – Алексей (в крещении Михаил) Ставницер.

Кто же такие были Гуранские (эту фамилию носила мама Алексея)? И откуда пришли в Подолию Ставницеры? Здесь придется вспомнить, что некогда Польша была границей двух миров: просвещенного Запада и варварского Востока. Шляхта в Речи Посполитой была наделена правами и вольностями, о которых и мечтать не могла знать в соседних державах. Каждый ясновельможный князь имел собственные представления о своем праве на престол, каждый имел собственный двор и армию. Одним из древних и влиятельных княжеских родов в стране были князья Сангушко. К концу XIX века едва ли не последний представитель этого значительно обедневшего рода все еще считал оставшихся в его доме людей своим «двором» и считал заботу о них своим долгом. Вот среди таких людей, именуемых серой шляхтой, был Виктор Гурански. Попечением князя он изучал медицину в университете, где, помимо знаний профессиональных, набрался передовых идей преобразования государства и общества, стал членом социал-демократической партии.

Город Славута, поместье князя Сангушко

В 1912 году это увлечение привело Гуранского к тюрьме и ссылке в Сибирь, сроком на 5 лет. Его жену и детей – Ксению, Антона и Александру – князь продолжал поддерживать. Старшая дочь Ксения обучалась в гимназии. Она и в глубокой старости изъяснялась на французском и немецком. Скорее всего, не оставил бы князь без образования и младших – Александру и Антона. Но грянувшая Первая мировая и последовавшая за ней революция прошли по судьбам и Сангушко, и Гуранских опустошительным смерчем...

Февральская революция освободила Виктора Гурански от ссылки больным и истощенным. Он добрался до дома Сангушко лишь к лету 1917 года, на которое пришлось развал фронтов, начинающаяся разруха и голод. Свидетельство тех времен в семье не сохранилось, скорее всего, страдали, как

все. Зимой 1918 года Гуранские, жившие в доме князя, лишились своего покровителя и благодетеля. Князь на гребне плотины в своем имении столкнулся с дезертирами – их банды бродили по всей прифронтальной полосе. Уже смертельно отравленные большевистскими призывами грабить награбленное и нести смерть буржуйам, дезертиры оскорбили старого, но не потерявшего достоинство князя. Он ответил им, как принято отвечать быдлу. Дезертиры подняли его на штыки и сбросили в пруд. Вскоре они ввалились в дом Сангушко и потребовали у Гурански «награбленного»: денег, ценностей, вещи, вино и еду. Вчерашний каторжник и революционер ответил, что в доме, кроме убитого ими князя, больше ничего нет. Его жестоко избили. Дом разграбили. На следующий день от полученных увечий Гурански скончался. Его детей закружил и разбросал «освежающий ветер» пролетарской революции.

В тех же местах, где переписчики зарегистрировали фамилию Гурански, впоследствии русифицированную на Гуранский, в число подданных Российской империи был занесен и Ставницер, тоже как «имя фамильное». Оно могло свидетельствовать, что род, прежде чем осесть в Польше, имел за собой долгий путь странствий по всей Европе. И можно лишь предполагать, где и как он обрел такую фамилию. Лингвистические фантазии позволяют предположить, что сочетание в фамилии букв и лексических смыслов имеет

староголландские корни и характерно для обозначения как нотного стана, так и ступенек штормтрапа, бочарной клепки. Конечно, здесь трудно удержаться от соблазна «прицепить» фантазии к вполне конкретным фактам биографии Алексея, в которой присутствуют и музыка, и штормтрапы, и штормовые ситуации вообще, но жизнь его была столь насыщенной, что в выдумках не нуждается.

Революции срывали с привычного круга не только малые державы, их вихри уносили и меняли облик целых материков, что уж тут говорить о двух местечковых семьях, даже о детях этих семей. Дети же, только-только вступающие во взрослую жизнь, легко попадали под очарование лозунгов и обещаний равенства, всеобщей любви, и пространство грез становилось для них главнее реальной жизни.

При том, что Гуранские и Ставницеры жили достаточно недалеко друг от друга, будущие родители Алексея Михайловича вряд ли когда-либо повстречались бы без революционных перемен, а уж чтобы соединить свои жизни... И дело не только в цензе имущественном. Подолье и за 70 советских лет не стало безбожным, а в те годы принадлежность к различным вероисповеданиям была препятствием более чем серьезным.

Ставницеры жили зажиточно. Семья арендовала прибыльный кирпичный завод, управляла его работой, имела склад пиломатериалов. По современным понятиям, была

фирмой, производящей и торгующей строительными материалами. Два сына Фроима Ставницера посещали не религиозную школу, а нормальную гимназию, туда же была впоследствии определена и младшая дочь. И это не естественный процесс угасания кагала: ни предки Фроима, ни он сам не придерживались ортодоксальных религиозных взглядов. Но не быть ревностным иудеем, как и ревностным католиком, и создавать семью с человеком другой веры – вещи разные. Это, как правило, требовало перехода мужа или жены в другую религию, что считалось... В общем понятно, чем это считалось и как воспринималось. Достаточно заглянуть в словарь Даля, чтобы определить «толерантность» тогдашнего общества.

Революционная молодежь ломала сословные и религиозные перегородки. Были среди них и наши родители. В комсомольской ячейке и встретились девушка в красной косынке Александра Гурански и молодой, черноволосый, с голубыми глазами Михаил Ставницер. Семейой они стали потом, а изначально – товарищи по борьбе, и не понарошку, а с настоящими боями и походами в составе отрядов ЧОН – частей особого назначения. Мама, как гласит семейное предание, юным бойцом особо очарована не была, хотя он норовил подставить ей мужское плечо как в походах, так и на привалах. Потепление, хотя и достаточно медленное, началось после такого эпизода. Чоновцы преследовали отряд повстанцев, по понятиям того времени – банду. В боевой стычке,

когда чиновцев накрыли плотным огнем, Михаил закрыл собою Александру. И как-то не очень охотно оторвался от девушки после прекращения огня.

**Александра Викторовна и Михаил Фроимович
Ставнищев, 1925 год**

Потом, в зрелые годы, Александра Викторовна вспоминала свою революционную юность без придыханий и патетики, больше – с юмором, цитировала фольклор того времени. Например, о грядущем коммунизме: «Кому на, кому ні. Кому дулю, кому дві». ВЛКСМ – «Всех Люблю, Кроме Своего Мужа» как реакция на модную в 20-е годы идею отмены браков и обобществления женщин... Некие сомнения Михаила в святости и цене революционных побед появились в бесконечных погонях за бесконечно возникающими «бандами контрреволюционеров»: если идея коммунизма правильна и так понятна, то почему они этому противятся? Впрочем, «сомнения» – сказано слишком сильно. Они были романтиками, будущее рисовалось в тонах радужных. Тем более, что гражданская война закончилась их победой, а победители всегда правы.

Мирная жизнь начиналась с амбициозного проекта новой власти – индустриализации страны. Он был столь масштабен, что головы кружились не только у вчерашних чоновцев, но и у мыслителей мирового масштаба: Горький, Андре Жид, Фейхтвангер, Ромен Роллан... Сверхзадача требовала уже не заготовки дров и строительства узкоколеек, как в романе Островского, а крутого изменения всего жизненного уклада. Кровью советской экономики был уголь. Угля катастрофически не хватало. Западные экономики тоже испытывали угольный голод, но альтернативу видели в нефти, на нее

и ставили в технологических исканиях. Наша позиция была твердокаменной – уголь. Это и определило выбор дела, которому потом была подчинена жизнь Михаила Ставницера.

Откатка угля из шахт на поверхность, 1910–1920-е годы

В 20-е годы, как бы это не казалось странным, не люди выбирали профессию, а профессии рекрутировали себе нужных по знаниям, характеру и способностям. Так угольное дело потребовало Михаила Ставницера. Потребность была острой, так как новая власть не особо по-хозяйски, и уж точно не по уму, обошлась с технической интеллигенцией царской России. Что же касается Александров... Грамотную, с революционной биографией комсомолку решили направить на рабфак Харьковского, в то время столичного, универси-

тета. Но у нее оказалось дело поважнее – материнство.

Вскоре в семье появилась дочь. Рада. На календаре – 1926.

В отличие от октябрин, ленин и марксин, имя девочке выбирали не по идейным соображениям. Мода на Рад в двадцатые годы, скорее всего, пошла от цыганской, по Пушкину, вольницы. Ну, а что в имени – то и в характере. Рада во взрослой жизни оказалась, что называется, «девушкой с характером». Для всех мальчишек, появившихся потом в семье, – для Вадима, для Эрнста, Виктора и Алексея – она была и примером, и гордостью. Но это – потом.

Угольное дело Михаил Ставницер осваивал в «большевистских университетах» по-большевистки – с энтузиазмом и натиском. Из первых наборов партия ковала поколение красных директоров, для которых не существовало неразрешимых задач. Хотя кирка и лопата еще были главным инструментом угледобычи, Ставницера обучали механизации шахтного дела, знакомили с лучшими образцами техники. К ним принадлежали и угольные комбайны американско-канадской фирмы «Сулливан». Первые такие машины уже поступали на шахты подмосковного угольного бассейна. Скоро появятся и их братья-близнецы – эти же комбайны, но советского производства. Наши «Сулливаны» имели существенную поправку на малограмотность рабочего класса и оказались по этой причине лучше и долговечнее. На них ставили

рекорды. В одной из центральных газет появилась красноречивая публикация «Посторонитесь, мистер Сулливан!». То есть уступите дорогу отечественному оборудованию. Автором был никому не известный технарь Михаил Ставницер. Так что еще неизвестно, что выбрал бы сам Михаил, если бы не угольный призыв. Хотя инженером и управленцем он был толковым, но в журналистику, в писательство его заносило уже тогда, что не осуждалось, но и не замечалось.

Управленческие успехи Михаила Фроимовича совершались в провинциальных шахтерских городках, быт которых отличался от родной Шепетовки разве что угольной пылью. В таком городке – теперь Новомосковске (прежде Бобрике-Донском, потом Сталиногорске) в 1930 году родился Эрнст.

Казалось бы, что геополитические события начала века никакого отношения к Гуранским-Ставницерам не имеют. Где какой-то Бобрик-Донской, а где – Лига Наций, делившая территории, принадлежавшие побежденным Германии и Порте. Куски пожирнее – сильным, поскуднее – державам без претензий. Дания выпросила Гренландию, тогда казалось – «ледник», а сегодня – кладовая нефти и газа. Норвегия получила холодный необитаемый Шпицберген, а оказалось, что остров из каменного угля. Советский Союз взял у Норвегии концессию на добычу угля на этом острове. Нужны были специалисты по добыче вдали от Родины, то есть знающие дело и надежные политически. Ставницер прошел

проверку всех инстанций и распоряжением Министерства угольной промышленности СССР был направлен на остров. Поскольку срок командировки был определен в два года, ему разрешили взять с собой семью. И летом 1934 года, оставив только родившегося Вадима на попечении сестры Александры, Ксении Гуранской, семья отправилась сначала в Мурманск, а уже потом на Шпицберген.

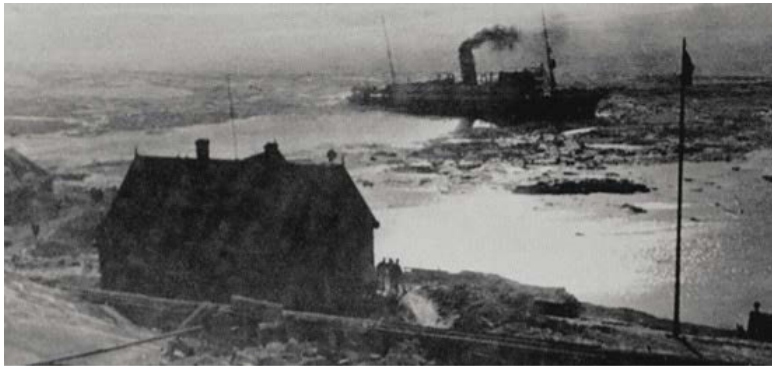

Угледогрузка в Баренцбурге

В Одессе, через угольный наркомат, Ставнищерам выдали бронь на крохотную комнатку на улице Франца Меринга. По советским правилам, каждый человек не мог иметь жилье и даже пристанище в двух местах одновременно. Они существовали вплоть до развала СССР. Исключение составляли только полярники – они имели привилегию бронировать

за собой жилье на время командировки. Впоследствии эта «броня» сыграла для семьи Ставницеров важнейшую роль.

Пароход шел на Шпицберген через ледовые массивы, через туманы с дождем и снегом, которые загоняли пассажиров в каюты. Казалось, это путешествие в радость и удовольствие только Михаилу Фроимовичу, который впитывал в себя неведомый доселе арктический мир. Во всяком случае ни Рада, пребывавшая в отроческом возрасте, ни тем более четырехлетний Эрнст ярких впечатлений от морского путешествия не сохранили. А Шпицберген... Какая яркость воспоминаний о мире, где 9 месяцев в году полярная ночь, а потом на пару месяцев солнце забывает уйти за горизонт, мир становится надоедливо желтым, но все так же холодным и мокрым?! Зимой из дома в дом переходы осуществлялись по канатам – из-за пурги и темноты.

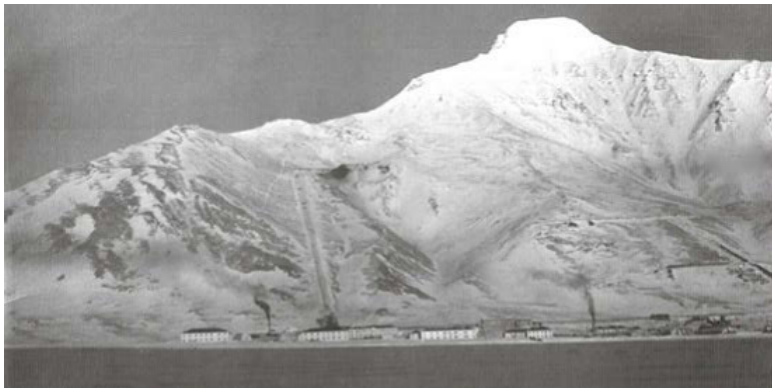
Шторм у берегов Шпицбергена

Колония острова была многонациональной, разноязыкой, что ничуть не мешало взаимопониманию и общению. Возможно, еще и потому, что общим было главное – угледобыча, которая и сегодня берет дань живой кровью. А уж тогда... Мама навсегда запомнила страшный день, когда в шахте, которую инспектировал отец, начало рушиться крепление. Такие новости распространяются молнией, и все жены сбежали к шахте и ждали – пронесет? Повезет?

У советских на острове был свой уклад, которому удивлялись и немножко завидовали другие концессионеры. Мало что жили коммуной, а значит, и дружно. В моде была самодеятельность, а в самодеятельности – козырная карта колонии, хоровое пение. Певческие амбиции островитян замахнулись даже на оперу. Получилось не ла Скала. Но на скалах Шпицбергена это была лучшая оперная постановка. И

уж совсем поразил норвежцев балет. В одноактном спектакле блистали «две звезды» – Рада Ставницер и Майя Плисецкая. Отец Майи был Полномочным Представителем СССР при Норвежском управлении на Шпицбергене. Майя и Рада дружили, как дружат в подростковом возрасте все мечтательные девочки. Сила сценического притяжения оказалась у них разная. Майя стала балериной с мировым именем, Рада это притяжение преодолела – ее влекло туда, где риски и адреналин зашкаливают.

Плисецкие и Ставницеры семьями не дружили, но отношения были теплыми, что потом скрасило долгое путешествие во льдах при возвращении со Шпицбергена, когда и наобщались, и наговорились на многие годы вперед. Пароход шел в норвежский порт Берген. Ставницеры возвращались на сезон раньше контрактного срока по уважительной причине – Александра Викторовна вновь ждала ребенка. По расчетам, роды предстояли в конце января – феврале 1936 года. Медицинская часть на острове, конечно, была, но чтобы с родильным отделением – это было бы не по-советски. Ясное дело, что и авиасообщения с островом не было.

Остров Шпицберген

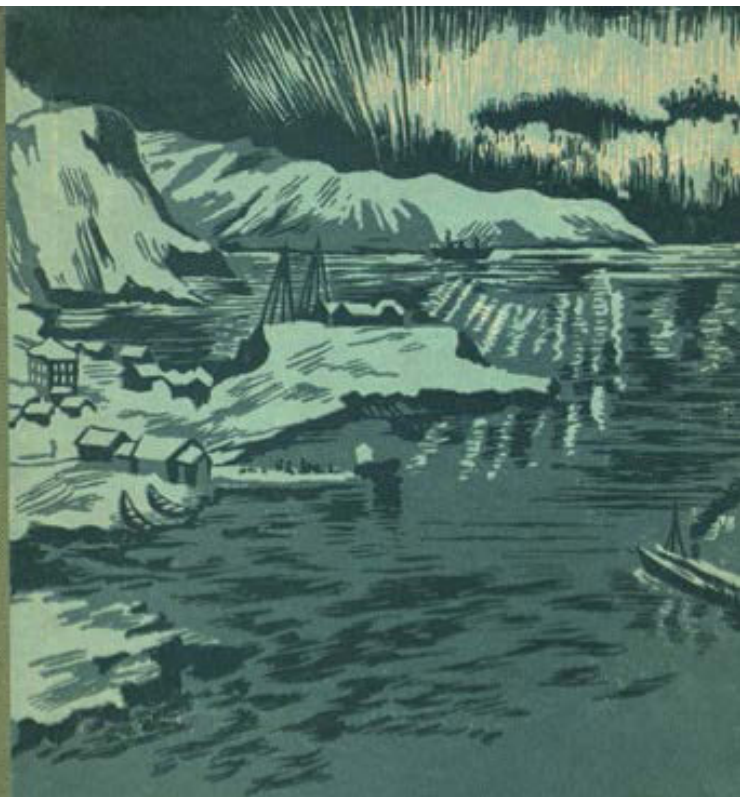
Предполагалось, что Михаил Фроимович, пришедшийся Шпицбергену, как говорится, ко двору, весной следующего года опять вернется на остров. Но судьба решила все по-своему. Наркомат угольной промышленности направил его на новые шахты под Тулой, в Болохово. О командировке на Шпицберген больше никто не вспоминал. А времена уже наступили такие, что напомнить о желании поработать за границей было равносильно самоубийству. Вместе с тем Арктика Михаила Фроимовича не отпускала – обычная ситуация с творческими натурами. Тоску по ней он доверял бумаге, что тоже было не совсем разумно в роковые годы – 36–37-й. А в 1947 году в Ленинграде вышла его книга «Русские на Шпицбергене». Хотя рукопись датирована 1946-м, можно предположить, что писалась она в ностальгии по белым просторам

задолго до войны, так как и в военные, и в послевоенные годы Ставницеру было не до литературных упражнений. Потом, к слову сказать, книжка вышла и в украинском переводе – «Шпицберген». Она и сегодня интересна, и потому что остается единственным популярным источником знаний истории открытия этого острова русскими еще задолго до того, как его увидел Вильгельм Баренц, голландец на службе России, и как документ своего времени.

В феврале 1936 года, в Одессе, родился третий сын Ставницеров – Виктор. К радости прибавления в семье примешивалась тревога. Хотя сам Михаил Фроимович ни разу не попадал в поле подозрения НКВД, многие его друзья, сослуживцы и просто знакомые уже исчезли в подвалах Лубянки. Тревожным звонком был арест в Москве дипломата Плисецкого. Осенью 1937 года, в Бобрик-Донском, пришли и за Ставницером. Похоже, что брали его по известному принципу – был бы человек, а дело найдется. Потому что никакого конкретного обвинения Ставницеру не предъявили, вменяемая вина была более чем расплывчата – «за действия, которые могли нанести ущерб народному хозяйству». Что райотдел НКВД заинтересовался им и запрашивает информацию о его деятельности по всем прежним местам работы и проживания, Ставницер знал. Поэтому к визиту энкаведешников был готов, никаких компрометирующих материалов в доме не было. Купленный им в Норвегии бельгийский бра-

униги с патронами он выбросил в заброшенный шахтный ствол. В семье сохранилось предание, что отец это сделал во время прогулки с Виктором на руках.

Когда ночью позвонили в дверь, все всё поняли. Обычно, если был срочный вызов на шахту, трезвонил телефон. А ночным звонком в дверь будила людей только одна служба. Михаил Фроимович был спокоен и пытался успокоить, как мог, Александру Викторовну. Она опять была беременна – дочке Серафиме предстояло родиться в феврале 1938-го.

М.Ф. СТАВНИЦЕР

На Шницбергені

К счастью Ставницера, во время его ареста не было в производстве ни Москвы, ни Киева ни одного группового дела, «пристегнуть» его было некуда, выдумывать новый сюжет – хлопотно. Поэтому «вредителя» осудили на стандартные 10 лет и отправили в лагеря. Специалисты в ГУЛАГе ценились. На стройках социализма того времени широко применялись взрывные работы, которые шахтный инженер Ставницер знал досконально. А ближайшим местом, где его опыт мог найти применение, был Беломоро-Балтийский канал. Его строительством восторгалась вся страна, знаменитые деятели мировой культуры с легкой руки «буревестника Горького» воспевали это эпохальное сооружение. На канале велись работы по оборудованию припортовых сооружений и транспортной инфраструктуры. Там Ставницер и взрывал гранитные сопки, преобразовывая природу. Он впоследствии пошучивал, что одинаково опасался ошибки как в определении количества взрывчатки, так и во времени взрыва: конвой часто ленился уводить команду далеко в сопки, но удалялся в них сам. И зеки рисковали быть погребенными под камнепадом.

Поскольку Михаил Ставницер был номенклатурой, то на семью распространялось правило «вырывать сорняк с корнями». То есть жен отправляли или вслед за мужьями, или в ссылку, а несовершеннолетних детей отправляли в детские дома. Не дожидаясь этой милости власти, Александра Вик-

торовна уехала из Бобрик-Донского в Одессу. Вот где пригодилась «северная броня» на Франца Меринга! При жесточайшем кризисе жилья эта комнатка оставалась за семьей. Трудно сказать, как повели бы себя соседи, узнай, что дефицитная жилплощадь принадлежит врагу народа. Но все обошлось.

Все, что происходило дальше, трудно понять и пояснить, не зная той глубины чувств, на которых стояла семья, и взаимных обязательств мужа перед женой и жены перед мужем, которые были им привиты воспитанием в семьях и в обществе. Александра Викторовна неслучайно ерничала по случаю «обобществления» жен и мужей, интерпретируя по-своему аббревиатуру ВЛКСМ. Для нее все дети были во благо, для нее не было беременностей нежелательных, не ко времени, и рожала она, сколько Бог послал.

Родив в феврале 1938 года дочь Серафиму, она решила идти вызволять мужа. Конечно же, это было чистым безумием выступать в поход против Молоха, а сталинская репрессивная машина была пострашнее Молоха, но никакие отговоры и увещевания ее не остановили. В Одессе у Михаила Фроимовича был старший брат Лев. Она упросила его принять двух старших – Раду и Эрнста, а меньшеньких – Вадима и Виктора – отдала в детский дом и с шестимесячной Серафимой отправилась в Москву.

С будущим наркомом угольной промышленности Они-

кой, а тогда одним из заместителей наркома, Александра Викторвна была знакома и знала, что он Ставницера ценил и любил. Они вместе разрабатывали в Подмосковье технологии механизированной проходки штреков и бурения.

Дмитрий Григорьевич Оника

Оника принял Гуранскую не в наркомате, он пригласил ее

домой. Дело Ставницера он знал, оно «политикой не пахло», но свистком дежурного по поезду паровоз не остановить. Официальное вмешательство пользы не дало бы. По его рекомендации Гуранская написала просьбу о помиловании на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Калинина. Тонкость замысла была в том, что у Оники с Калининым были свои отношения. Он забрал письмо, чтобы передать его из рук в руки, попросил Гуранскую набраться терпения и никуда больше не обращаться, снабдил ее деньгами, литером на купейный билет до Одессы. Александра Викторовна отправилась вызволять теперь детей из детского дома и налаживать новую, без главы семьи, жизнь.

Как развивались события, семья узнала нескоро. Как нарком Оника имел правительственную дачу и соседствовал с Калининым. Всесоюзный староста был единственным человеком в СССР, имевшим право помиловать осужденного. На это и был расчет.

Ни Калинин, ни Оника не принадлежали к кремлевской, как теперь бы сказали, верхушке. Конечно, Михаил Иванович входил в высшую иерархию страны, был близок к Сталину, но... Как и Оника, он был еще связан пуповиной с «почвой», из которой вышел, трудно вписывался в вождистские забавы на ближних или дальних дачах, вместо заморских вин и кушаний предпочитал хлопнуть рюмку родной водки под личиной собранных и засоленных грибок осенью, а выпив и за-

кусив – попеть народные песни. Оба предавались этому удовольствию так часто, как им хотелось. А такого хочется всегда. И была у них еще одна общая страстишка – шахматы. Сражались всегда с упорством и с переменным успехом. Калинин якобы всегда победам по-ребячьи радовался, так же по-ребячьи обижался, проигрывая.

Оника не раз просил Калинина помиловать Ставницера. Но Михаил Иванович всякий раз брал просьбу Гуранской в руки и, помолчав, возвращал ее Онике. Опытный царедворец Калинин хорошо знал состояние погоды, которую теперь делал новый «нарком всего» Лаврентий Берия. Видимо, он тонким чутьем бюрократа понимал, что время для помилования еще не наступило, что оно не останется незамеченным и может вызвать подозрение или сомнение идеологов репрессивной политики. Но глубокой осенью 1940 года, выпив после победы в шахматной партии по рюмке, закусив груздями, благодушный Калинин вдруг сказал Онике: «Ладно, давай сюда твоего жида. Помилую...» Вышел Михаил Фроимович то ли под Новый год, то ли сразу после, уже в сорок первом – дата затерялась в радости. Перед появлением в Одессе он успел побывать в наркомате, Оника дал ему время отдышаться после лагерей и обещал трудоустроить подальше от мест, где арестовали.

Михаил Иванович Калинин

К возвращению мужа Александра Викторвна наладила в семье свой порядок. В те годы плановая социалистическая промышленность не могла удовлетворять потребности населения в элементарных бытовых товарах, отдала это хлопотное дело на откуп промышленным артелям, а те, в свою очередь, не имея необходимой производственной базы, прибе-

гали к услугам надомников.

Мама и Рада пошли в надомницы. Они получали пакеты полотенечного полотна с нанесенным по трафарету синькой узором, который и вышивали крестиком. Видимо, заказчику работа нравилась, потому что скоро работу дали более тонкую и денежную – вышивку по шелку бисером. Так что материальное положение было не хуже, чем у людей. Возможно, жили тесновато, потому как к «возвращенцам» из детского дома Вадиму и Виктору скоро присоединилась собака Аза. С того самого 40-го года членами семьи всегда были собаки, далеко не всегда породистые, но непременно любимые.

Положение Ставницера-отца долго не могло оставаться неопределенным: помилование не значит оправдание. Поэтому решили так: он едет в наркомат за новым назначением, а семья пока остается в Одессе. Новым местом службы Михаила Фроимовича оказался Сталиногорск – там запускался новый шахтный комплекс. На календаре был май 1941-го. Предполагалось, что семья выедет к нему в июле или августе. Но пришло утро 22 июня... То ли в квартире не было радиоточки, то ли потому что в тот день хотелось быть вместе со всеми, но сообщение о войне слушали на углу Меринга и Толстого – черные раструбы громкоговорителей стояли там на столбе до самих шестидесятых.

С первых дней войны из Одессы можно было выезжать только иногородним и только, как тогда говорили, в организованном порядке. Еще никто не знал слова «эвакуация»,

но вокруг вокзала – море людей. Одесса, как всегда летом, была переполнена отдыхающими со всех краев и окраин. 11 июля Александра Викторовна получила из Москвы правительственную телеграмму на красном бланке. В ней наркомат угольной промышленности просил местные и транспортные власти способствовать выезду из Одессы семьи специалиста М. Ф. Ставницера: жены Гуранской А. В. и пятерых детей – к месту работы мужа. Здесь нужно отдать должное Онике – отправить в июле сорок первого такую телеграмму было не меньшим нравственным подвигом, чем добиться освобождения товарища из лагерей. Тогда такие телеграммы еще дорогого стоили.

Для получения места в эшелоне нужно было попасть к военному коменданту. Но вокзал в осаде толпы, там правительственные телеграммы не в чести, если не сказать, что вызывают злобу, вне очереди – никого, все в равном положении. Александра Викторовна была в отчаянии. Но ранним утром 13 июня в квартирке на Меринга появился военный со знаками отличия политрука. Это был Яков Ставницер, младший брат Михаила, красавец-актер Одесского театра юного зрителя. У него была жена, тоже актриса, и двое малышей, но отправить их из Одессы он не мог, да и куда отправлять? И зачем? Кто в июле 41-го мог представить, какой будет эта война, на сколько затянется?

Проблема выезда была решена с театральным эффектом.

В стоявшую у дома пролетку набились дети, в ногах – собака Аза. Яков и Александра стали по обе стороны на подножки, и пролетка покатила через Тираспольскую площадь и по Преображенской к вокзалу. Между Привозом и привокзальным садиком пролетка свернула и остановилась у небольших ворот, охраняемых часовым. Это был непарадный вход к военному коменданту. Шевроны политрука действовали магически. Оставив семью у ворот, Яков ушел к коменданту и скоро вернулся, всех пропустили внутрь. Аза вошла без пропуска и приглашения. На путях стоял состав: несколько вагонов «теплушек», из тех, в которых помещалось «40 человек или 8 лошадей», и ряд открытых платформ. Яков помог семье забраться на открытую платформу, поднял в прощании руку.

Мы его больше не видели. Во всех лексиконах корневым, несущим главную нагрузку и образующим цивилизационные смыслы словом является род.

Железнодорожный вокзал в Одессе, начало 1940-х

Родословная – от него. Так вот, род Ставницеров прошел испытания и гонения в царской и не в царской России. Не в каждом роду поступили бы, как старший брат Михаила, Лев Ставницер, принимая заботу о Раде и Эрнсте. Члены семьи врага народа – а брат был осужден как враг – имели право на попечение только государства, приютить их значило рисковать головой и своими детьми.

Отдавая детей, Вадима и Виктора, в детский дом, Гуранская была обязана назвать и причину сиротства – осуждение их отца. При том, что об этом должна была знать только директор детдома, вскоре о СВНах – сыновьях врага народа – узнали и воспитательницы, и детдомовцы. В памяти старшего, Вадима, остались октябрьские праздники, когда дети и он среди всех дружно пели песню-благодарность товарищу Сталину. Но когда все стали в круг для танца и должны были

взяться за руки, девочка справа заявила, что детям врагов народа она руки не подает.

Яков Ставницер, несколько не смущаясь и не таясь, вел себя так, как и подобает вести по правилам рода: посещал Гуранскую на Меринга, навещал детей в детском доме, всякий раз с подарками. Его судьба в войне подобна сотням тысяч других судеб. Как политрук он ушел из Одессы с отступившей армией, место для семей в обозе армии предусмотрено не было. Охочие донесли «новой власти» на жену комиссара и ее детей. Они были повешены на балконе их квартиры. Судьба Якова долго оставалась неизвестна. Предполагалось, что он пропал без вести.

Уже после войны, когда вслед за Гитлером и Сталин принялся освобождать мир от «сионистов», Лев Ставницер был осужден на шесть лет лагерей. Как опытный экономист он и в лагере работал в бухгалтерии, его фамилия была у зеков на слуху. Как-то к нему обратился один из заключенных с вопросом, не знал ли Лев человека с такой же фамилией, Якова Ставницера. Лев сказал, что у него был младший брат, пропавший без вести. И товарищ по несчастью рассказал ему историю, выглядевшую и страшной, и восхитительной одновременно. Историю из тех, которые трудно выдумать и которая покажется неправдоподобной всем, кто не знал о врожденном артистизме Якова и его склонности к театральности в самых невероятных и далеких от театральности ситуациях.

По рассказу лагерника, они воевали в одной части с Яковом. Эта часть в 1942-м попала в окружение и была пленена под Харьковом. Ситуация для того времени, к сожалению, обычная. Когда солдат построили, последовала и обычная для той войны команда: «Жиды и комиссары, шаг вперед». Кто-то вышел. И только Яков выступил вперед на два шага – один как жид и другой как комиссар. Это была его последняя и блестяще сыгранная роль. Якова Ставницера застрелили на месте, перед строем, как расстреляли и тех, кто вышел на шаг. Но его смерть запомнилась.

Все это будет потом... А пока семья – мама, пятеро детей и верная Аза – медленнее, чем когда-то чумацкие обозы, продвигается от фронтовых канонад в глубь страны. Зной. Люди задыхаются в набитых дальше некуда теплушках. На крышах вагонов красные кресты – опознавательный символ международного «Красного креста», – и все пока уверены, что немцы не будут бомбить эшелоны под этим знаком. Позади Раздельная, Березовка, Николаев.

Перед отправкой эшелона пассажирам сообщили «правила поведения на пути следования». Нельзя высовываться из дверей теплушек и стоять на платформах. Бдительно следить за сигналами паровоза, частые гудки означали тревогу. При остановке вне станции, что обозначает опасность, дожидаться полной остановки состава и после отбежать от эшелона как можно дальше. Справлять нужду только на остановках. И еще что-то о небе, самолетах, защита красным крестом есть,

НО ВСЕ ЖЕ НУЖНО БЫТЬ ПОСТОЯННО ГОТОВЫМИ...

На Ваш запрос в отношении выяснения формулировки осуждения и других сведений о Почтаре Иосифе Рувиновиче и его товарищей сообщаем, что по архивным материалам уголовного дела № 5160-п:

- Ставницер Лейб Фроймович, 1904 г.р., урож. г.Шепетовки Хмельницкой области, из торговцев, еврей, беспартийный, гр-н СССР, осужден постановлением Особого Совещания от 28 июня 1950 года к 8 годам лишения свободы в ИТЛ по ст.ст.54-10 ч.П и 54-11 УК УССР;
- Турий Абрам Иосифович, 1899 г.р., урож.г.Тетиева Киевской обл., еврей, беспартийный, из служащих, гр-н СССР, ранее не судим 20.П.30г. Особым Совещанием при коллегии ТПУ УССР к 3 годам высылки, 09.П.38 года судим Особым Совещанием при НКВД СССР к 8 годам лишения свободы, постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 28 июня 1950 года осужден по ст.ст. 54-10 ч.П, 106 УК УССР к 10 годам лишения свободы;
- Эпфель Эля Рувинович, 1900 г.р., урож.г.Одессы, из служащих, еврей, гр-н СССР, ранее не судим, осужден Особым Совещанием при МГБ СССР от 28 июня 1950 года по ст.ст. 54-10 ч.П и 54-11 УК УССР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ;
- Купер Арон Львович, 1896 г.р., урож.м.Новый Коргинь /Польша/, из кустарей, еврей, гр-н СССР, ранее не судим, постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 28 июня 1950 года осужден по ст.ст. 54-10 ч.П, 54-11, 54-12 и 180 ч.1 УК УССР к 8 годам лишения свободы в ИТЛ;
- Почтарь Иосиф Рувинович, 1884 г.р., урож. г.Старо-Константиновка Винницкой области, из служащих, еврей, гр-н СССР, ранее не судим, постановлением Особого Совещания от 28 июня 1950 года осужден по ст.ст.54-10 ч.П и 54-11 УК УССР к 8 годам лишения свободы в ИТЛ;

*Таб. ок кл укр. 506 — 10000. 15-07-88 г.

Выдержка из архивного документа: «Ставницер Лейб Фроймович, 1904 г. р., урож. г. Шепетовки Хмельницкой области, из торговцев, еврей, беспартийный, гр-н СССР, осужден постановлением Особого Совещания от 28 июня 1950 года к 8 годам лишения свободы в ИТЛ по ст. ст. 54-10 ч. П и 54-11 УК УССР»

Несмотря на угрюмые лица взрослых, детям это путешествие представлялось приключением. Забившаяся в угол Аза привлекла в этот угол детей. От июльского зноя спасались самодельными тентами и «пляжными» шляпами из старых газет. Скоро вдоль насыпи начали появляться остовы сгоревших вагонов, груды искореженного металла. На станциях, где народу предоставляется возможность оправиться и набрать воды, часто краны оказываются сухими. В то время краны были для кипятка и холодной воды. Никто не спрашивает, почему воды нет – война.

Теперь не упомнить где, на каком отрезке пути паровоз начал резко тормозить и часто-часто гудеть. Кто-то крикнул «самолеты», и раздался такой звук, будто все взрослые одновременно вздохнули. Лязгая железом, состав стал. По обе стороны платформы сыпанули люди. Кто-то, не обращая внимания на остальных, бросился в пшеничное поле. Некоторые задерживались, помогая спуститься на насыпь пожилым и детям. И появились самолеты. Они летели навстречу составу четким треугольником. Пройдя над эшеленом, они описали полукруг и опять оказались впереди. И кинулись вниз, как коршуны на цыплят, с диким, парализующим волю воем. Это были пикирующие бомбардировщики «Штука», сирены которых и должны были вселять цепенящий ужас, вжимающий человека в землю и лишаящий воли к сопротивлению.

Самолеты не бросали почему-то бомбы, они расстреливали нас из пулеметов. Первые очереди прошли тендер паровоза, паровоз – в облаке пара и едва виден, во все стороны летят щепки. Расстрел продолжался целую вечность. Потом самолеты опять выстроились треугольником и стали слышны крики людей.

Сколько было убитых и сколько раненых, никто не знал. Поиски и тех и других продолжались недолго. Машинист, специально выпустивший тучу пара для маскировки, гудками торопил к посадке. Снося раненых и убитых, люди возмущались обстрелом состава под красными крестами. Тогда никому в голову не могло прийти, что ни немцев, ни румын «Красный крест» остановить не мог: в списке цивилизованных народов население СССР не значилось. Формальная причина – потому, что под Международной конвенцией не было подписи Сталина. А настоящая... Настоящая состояла в том, что тот цивилизованный мир, который нам всегда ставят в пример, не видел разницы между людьми и режимом, от которого они страдали. Первой жертвой в семье от налета стала верная Аза. Она с перепугу убежала так далеко, что не услышала призывных гудков паровоза.

Оказалось, что мы не так далеко отъехали от Одессы. На станции, скорее всего, в Березовке, всех пересадили на целые платформы, к вечеру состав пришел в Николаев. И в нашу жизнь вошло слово «эвакопункт». Там нужно было зарегистрироваться и получить «посадочный талон» на пра-

во следовать дальше. Очередь семьи подошла к утру. Правительственная телеграмма все еще производила впечатление. Правда, комендант станции не поленился выйти и пересчитать детей. Он бдительно обратил внимание на странные «сидоры», которые имели старшие дети. «Сидоры» тогда сооружали из джутовых мешков. В нижние углы закладывали камешки и обвязывали веревкой. Получались лямки, которые затягивались петлей вверху.

Так вот, наши «сидоры» выглядели подозрительно «коробчатыми», будто в них находились некие прямоугольные предметы. К примеру, рация или взрывчатка. Комендант велел развязать мешки. Что он подумал, сказать трудно – в «сидорах» были книги. Он пригласил маму в эвакуопункт, откуда она вышла с талонами на посадку в поезд, ночью уходивший на Харьков.

Маму трудно себе представить барыней, не знающей реалий жизни и не понимающей, что такое военное время. Но, видимо, выработанные гражданской войной рефлексы притупились, а возможно, причиной тому и торопливые сборы, но как бы то ни было, а запас дорожной еды был сделан из расчета на продвижение в мирное время. Денег тоже было как кот наплакал. Спасением оказались два пакетика, которые Рада положила в свой мешок. Это были остатки черного бисера и стекляруса – тонких коротких трубочек из стекла. Когда она с матерью пошла в первые дни войны сдать в промартель работы и остатки расходных материалов, а заодно и

получить расчет, то там уже висел пудовый замок. Меновая торговля способствовала появлению еды и предмета, без которого всю войну ездить по железным дорогам было невозможно, – это был чайник. Потом долгие годы, которые семья провела в переездах, на каждой большой станции самый прыткий со всех ног неся в «кубовую» за кипятком. Нашей станцией назначения пустынь – в тех местах, где некогда жил отшельник Тихон. Оттуда на телегах семью довели до шахтерского поселка к главе семьи. Он вырос неподалеку от шахт, в окружении полей ржи и негустых лесов. Весь август и большую часть сентября погода стояла ясной и теплой, война все еще казалась далекой – линия центрального фронта до броски немецких армий на Москву была в нескольких сотнях километров. Но эта «далекость» была иллюзией, которой душа противилась, а рассудок понимал. Война уже чувствовалась во всем. Небо дрожало от немецкой бомбардировочной авиации, которая сбрасывала бомбы дальше, на Подмоскowie и саму Москву. Окна в нашем доме тоже были заклеены накрест газетными полосками бумаги. Это вообще был дефицитный расходный материал – газеты, и неслучайно от довоенных подшивок газет в библиотеках остались ключья.

Самолеты, бомбившие шахты, обычно несли одну-две тяжелые бомбы, которые старались положить в копер. Это в случае точного попадания разрушало выход из шахты и обрушало штреки. Во время очередного налета «юнкерс» силь-

но промазал, бомба упала в центре поселка. Так что газетные наклейки на окнах мало помогли, мы бегали смотреть на воронку невообразимой глубины. К концу лета уже было ясно, что немцы придут.

По дорогам на восток тянулись телеги, запряженные тощими лошадьми, проселками гнали стада коров, которые без подкорма и от безводья падали и не поднимались. Мама с пятью ребятишками была каплей в скорбном потоке. Русская деревня встречала эти потоки по-разному, кто сочувственно, кто со злорадством. Совсем не редкостью были заявления вроде того, что вот-де немцы придут и покажут жидам и большевикам.

Семья уходила по маршруту, согласованному с отцом. Он, ясное дело, оставался на работе и был назначен директором шахт прифронтной полосы. Шахтам предписывалось добывать и отгружать уголь до последней минуты. Специальные подразделения уже НКВД заминировали штреки и должны были взорвать шахты в последнюю минуту. Как впоследствии вспоминал Ставницер, опытные специалисты разработали особую схему подрыва шахт. Зная эту схему, шахты можно было быстро восстановить. А без знания схемы восстановительные работы предполагали новые взрывы в стволах и штреках, уничтожая шахту полностью.

Первые несколько недель семья как-то особенно и не торопилась, была какая-то смутная надежда, что, чем мень-

ше от дома уйдем, тем быстрее вернемся. Просто держались на безопасном удалении от фронта. Но осень не война, ее мужеством солдат не остановить. С началом ливней дороги раскисли, под ногами и колесами превратились в грязное и непроходимое месиво. Когда ударили первые сильные морозы, семья остановилась в одной из деревень на Рязанщине. Мы жили там около месяца, а тем временем отец, выполнив свою работу, отбыл в распоряжение наркомата угольной промышленности, разыскал семью на Рязанщине и повез ее в Куйбышев. Но это так считалось – в Куйбышев. На самом деле старинная Самара была неким эвакуопунктом-распределителем. Прибывших туда прямо с куйбышевского вокзала отправляли дальше на Восток: в Зауралье и Среднюю Азию, Сибирь. Наш жребий был Казахстан. Это считалось удачей. Сибирь же еще хуже! Поэтому слезы и разочарование мамы у таких же, как и она, эвакуированных, сочувствия не вызвали.

До отправления эшелона с беженцами оставалось несколько дней. Мы жили на вокзале.

И вот в этом временном окне в дватри дня судьба нам улыбнулась – в эвакуопункт поступило письмо из наркомата с просьбой изменить предписание и оставить семью на европейской территории.

Ближайшим европейским городом для нас оказалась Сызрань – глухая русская провинция, не потерявшая своей самобытности с тех пор, как была основана в устье речки Сыз-

ранки. Пока не проложили Транссиб, городок жил за счет перевалки грузов с реки на землю и с земли на воду. Прошрое благополучие зажиточной, купеческой части городка, как и следы буйной жизни грузчиков и бурлаков, к 1942 году выглядели одинаково грустно и убого. Мощеных улиц в Сызрани отродясь не было даже в центре, поэтому летом, при малейшем ветерке, над улицами поднимались облака рыжей пыли. Вдоль проезжей части тянулись деревянные мостки, за палисадниками – домики торцевой частью к улице. В домах позажиточнее по два окна, непременно с резными наличниками. На озеленение за пределами палисадников моды и традиции не было, поэтому улицы после Одессы казались черными, мрачными и угрюмыми.

Сызрань почти не знала, что такое беженцы. Этот горевой поток шел через нее транзитом, на восток. В этом было везение семьи. Горсовет предоставил нам неслыханную для войны роскошь – отдельный домик. Он стоял на самой окраине. Это вообще была улица-однорядка, за ней сразу начинались поля. Простор полей с одной стороны обрывался с крутого берега в Волгу. Вдали реку пересекал железнодорожный мост, который местные уважительно называли «Сашкин мост», вообще-то он назывался Александровским. Было известно, что мост строго охраняется, и ближе километра с любой стороны к нему приближаться нельзя ни старому, ни малому: охрана стреляла без предупреждения.

Михаилу Фроимовичу удалось побыть в Сызрани

несколько дней. Немцев скоро погнали от Москвы, он получил в Куйбышеве новое назначение в старые места, под Тулу, восстанавливать «умно» взорванные шахты. Семья оставалась в Сызрани – и потому что ехать было некуда, и потому что мама носила Лешку. В начале сентября сорок второго Рада встретила маму из роддома, и по зыбким мосткам они понесли младенца на улицу лицом к полю и краем к Волге. Новый член семьи оказался тихоней – не кричал, не капризничал. Если едкое мыло военных лет попадало ему на губы, он только кряхтел и морщился.

В конце ноября 1942-го мы засобирались в дорогу. Отец получил новое назначение в Тулу. Она была «режимным», закрытым городом – большую часть стрелкового оружия, противотанковых ружей и зенитных скорострельных пушек производили там.

Дорожный скарб семьи был скромен. Самым важным элементом экипировки были валенки, их удалось приобрести для всех членов семьи. Леше они еще не были нужны, в его распоряжении был короб дореволюционной работы – объемистая плетеная корзина с крышкой на кожаных петлях, с кожаными ручками по бокам. Изнутри она была выстлана подстилкой – стеганный шелк на вате. Так же шелком были обнесены и бока короба, крышка изнутри. При этом в крышке был широкий лючок, тоже имеющий снаружи кожаные застежки. Несмотря на почтенный возраст, короб был и чист, и крепок. Судя по остаткам ремней, его можно было крепить

на запятках кареты. Вероятнее всего, он предназначался для перевозки барских щенков или собачек. Как бы ни было, короб служил Леше надежным укрытием на всем зимнем санном пути от Сызрани до Тулы.

Добирались мы то с короткими, то с длительными остановками в деревнях. Но выглядели они совсем иначе, чем осенью сорок первого. Уже не ревел голодный скот по обочинам, не плелись дорогами угрюмые старики и старухи. Ощущение неизбежного поражения переставало беречь души людей.

Деревни были полупусты, у них было женское лицо.

А что семья двигалась не от фронта, вызывало уважение, с которым приходили доброта и готовность поделиться куском кислого ржаного хлеба и миской тощей, без мяса и жира, похлебки из картошки и брюквы. Русь...

Появление в избе короба, в котором был не скарб, но живое существо, почти всегда вызывало интерес и желание помочь. Для матери и Лешки всегда находились теплый угол и горшок теплой воды. Запомнилось, как в одной из деревень мама расплакалась – пропало молоко. Мальцу всего ничего, кроме груди, иной пищи не знает. И тогда из дальнего конца деревни позвали молодую мать, муж которой уже воевал. Она приложила Лешку к груди, а когда он оторвался, пошутила – вот, дескать, и обзавелись мы молочными братьями. А может, это и не шутка была.

Зима с сорок второго на сорок третий стояла лютая,

безоблачная. Но совершенно неожиданно могло завьюжить, космы сухого колючего снега обжигали лицо, и даже лошади норовили остановиться и отвернуть головы от такого снега. Такие метели заставляли наши сани в открытом поле несколько раз, и только каким-то чудом лошади находили дорогу к деревне. Однажды, выбравшись из такой вьюги, мы пережидали непогоду у добрых людей в очередной деревне. Путь от избы к «нужнику» напоминал экспедиции в неизвестность. Мама и Рада вспомнили Шпицберген, на котором между домиками и службами зимой протягивали веревки. Деревенские слушали этот рассказ как сказку, спрашивали, что за остров такой, дивились, что заносит туда людей по доброй воле. Чем ближе была Тула, тем дорога становилась опаснее – за каждой телегой охотились самолеты. Ехать приходилось ночами, чтобы не искушать судьбу. Уже на подъезде к Туле мы увидели в ночной мгле вдоль дороги странные сугробы. На вопрос матери, что это, возчик равнодушно пояснил – танки. Это действительно были танки Гудериана, которые в октябре 1941-го пытались, обойдя Тулу с востока, прорваться к Москве, но были остановлены не столько силой оружия Красной Армии, сколько теми дорогами сквозь леса и поля, которые распутица превратила в непроходимую защитную полосу.

Эрик, старший из сыновей, бредил настоящим оружием, он все норовил соскочить с саней и исследовать эти забытые

танки, где непременно должны быть автоматы, пистолеты и гранаты. Возчик удержал его не опасностью, а гарантией того, что он до весны примерзнет к насквозь замороженному железу.

Мы въезжали в Тулу глубокой ночью. Город был темен и пустынен, действовал комендантский час. Несколько раз нас останавливал патруль для проверки документов и подсказывал дорогу к улице Свободы. Отец нас там ждал в доме № 20. На два с лишним года он стал для нас родным. Два с лишним года вместе, всей семьей, без переездов и расставаний – такого счастья у нас еще не было.

Восстановленные шахты, на которых работал Михаил Фроимович, находились в десятке километров южнее от города. Дорога к ним вела через выгоревшие дотла пригородные деревни Старое и Новое Басово, мимо разрушенного Косогорского металлургического завода. Поля были исполосованы линиями обороны, обрушившимися блиндажами. Эрика влекло туда, как магнитом. Там – оружие. К счастью, его страсть к поиску оружия закончилась «благополучно» – от взрыва детонатора мельчайший осколочек попал в глаз. Многим ребятам военных лет это стоило жизни и увечья.

Чем занималась в Туле семья? Рада, уже вполне взрослый человек, была маминой помощницей, этого ей хватало с головой. Кому пришлось время в школу – школьничали. Малыши держались за мамкину юбку. Присутствия Леши по-прежнему не чувствовалось – он никогда громко не каприз-

ничал. Среди его первых слов не было «Хочу... Дай...». Видимо, первая картинка семьи для него была – уткнувшиеся в книжки папа с мамой, братья и сестры. В семье была какая-то жадность на книжки, возможно, потому что это было окно в иной мир. К слову, на тульской «толкучке» книжек было море.

Читать мы все умели с раннего возраста – и не по слогам. Однажды Рада, давась от смеха, позвала всех «смотреть комедию». Она услышала в комнате, где был ребенок, какой-то странный шлепок, подумала, Лешка упал. Но оказалось, что, дотянувшись до стола, он стащил на пол тяжелую подшивку журналов «Всемирный Следопыт» и, усевшись возле нее, старательно глядел в страницы и шевелил губами. Мы наблюдали. Через некоторое время он перевернул страницу и продолжал шевелить губами дальше. Когда это занятие ему надоело, он попытался вернуть подшивку на стол. Сколько ему тогда было... Трех не было точно, три года ему исполнилось уже в Одессе.

Алексей Ставницер в детстве, 1940-е

Несмотря на военное время и небольшие достатки, Леша

рос здоровым и любимым всеми ребенком. В многодетных семьях ревность друг к другу редкость вообще, а Леша к тому же был абсолютно не капризен, не навязчив и не обременителен – сказка, а не братик.

Война закончилась, семья была полной, при отце и матери. При шести детях маме полагалась «Медаль Материнства».

Мама к материнству относилась серьезно, к медали – с иронией. Она полагала, что дети – это долг перед жизнью, а не заслуга перед государством. Вместе с красной косынкой комсомолки двадцатых она оставила в прошлом все иллюзии, ее карьерой и высшими достижениями были дети. Она хотела их успехов, достижений, взлетов и славы. Этого хотят все мамы. Но наша мама не тащила своих детей в светлое и прекрасное завтра силком, за руку. Она хотела, чтобы мы этого хотели и достигали сами, чтобы все – из души. В семье никто ничего не заставлял делать – учиться, читать, помогать по дому, таскать в квартиру ведра с водой, гулять с собакой, играть на скрипке и тому подобное.

Наше возвращение в Одессу было лучшим из приключений детства. Дело в том, что отец получил новое назначение – уполномоченным по вывозу из Юго-Западной Европы оборудования для шахт и карьеров. Это, наверное, не совсем справедливое предприятие называлось репарациями. Страны гитлеровской коалиции рассчитывались с победителями за нанесенный урон нашей стране оборудованием сво-

их предприятий. В зоне отца оказались Болгария, Румыния и Венгрия.

Местом своего постоянного пребывания Михаил Ставни-цер избрал Одессу. Похоже было, что с Тулой мы прощались навсегда. Ученые горьким опытом путешествий и переездов, забирали с собой все, включая и мятый чайник с памятного бегства в сорок первом. Для следования к месту назначения отцу выделили «теплушку» – точно такой же грузовой вагон, на котором уезжали из Одессы более везучие, чем мы, беженцы. Только пространство для 40 человек или 8 лошадей занимала теперь одна семья со скарбом.

Теплушка тронулась с товарной станции на Орел, на Курск, на Белгород...

Товарные составы того времени шли неторопливо и по техническим причинам, и особенно потому, что летом 1945 года домой ехала армия – состав за составом, и тоже все в товарняках. В отличие от сорок первого, в вагоне можно было сидеть, свесив ноги, но это если рядом отец. Можно было глазеть на медленно проплывающие пейзажи сквозь открытые двери или в одно из двух узких окошек. В центре вагона стояла кадка, накрытая широким щитом, – стол. В кадке еще оставались моченые яблоки в рассоле. Яблоки были тверды, сочны и необыкновенно вкусны. Сказать, что мы любовались пейзажами вдоль железки, нельзя, но все же в них было некое мистическое притяжение, которое трудно понять и даже представить современному человеку. Поля были безжизненны, не полями земледельческими – полями боя. Остовы сгоревших машин и танков. Пушки с задранными в небо стволами.

И через два года после боев эти поля источали тяжелый запах сгоревших тонн металла, резины, масел и солярки, пороха, тола и человеческой плоти. Таким входило в наше сознание понятие просторов родины.

Ехали мы без приключений. Если не считать Лешину попытку самостоятельно достать яблочко из бочки. Он долго пытался, взбираясь по прислоненной к кадке крышке, и таки долез до края бочки. Поезд дернулся. Ноги мальчика мелькнули в воздухе, но тут сноровку проявила Рада – поймала его

в последнее мгновение. В общем, ничего страшного, только и того, что хлебнул бы рассола. Но от яблок он потом отказался наотрез.

Как уполномоченному серьезного ведомства отцу полагалось служебное помещение, по-современному – офис. Выбирать было особо не из чего, послевоенная Одесса была, конечно, не Сталинград, но и ей досталось.

Местные власти предложили отцу помещение на Троицкой, в котором до войны размещалась какая-то контора.

Чтобы не искать семье уполномоченного еще и квартиру на восемь душ, решили оформить контору как жилье. При жутком жилищном дефиците на это помещение почему-то никто не претендовал, что отца очень порадовало. Но радость скоро сменилась оторопью. В бывшей конторе в годы оккупации квартировали румынские солдаты. Уже этого достаточно, чтобы представить ее состояние. Но картину дополнил пожар – выгорели все перегородки, большая часть пола вместе с опорными балками, в потолке зияла дыра и зияющие провалы вместо окон. Окон, кстати, по фасаду было восемь, контора по площади была за сто квадратов. Ход с предложением совместить контору и жилье был чисто одесский – таким образом власти умывали руки от восстановления помещения. А в послевоенное время это была не простая проблема: дефицит стройматериалов был не меньшим хлебного. Проблема имела и чисто одесский привесок – дво-

ровое население использовало пепелище под помойку, заваливая его также строительным и бытовым мусором. Словом, ордер был, а жить где не было. Наше немалое семейство приютила младшая сестра отца, она с мужем и сыном Феликсом имела крохотную комнатку на Садовой. Сегодня Феликс Кохрихт известный и уважаемый в Одессе журналист, общественный деятель. Тогда это был ребенок с огненно-рыжими волосами и яркими голубыми глазами.

Ремонт шел, как и все ремонты, муторно, долго, неповоротливо и непредсказуемо. К тому же отец неделями, а иногда и месяцами, не вылезал из командировок, перемещаясь по трем немалым странам и следя за качеством демонтажа и отправки оборудования. Так что наша первая зима в Одессе была несладкой – с горем пополам приспособили к жизни одну комнату, в которой стоял жуткий холод. Нельзя сказать, что мы жили голодно – мы жили как все, и голодный 46-й был для нас не лучше и не тяжелее, если не учитывать, что кормить шестерых детей все же сложнее, чем одного-двух. Мама всегда в таких случаях говорила – ешьте, что есть, марципанов сегодня не будет. Что такое марципаны, мы не знали, это слово на многие годы стало для детей символом запредельного счастья и достатка. Но однажды стало особенно голодно, и маме удалось где-то заполучить картофельные очистки. Они были смерзшиеся, какого-то зеленоватого колера. Она помыла их, прежде чем бросить в кастрюлю, расплакалась. Плачущая мама – это была картина невообрази-

мая, невероятная. Маму никто никогда не видел в слезах. Дети сгрудились вокруг, и мама сказала: «Бедные свиньи, как они это едят?» Эти странные слова врезались в память всем и навсегда.

Потом мы еще раз увидели маму в слезах – в 51-м, когда умер от болезни почек Эрик. Ему было двадцать. Его похоронили на католическом кладбище, которое было частью Второго Христианского.

Наши временные трудности растянулись на многие годы, пока отец занимал высокую должность. Казалось бы, что все должно быть наоборот. Но не в случае с нашим отцом. Он был из тех, о которых пелось – в первую очередь думать о родине, а не о семье. Но, к счастью, в послевоенном Минуглепроме началась реорганизация, Управление по репарациям выделили в особый главк, а поскольку у побежденных уже скоро можно было отнимать только душу, то его упразднили. Отца вызвали в Москву. Похоже было, что придется переезжать куда-то в очередной раз, возможно, даже в Москву. Но Михаил Фроимович был крепко учен жизнью и системой, шкурой чувствовал новый вал репрессий и попросил направить его в Украину, в управления нерудных ископаемых. Там как раз назревала очередная реорганизация, что позволило тихо и незаметно ускользнуть из номенклатурной обоймы и заняться тем, что всегда отцу было интересно и к чему лежала душа, – журналистикой. К этому времени он был ав-

тором книги «Русские на Шпицбергене», изданной в 47-м издательством «Главсевморпуть» в Ленинграде. Книжка не осталась незамеченной, так как интерес к Арктике вообще и Главному Северному морскому пути в частности остается в центре интересов всех стран, имеющих выход в Ледовитый океан. Михаил Фроимович регулярно сотрудничал с весьма популярным столичным журналом «Вокруг света», а это было как знак мастерства – ему заказывали материалы и охотно печатали киевские журналы.

Похоже было, что отец наконец-то начал заниматься тем, что ему по-настоящему нравилось и к чему он имел настоящее призвание. Пулеметом стучала у него в кабинете пишущая машинка, что было показательным – в те и многие последующие годы журналисты обычно пользовались услугами машинисток, а сочинения свои писали от руки. Считалось особым шиком принести в редакцию перебеленный, готовый к набору материал. Отец был жанрово жаден – он умел и мог все, от репортажа до очерка, очень интересно работал в краеведении, сразу, как инженер, постигнув главный принцип этой литературы – знание исторического материала, архивов. Его очерками об истории одесских улиц, о горе Чумке, о знаменитых для города личностях зачитывалась вся Одесса. Он никогда не «подогревал» себя алкоголем и вообще был к выпивке равнодушен, но курил... Облако табачного дыма не окутывало его только сонного. Помимо книжек о истории одесских улиц, китобоях, запредельной Арктике, он писал

также пьесы – они ставились в Украинском театре. Причем, Михаил Фроимович был по-настоящему двуязычным: писал как на русском, так и на украинском. Вообще-то в семье говорили по-русски, но никакой язык у нас не был чужим или чужеродным. Мама могла сказать, что думала, и по-польски, а эмоции обычно и отцом, и мамой выражались украинским «А хай ти згориш!».

К. Саркисян
М. Ставницер

Улицы
рассказывают...

Первое издание книги «Улицы рассказывают», 1967 год

Словом, после войны жизнь наконец-то начинала налаживаться. Но это ощущение было с примесью тревоги – репрессивная машина продолжала работать, власть свихнулась на борьбе с сионизмом.

К. САРКИСЬЯН
М. СТАВНИЦЕР

**УЛИЦЫ
РАССКАЗЫВАЮТ**

Возможно, ранее, сразу после ареста старшего брата отца Льва Ставницера, до него руки не дотягивались, так как он был в постоянных разъездах – что называется, не на виду и не на слуху. А тут – публичность, читательская известность.

Гром грянул как с чистого неба 18 февраля 1953 года. В «Комсомольской правде» появился фельетон под странным названием «Шанхаер». Странным потому, что никому за пределами Одессы это слово было непонятно. Более того, его уже лет пятьдесят не было и в лексиконе даже старых моряков. Шанхаерами называли мелких торгашей в китайских портах, главным среди которых был Шанхай. Каждый входящий в порт корабль атаквала на легких джонках тьма услужливых китайцев, которые оказывали массу разных бытовых услуг. Потом их потеснили агентские компании, но кто хотел обслужиться дешево – пользовался услугами шанхаеров. Автора фельетона, впрочем, не интересовали такие тонкости частной торговли. Он обрушился на Михаила Фроимовича как на «литературного шанхаера», который нигде не работает, а везде печатается, предоставляет свои литературные услуги некоторым гражданам и, естественно, гребет деньги лопатой. В то время как честный советский журналист должен прославлять человека труда. Ну и так далее...

Тут дело было в обычной черной зависти. И поводом был выход книжки о китобойной флотилии «Слава», автором которой был известный руководитель флотилии, но литератур-

ная запись – отца. Обычная для советской журналистики практика. Вплоть до самой перестройки во всех газетах гонимый фонд делился на две неравные части. 40 процентов полагалось штатным журналистам, 60 – рабочим и сельским корреспондентам. Поскольку последние ничего сами писать не умели, то за них статьи сочиняли квалифицированные журналисты.

То, что состряпал одесский журналист, фельетоном в истинном понимании этого жанра не было. Это был донос. Остается гадать – заказной или по гнусности характера, после подобных «фельетонов» судьба антигероя решалась по стандартной схеме: арест, следствие, лагерь. Отсутствие состава преступления вряд ли смутило бы госбезопасность – за ним тянулся давний след врага народа, к тому же братионист уже сидел. И неизвестно, что было бы дальше, но за февралем пришел март 53-го. Сталин умер. Судьбодробилка забуксовала. Вряд ли Алексей в десять лет понимал весь трагизм происходящего, но что над семьей нависла беда – понимал вне всякого сомнения.

Как никто другой отец знал, что такое ГУЛАГ, и здесь стоит вспомнить о его отношении к освещению этой темы в литературе. Когда в 60-е, в хрущевскую оттепель, появились первые произведения бывших лагерников, ими зачитывалась вся страна. Читали и у нас дома. Отец был ироничен. Вознесенный до небес «Один день Ивана Денисовича» его

почему-то насмешил. Он не считал, что трагизм и отчаяние бесправного зека переданы там достоверно. Почему он сам так и не взялся за эту тему – вопрос без ответа.

Помимо запойного чтения, в семье было еще одно увлечение – музыка. Все дети унаследовали от матери абсолютный музыкальный слух, но по возрасту учиться музыке получилось только у троих младших. Виктор избрал виолончель, Серафима осваивала фортепиано, а Леша с шести лет был занят скрипкой. Так что всем судьба предопределила учиться в знаменитой школе имени Столярского. Школа эта была особой не потому, что специализированная, музыкальная. Там как-то естественно подобрался едва ли не лучший в Одессе учительский коллектив. Детей не натаскивали, а учили, в том числе и думать, размышлять, чувствовать. Здесь просится такой пример.

Летом 1958 года повзрослевший Виктор с приятелем отправился в поход на Кавказ. Ясное дело, что «бюджет» этого путешествия был скуден, предполагали путешественники ехать в общем вагоне, спать в палатках и так далее. Из Кутаиси мы получили от Виктора открытку – все нормально, покоряем Кавказ. И вдруг, почти вслед за открыткой, появляются сотрудники органов и заявляют, что Виктор и его приятель... убежали за границу. Все молчат. Опера, видимо, ждут вопросов и оправданий. Лешка выходит из комнаты. Пришедший в себя после новости отец говорит: «А я-то полагал, что у нас границы на замке...» Опера только хва-

тают ртами воздух от возмущения. И тут появляется Алексей с открыткой от Виктора и географическим атласом. Зачитывает сообщение от брата – еще собираемся посмотреть в Грузии то и то, потом отправляемся в Азербайджан. Потом раскладывает атлас и просит оперов показать на карте, где Виктор перешел границы. Опера в замешательстве молчат...

Александра Викторовна любила пение, с удовольствием слушала музыку и, есть такое предположение, втайне надеялась, что Лешка станет великим скрипачом. Мать никогда не терзала его принуждением к музыке, впрочем, как и остальных. Но уж как-то само собой получалось, что, когда Лешка становился к пюпитру, в квартире становилось тише.

Сегодня попытки извлечь из памяти друзей и родственников образ Лешки-ребенка и подростка сложен и обречен на неуспех. Мы все видели его разным, в разных ситуациях, и еще потому, что в семье между детьми была серьезная разница в возрасте. Серафима старше Лешки на четыре года, Виктор – на шесть, а Вадим – на восемь лет.

Лешка еще ковылял по квартире гадким утенком, а Рада уже была взрослой девушкой, признанной красавицей и кумиром для сверстников. Сохранилось воспоминание одного из соучеников – они вместе учились под Тулой после возвращения семьи со Шпицбергена: «Ей тогда было двенадцать лет, она была похожа на изящную статуэтку, способную ожить в сочетании движений и музыки».

Мало кто знает, что альпинистское мастерское звание у

нее было третьим. Бог весть, как сложилась бы ее судьба, не будь войны. Пожалуй, ни у кого в семье не было столько силы воли, характера и потенциальных талантов и задатков, как у Рады. Ум у нее был цепкий, потом она уже в Одессе окончила географический факультет университета, но таким географом-гидрологом, как мечталось, стать не удалось. Упал железный занавес, океанские экспедиции были больше разведывательного характера, так что пришлось идти перекладывать бумажки в проектный институт. Тоска. Но у нее к тому времени уже было окно в иной мир.

В 1943-м Рада пошла в секцию спортивной гимнастики. 16 лет, скажем прямо, не самый лучший возраст для начала занятия спортом, потому что до этого она никогда ни в какую секцию не ходила. Тем не менее, вскоре после приезда в Одессу Рада получила звание мастера спорта СССР, что было несомненным успехом. А уж то, что ее включили в состав делегации Украины для участия в первом Параде физкультурников в послевоенной Москве, – признание.

**Рада Ставницер (крайняя справа) с подругами в альплагере
Цей, Северная Осетия, 1954 год**

Одесса, Дерибасовская, 1950-е

Девушка неумемной энергии и азарта, она скоро ушла со спортивной гимнастики в акробатику и тоже стала мастером спорта. Потом – мотоспорт, первый разряд, и наверняка стала бы мастером, но как-то неожиданно и серьезно заболела альпинизмом. С тех пор дома появились и больше никогда не исчезали атрибуты альпинистской жизни: веревки, крюки, штормовки, ледорубы, горные ботинки и много еще чего, что не встретить в обычном доме. Не переводились потому, что к альпинизму приобщались все дети – в большей или меньшей мере. Вадим «выходил» значок «Альпинист СССР», Сима дошла до второго разряда, Виктор альпинистскую оскому сбил очень быстро – его в горах завораживали не вершины, а краски, Алексей же и вовсе стал профессиональным альпинистом.

Рада никого из братьев и сестер не опекала, не включала в свои отряды. Но всегда все видела издали и ни один промах не оставляла без внимания.

Не любила хлюпиков и нытиков. Лешка Раду не просто любил, она была для него высшим авторитетом и во взрослой жизни. Есть семейный сюжет, как в 1945 году отмечали Лешин день рождения – трехлетие. Дело было на Садовой, в тесной комнатухе Кохрихтов. С Нового базара принесли такую-сякую снедь, много фруктов, и маленькие, яркие желтые дыньки. Леша принял их за мячики и принялся играть. Сильно расстроился, что мячик упал на пол и расквасился. Он поднял разбитую дыню и принялся, задрав брови, недо-

уменно ее рассматривать. Потом отнес куски матери и выдохнул: «Он поломанный». Мама долго не могла понять, что малыш имеет в виду, а когда поняла, то, смеясь, объяснила, что это не мячик. Потом подала тарелку, на которую Лешка положил «мячик», но расстройство было столь горьким, что он расплакался. Но тут, как в сказках бывает, пришла с подарком двоюродная наша сестра Рая, дочь Льва Ставницера, и это был маленький мячик. Леша осторожно уронил его на пол, и когда тот подскочил, он побежал с ним к матери и восторженно заявил: «Он прыгает, прыгает!...»

Однажды, много лет спустя в гостях у Феликса Кохрихта. Слева направо: Алексей Ставницер, Феликс Кохрихт, Вадим Сполански, Виктор Ставницер. Через много лет после детства, прожив каждый свою юность и молодость, идя по жизни каждый своей дорогой, они будут встречаться в Одессе, не часто, но в радость

Вообще он был человечком любознательным. На том же

дне рождения еще один двоюродный брат, сын того же Льва, подарил ему коробку с набором деревянных деталей различных форм – что-то вроде «конструктора». Там были и ярко раскрашенные шарики. Игрушка была с «толчка», явно немецкого производства. Феликс, несколько старше Леша, принялся строить различные «дома и замки». Но Лешино внимание привлекла способность шариков катиться по полу тем дальше, чем сильнее их толкали. Пол был неровный. Леша принесли гладкую доску. Поигравшись на плоскости, Леша обнаружил, что по наклонной доске шарик даже не нужно толкать, он охотно катится сам. И Леша начал ставить эксперименты, придавая доске различные наклоны. Он следил за тем, как далеко покатится шарик в зависимости от угла наклона, как-то не по-детски сосредоточенно.

Не всегда, но часто, возвращаясь из заграничных командировок, отец привозил нам подарки. Однажды Леше достался подержанный, но крепкий велосипед на двух колесах. Пользуясь тем, что в квартире еще не было ни одной перегородки, Леша быстро научился раскатывать на нем. Среди игрушек были две, которые особо заинтересовали Лешу. Первая – лодочка из жести. Достаточно было подставить под маленький плоский котелок внутри лодочки огарок свечи и немедленно опустить ее в воду, как лодочка, издавая булькающие звуки, начинала двигаться, и так – пока под котелком горел фитилек. Проблемой игры с этой лодочкой была вода. Ее в квартире тогда не было, и воду приходилось но-

сидеть со двора ведрами, наливать в большое корыто, по-одесски «балия». Когда воды было достаточно, Рада или Эрик заводили под котелок свечку, и все, окружив балию, наблюдали за кружением лодочки. В какой-то момент Леша обратил внимание на это занятие. Он долго стоял за спинами, потом продвинулся вперед, залез в воду и подхватил лодочку. К счастью, свечка погасла и котелок не распаялся. Не обращая внимания на возмущение компании, он долго вертел лодочку, то со стороны днища, откуда выходили две тонкие медные трубочки, то пытаясь заглянуть вовнутрь. Тогда никто не мог объяснить ему принцип действия забавной лодочки, и это мало его заботило. Леша обратил также внимание, что единственной подвижной деталью является румпель. После того, как ему объяснили назначение руля и вновь запустили лодочку, Леша не оставил ее. Он принялся молча исследовать влияние положения румпеля на циркуляцию лодочки и, пока не исчерпал варианты углов поворота, от балии не отходил. Его любознательность никого не отягощала. Иногда Лешу не было видно и слышно часами, и его нужно было искать в каком-либо углу, где он настойчиво занимался тем, что ему нравилось.

Однажды, когда Леше было около пяти, в доме появился странный предмет. Это был жестяной саксофон, с тщательно выполненными штамповкой деталями, но не более того. Это была игрушка. Однако сбоку внизу выступал лючок, закрытый решетчатой крышкой. Под эту крышку нужно было

вставить вырезанную кругом папиросную бумагу. И игрушка превращалась в музыкальный инструмент типа гребешка, на котором прижатая бумага издает тонкий звук. Благодаря рассчитанной акустике, имитация звуков саксофона была прекрасной. После того, как Леша усвоил прием игры, он с первой же попытки повторял любую услышанную им мелодию.

Переезд в Одессу ознаменовал переход от жизни кочевой к оседлой. Скоро к квартире на Троицкой прибавилась, благодаря отцовским гонорарам, дача на 10-й станции Фонтана. Семья становилась благополучно-зажиточной. Но вот что любопытно... Хотя и отец, и мать выросли, что называется, на земле, рекорды по урожайности овощей и фруктов они не ставили. Что росло, то и росло. Особая любовь у мамы была к саду, а в саду – к абрикосам. Они у нее всегда рождали, она их сушила, консервировала, косточки собирали чуть не мешками, фруктами одаривали соседей и просто прохожих. Она дожила под сенью любимых деревьев до глубокой старости.

Чтобы чувствовать себя хорошо, комфортно, родителям было достаточно кровя над головой и хлеба насущного. Они не стяжали и не копили, не болели вещизмом, единственной реальной ценностью считали жизнь и детей, а не то, что они должны оставить детям.

В доме на Троицкой всегда было много гостей по шко-

ле, по спортивным секциям, по иным интересам. Дом был, что называется, открытым. Они удивлялись, что обстановка в квартире как бы самопроизвольно перемещается – вчера видели обеденный стол в одной комнате, а сегодня он оказывался в другой со всеми стульями и табуретами. Менялась планировка помещений: то появлялась, то исчезала «кладовая», кухней оказывалась бывшая спальня или рабочий кабинет отца. Создавалось впечатление, что не обитатели квартиры приспосабливают ее к себе, а квартира приспосабливается к характерам и привычкам обитателей.

Такое же впечатление, наверное, производили и обитатели квартиры, дверь в которую на протяжении многих лет закрывали на ключ только на «дачное время» – все остальное время ее только на ночь закрывали на цепочку. Дети тоже выглядели предоставленными самим себе, во все времена года они уходили и приходили домой в разное время, ели что было и когда хотели, слова «режим» в лексиконе семьи не существовало. Но бесхозность и беспривязность была кажущейся, так как мама все видела и контролировала. Лекций и нравочений не было, пояснения, что можно и что никогда на свете, были. Характеры и склонности младших детей формировались в то время, когда послевоенная Одесса была полублатной, полубандитской. На бесконечных пляжах промышляли воровские шайки, по привокзальным притонам отлеживались банды грабителей, день начинался с новостей об ограблениях, насилиях, убийствах и побоищах. Ве-

черами по Дерibasовской и по Приморскому бульвару планировали граждане, будто сошедшие со страниц Бабеля, персонажи вольного города Черноморск. Тут за ребятами нужен был глаз, да и еще какой острый. Но никогда не было иного наказания, чем выговор.

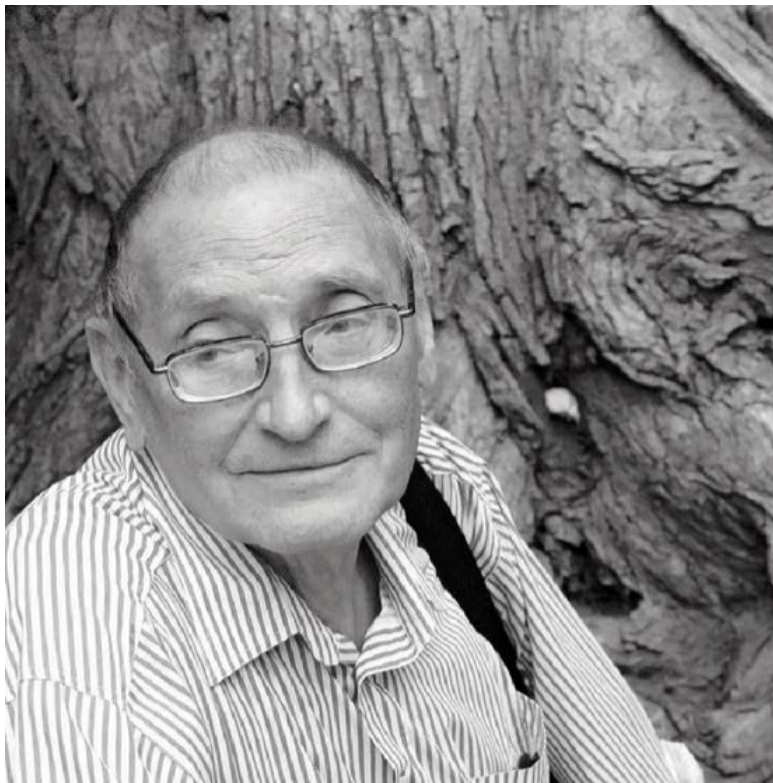
Летом Рада постоянно отправлялась на альпинистские сборы – на сей счет было правительственное постановление, альпинистов освобождали от работы с сохранением зарплаты. Рада уже была инструктором, сборов традиционно было в году несколько, включая тренировки на скалах на Южном Буге. В выезд 1951 года туда попал и девятилетний Леша. На берегу, среди палаток лагеря, едва ли был еще один человек счастливее, чем он. Рада рассказывала, как, перекинув через плечо моток страховочной веревки и натянув на голову кепчонку, Леша так быстро двигался по лагерю, что казался всеприсутствующей персоной. До собственных гор и восхождений еще должны были пройти годы жизни, но что-то начиналось уже тогда.

Детство всегда тянется долго, но кончается неожиданно. Прошло оно и в семье Ставницеров. Виктор, окончивший школу Столярского, выбрал свой путь – занялся скульптурой. Вадим к тому времени уже получил инженерное образование в политехническом. Серафима охладела к роялю и окончила вначале техникум, а затем университет. Сделал свой выбор и Леша. После школы Столярского он про-

шел мимо консерватории в сельскохозяйственный институт – изучать автоматизированные системы управления.

Понять причину отказа Леши от профессионального занятия музыкой и просто, и сложно. Просто – потому что понимал, что это не то, без чего жизнь пуста. Сложно – потому что чужая логика всегда непостижима.

Виктор Ставницер

**Родной брат Алексея Ставницера, член Союза художников СССР,
член Академии современного искусства, скульптор, график,
театральный художник**

Он едва различим – этот плач без звука еще одной осиротевшей пяди земли. В сердце – Тень. Разговаривать, ласкать собаку, землю, листья, пока не настало время «дышать на корни», «стеречь все это изнутри». Остановить время, застопорить Землю. Жаль, делать это нужно было раньше, пока еще столько любимых было по эту сторону, где зелень пахнет теплом.

Троицкая

«1945-го года, июня 28-го дня Акт Комиссия в составе (...) ...сего числа произвела обследование объекта по ул. Милиции, 45 (2-й этаж), разрушенного при пожаре во время немецко-румынской оккупации и пострадавшего при бомбежке во время осады города Одессы. Объект – 2-й этаж северного крыла дома № 45 представляет собой выгоревшее помещение длиной 17, шириной 7 метров. На площади 120 м кв. пол отсутствует полностью. Отсутствуют перегородки площадью... Обвален потолок площадью... Требуется заменить 85 % чердачных перекрытий».

ОРДЕР № 3422

Выдан жилищно-квартирной инспекцией исполкома Сталинского райсовета депутатов трудящихся гр.

Ставнищера Е.И.Ф. (колич. членов семьи 8 чел.) на право занятия жилплощади

по ул. Мелихи
дом № 45 кв. № 18а комната № 3х65 м²

Председатель исполкома Сталинского райсовета

Мая районной жилищно-кварт. инспекции

1946 г.

Ордер действителен в течение 10 дней со дня выдачи.
Книжная ф-ка Одесса 85⁵—2000

В общем, отсутствует, не присутствует, просто нет их в природе – еще 20 пунктов того, что превращает дыру в пространстве в жилье.

«Комиссия считает: к ремонту приступить немедленно, т. к. ...»

На обороте этой ветхой бумаги, видимо, много позже, карандашом, маминым почерком: «Дети, очень может пригодиться этот документ, по возможности, берегите его вместе с ордером на квартиру».

Видимо, отец прихватил меня с собой, или я сам увязался. Дорогу от Садовой улицы до этой я не запомнил. А здесь – почти безлюдная улица, запах гари, шелест листьев, дребезжание трамвая от недалекой Преображенской (вообще-то все названия из потом-потом...). Отец негромко разговаривает с какими-то двумя, а я обшариваю взглядом обстановку. Плотный уложенный булыжник мостовой, от бордюра – полоса земли, с торчком стоящим камнем-дикарем, затем тротуар – два ряда синих лавовых плит, снова полоса земли и уходящая под дом дыра, а вверх – ущелье в небо. Чугунная лестница – смесь болтов и узоров – лежит рядом с мостовой. Неясно, родная она дому или где-нибудь «свинтили». Дня, кажется, через два под руководством отца до десятка рабочих, ругаясь и стеная, воздвигнут ее между двумя дырами, получают «могарыч» – пару бутылок водки и кусок сала, – и начнется квартира № 18 по улице Милиции, 45, угол проспекта Сталина.

Бочки с известью, доски и толь, кирпичи, фанера и глина, стук молотков, ругань рабочих, сквозняки и пыль, и где было во всем этом место для маленького совсем еще Лешки? И сколько нужно было маминых сил, чтобы не упустить его среди гвоздей и стекол, среди луж гудрона и всполошенных крысиных стай? Правда, раз-два в день звучало: «...оторвься от книжки, иди погуляй с ребенком!..» Это было беспресловенно. И вот учишь его спускаться с лестницы или подмышку возьмешь, а он вырывается. И под каштанами проспекта,

чтобы он не брякнулся, не укололся, не порезался. Основная команда: «Брось гадость!..»

Вечер, окна заслонены фанерными щитами, закрыта дверь на лестницу, и в огромном гулком пространстве, все еще открытом до стропил, наступает относительная тишина. На дощатом столе рядом с керосиновой лампой – кастрюлища с едой. Не дом еще – бивуак, пикник, нора, логово. Затем сон на дощатом помосте – рядком, завернувшись в разномастные одеяла.

Под вой ветра на чердаке, под писк и скрежет крысиных зубов и когтей – изо дня в день. Не описать всех цветов и оттенков этой темени и грязи.

Впрочем, этот мрак довольно скоро стал рассеиваться. Из одной из экспедиций за репарациями, кажется, из Румынии, отец привез несколько оружейных ящичков, доверху наполненных батонами балыка осетровых, и громадную бочку пахучего красного вина. Вино полагалось рабочим, а балык уходил строительным и подрядным начальникам, и появлялись сухой лес для каркаса перегородок и пола, оконные рамы, вода из крана и унитаза. В общем, лютую зиму 46-го года, когда сугробы вылезли почти до карниза 2-го этажа, семья встретила под крышей. Тепло давала небольшая печурка-казанок, жестяная труба которой шла через полкомнаты и дымила в окно. К утру, правда, температура – ниже бодрящей. С утра каждому полагался обмакнутый в постное масло и чуть присоленный ломтик хлеба (лакомая горбушка по

очереди) и обязательная ложка рыбьего жира. Где-то в середине зимы отец привез картошку, а потом наступила весна, а за ней лето, а летом в Одессе о голоде можно не говорить.

В середине лета сняли дачу неподалеку от участка, о покупке которого отец договаривался в предвидении гонора за книжку. Как-то солнечным днем мы с мамой отправились смотреть будущую недвижимость. Глядя на четыре стены из ракушечника без окон, дверей и крыши, мама протянула: «Та-ак, очередной полигон для работы на свежем воздухе. Но каков воздух!» А воздух жужжал пчелами и пах петунией, маттиолой и абрикосами, оранжево покрывающими землю.

Я бросаюсь их собирать, но мама: «Нет, Витенька, положи на место, это еще не наше...» – «Мам, но...» – «Никаких но! Впрочем, давай-ка и мне одну и идем отсюда». Такой вот урок на ходу...

Мама

Еще один такой же урок, правда, пожестче. Году, кажется, в 1950-м на Соборной площади высадили розы. Порадовать маму: поздним вечером, ползая на брюхе, нарезать штук пять, таясь кружным путем добраться до дома, протянуть маме букет. «Я так понимаю, сын, ты прямо с Соборной площади? Так, быстро уходи, пока я добрая. Иди, выбрось их, чтоб никто не видел.

Мне ворованного не надо, и если еще раз что-нибудь такое увижу, что-нибудь такое услышу – не проси Бога!» Ни одного при том жеста, только интонация в среднем регистре... Думаю, священные заповеди на скрижалях только записаны, живут же в душах, в генетике, в странных этих спиралях, в сплетениях, знаках, не до конца расшифрованных. И мамина щепетильность оттуда откуда-то, из старосветских ее корней.

Прадед Юзеф Гурански принадлежал к шляхетскому сословию, к самой обширной его части, обозначаемой как «голова гербова» или «шляхта шарачкова». Где-то в 90-х годах XIX века он вышел из католичества, мотивы неизвестны, но с той поры Гурански – православные. Имел двух дочерей – Марию (Марыня) и Стефанию (Стефа) и сына Виктора. Коротко: Марыня имела двух дочерей Александру (Тяня) и Ка-

терину (Котя). Муж Марыни был компаньоном князя Сангушко, муж Стефы – экономом. Все эти люди после убийства князя уехали за границу. У деда Виктора Гурански и жены его Иоханны-Юлии Рутковски было трое детей: Ксения, Александра и младший Антон. Ксения родилась в Славуте, а мама и Антон – в Каменце-Подольском. Подолье, одним словом. Несколько раз в жизни слышал, как в разговорах мамы и сестры ее Ксении звучали странные поэтические названия городков и местечек: Корчик, Очеретня, Кременец, Монастырище, Гримайлов – и как мечтали сестры еще хоть разок в жизни, хоть одним глазком...

После ареста Виктора Гурански для семьи настало «злыденне жице». Ушла гимназия и казенная квартира, осталась работа «на земле» для прокорма, и неизвестно, как сложилась бы жизнь дальше, если бы не поддержка князя Сангушко. Потом революция – косынки, кожанки, ячейки. Спрашиваю как-то: «Мама, зачем тебе был нужен этот ЧОН?» – «Не говори ерунды, Витенька, во-первых, там паек давали. Во-вторых, твоего отца встретила, вернее, не я его, а он все ходил и ходил за мной: «Шура, ты будешь моей». Однажды нас послали ловить «банду», мы с ним отбились от всех, заблудились в лесу, и я до вечера таскала его винтовку, а он проявлял знание географии. То искал мох на деревьях – север, то просто бегал кругами с криком «А-у-у». Так что если бы в этом лесу были бандиты, ты бы сейчас не морочил мне голову».

Мама довоенная – это детдом, археологический музей, где запомнились мумия, эскимо на палочке и тому подобное в неисчислимом множестве. Главное чувство тех времен – ощущение надежности, когда она держит тебя на руках.

1942-й, Сызрань. Мама несет меня через речку Сызранку, по льду бегут ручейки, скрываясь в желтых промоинах, сверкает солнце, мама ставит меня на лед: «Дальше ножками, а то тяжело, нас же трое – ты, я и «свинка»». «Свинка» – это у меня тяжелый пузырь под подбородком, и движемся мы в больницу на операцию. Сейчас понятно, что ей нужно было сказать – «нас же четверо» – ведь Алеша уже был на полпути к этой прорве между синим небом и рыжим льдом.

Потом лето, потом много этих наполненных доверием к могуществу матери Времен. Так велико было ее внимание и терпение, что годами «ма-а-ма...» – зачитать потрясший кусок книжки, подбегаешь: «Ма-а, есть что-нибудь поесть?»

Осенью того же года мама и Адя (Рада) пришли с толстым пакетом, я пошел за ними – что бы это могло быть? Пакет развернули, тонкий писк, и что-то сине-розовое, запах еще странный. Мама стала расстегивать кофту, Адя тычком выставила меня за дверь, и я на время забыл о «его» существовании. А он начал свой бег – пока еще в разные стороны одновременно, а потом – дороги-дорожищи, шоссе и тропы, леса и горы, ущелья и море, камнепад и ласки...

Интересно, откуда вообще у женщин той поры и у Шуры

Гуранской, в частности, были силы обрабатывать пространство семьи в ту пору, когда вокруг только враждебные человеку времена и обстоятельства. Шить, стирать, готовить, убирать, стоять в очередях за едой и снова, снова все то же изо дня в день. Может, готовность к добровольной «каторге» была в крови их поколения? А может, и не «каторга» вовсе – эта полная трудом кропотливая жизнь день за днем? Может, это даже интересно, особенно когда считаешь все неодушевленное живым, т. е. все – живое. Например, печке: «Ну, что ты, мерзавка, не разгораешься?..» Или: «Кошка, слезь со стола...»

А еще она с утра до ночи пела песни – польские, русские, украинские, революционные, – читала стихи и молитвы (возможно, с тайной мыслью: а ну, детишки, кто клюнет?..). Один клюнул, это точно.

«Благодарю тебя, пане Боже, что живым проснулся после этой ночи, в то время как тысячи людей в эту ночь умерли...»

Любимые мамины песни необыкновенно грустны. «Как я любила Джемми, мой милый, любимый...», «Спи, моя радость, усни...», «Мой Лизочек так уж мал...» Революционная: «Мы сами копали могилу себе...»

Мамины предсказания всегда сбывались. Сказала мне, как-то заснувшему в постели с сигаретой: «Однажды проснешься в темень, вонь и скрежет зубовный». Сбылось ведь через десять лет...

Мама петь перестала после смерти Эрика в 1951 году осенью.

Эрик. Эрнст. Эрка

Мама звала его Эрунечка. Сильный такой, надежный старший брат. «Руки вверх!» – говорит, берет за запястья, осторожно сажает себе на плечи, потом долгое путешествие по улицам Тулы, дружеские встречи, перекочевываешь на плечи улыбчивого хулигана по кличке Курс. Их три брата: Курс, Хорек и Сёка. Тебе могут подать в эту высь пирожок или чудо-мороженое. Потом пустой парк, за ним свекольные поля, усеянные рыжими квадратами бумаги – это немецкие листовки. Набрав их полные горсти, несешь к вкусно пахнущему костерку, вокруг которого резвятся подростки. Эрка сует рыжую бумагу в огонь, а тебе протягивает дымящуюся на прутке свеколину.

Маленький совсем Алеша движется по свеженастланному полу в каком-то странном ритме: прыжок вперед, шаг в сторону, прыжок назад, опять вперед и пробежка... Эрик смотрит на малыша и говорит: «Вылитый тушканчик». «Что это – «вылитый тушканчик»?» – спрашиваю. Эрик протягивает руку к подоконнику, берет толстый том Брема «Жизнь животных»: «Найди про братика». Нахожу. Тушканчик – симпатичный зверек, уходя от врагов, совершает сложнейшие па.

Однажды: «Шитька-виц, – что значит «по фене» Витька, – только никому: папа хочет купить поросенка, идем за желу-

дями». Долго бродим по всему Ботаническому саду, не находим ни дубов, ни желудей, начинается осенний ливень. Через весь Пролетарский бульвар до дома, промокнув, идем не спеша. И Эрик учит меня говорить «по шицам» – одному из языков офеней-коробейников.

Леше 10 лет, предлагаю ему выучиться этой премудрости. Он долго слушает правила и говорит совершенно неожиданно: «А зачем, чтобы не понимали? Лучше пусть все улыбаются».

Эрик любил возиться с железом. «Железом» в доме был привезенный отцом германский мотоцикл NSU-125 см³ – двухместная, мощная, при таком скромном количестве «кубиков», машина. Запчастей к ней, разумеется, не было. Но Эрик исхитрился изготавливать их «на коленке». Нечего и говорить, что со второй коленки при этом не слезал «тушканчик».

Талантом Эрика было рисование. Неясно, кто из предков и по какой линии проявился в нем, но как он рисовал! Карандаш, перо, чернила. Бумага – обратная сторона плакатов и обложки книг. Было множество рисунков углем – увы, негде было взять закрепитель. Рисовал он почти профессионально – трудный поворот «в три четверти», перспектива. Этому учатся годы, а здесь – как с неба. После смерти Эрика мама собрала и спрятала его рисунки и материалы. Целые годы я стеснялся спросить о них. А однажды стало поздно.

В 1949-м Эрик окончил школу и поступил в Политехнический институт. На маевке 1950-го, накупавшись, полежал на влажном с зимы песке. Жестокая простуда сказалась на почках, скудная фармацевтика тех времен – от всех болезней – сульфидин и стрептоцид. Последнее лето Эрика. Паломничество его друзей на дачу. И октябрь 1951-го года. Гроб поздним вечером несем с отцом из мастерской на Греческой площади. Это очень тяжело. Ночь. Сумасшедшая тишина, где-то перед рассветом на пороге – мама. «Витенька, иди, поспи...»

Ты был в этом мире и в моей жизни, Эрунечка...

Адька. Рада. Адя

Тоже – была. От ее юности в семью пришли скалолазание, красивые термины «рондат-фляк-сальто», «репшнур», Карпаты зимой, Кавказ летом. Адя – надежный и ответственный человек. Рюкзачище в горах, рюкзаками маме продукты на дачу, а уж нас детей, всех младше ее, на руках уж по разику перетаскала. А футболок, шаровар и тапок...

Рада Ставницер, 1957 год

Лето, 10-я станция, дача. В тишине – нарастающий гул.

Из-за угла улицы – отец на мотоцикле. Лихо тормозя, подлетает к калитке. «Но какая, – говорит, – машина!» Адя: «Сейчас, сейчас, папочка», – закалывая бельевой прищепкой шароварину (кожуха на цепи уже давно нет – зажует). Ногой по стартеру, руки на руле – сцепление, прыжок в седло, газ, рывок руля вверх. И на заднем колесе, снося номер и подрывая заднее крыло, мотоцикл, как конь на родео, несется, поднимая облако пыли. «Амазонка». Отец одобрительно: «А хай ты згорыш...»

Незадолго до смерти плачет: «Витя, мне страшно...» Успокаивать мужественных?.. Смеху мне! Ну и что, Адька, что сейчас чего-то нет, да почти ничего уже нет – ни паровозов, ни самолетов, но ведь было же, было! Парад в Москве, спортзалы, горы, горы, скалы и друзья, и любовь твоя, и любовь к тебе, и каменище всего этого. Перестает плакать, улыбка, легкие уже слезы. «Ах, если бы можно было все это повторить...»

Это ведь тоже мамино – у Ади, как и у Лешки, – инстинктивное ощущение жизни – луга, где в густоте трав творится великое действо, а вот чтобы это понять, лицо нужно опустить или поднять горе...

Бабушка

С папиной мамой – бабушкой Полиной – связано у меня много из послевоенья. Скучный быт тех времен состоял из предметов, обладание которыми сейчас показалось бы смешным. Но какие это были прекрасные предметы в ту пору: патефонные иглы и примусные иголки, ламповые фитили и ламповые стекла. Циновки, коптилки, шлепанцы, толь, ракушняк, «ордер», «блат». Да неисчислимо этих предметов! И осень, запах жареной рыбы над городом. Мама и бабушка Полина (сзади я за руку веду Лешку) идут домой с Привоза. Мама и Полина несут за продетую сквозь жабры веревочку гигантскую камбалу, шипастую такую, пахучую, толстую камбалу. Хвост ее волочится по земле. Леша рвется из моей руки, кося глазами по сторонам. Я одергиваю его: «Ты что, писать хочешь?» – «Нужно найти еще веревочку, а то у нее хвост пачкается. Я за веревочку понесу, чур я!». Это игра была такая с мальцом – «Чур я первый!» Насколько же четко он пришел в этот мир, чтобы стать первым. И ведь знал, что нет «первых», кроме как из детских игр. Но это стремление и есть суть лидерства. Он часто любил быстро-быстро проговорить «Чур я!». Это «Чур я!» прошло через всю его жизнь.

Ласковая моя бабушка Поля любила монпансье. «Витенька, когда ты будешь идти из школы, дойди до Дерibasовской, купи мне такую коробочку. Кстати, угощайся». Бабушка ра-

ботала в Русском театре капельдинером, разводила зрителей по местам, иногда проверяла билеты на входе.

По ее приглашению я посещал дневные спектакли. Запомнился «Шельменко-денщик» в 1950-м. Театр был почти полон, я сидел на приставном стуле. А рядом в двух креслах довольно молодые люди вдруг стали шепотом говорить, скорее, шипеть друг на друга. Вдруг оба резко встали, я едва успел убрать колени. И плечо-в-плечо, на цыпочках, пошли на выход. Я последовал за ними. Они дружно вломились в туалет. Черт понес меня туда же, и я стал свидетелем блатной дуэли на «мойках». Держа правую руку на уровне плеча (в пальцах – бритва-«мойка»), на полусогнутых ногах дуэлянты кружили глаза-в-глаза. Внезапно один рванул в сторону, рука его описала дугу, я понял, что надо сматываться, пробегая вдоль стены к двери, увидел еще, будто в замедленной съемке, расплосованную от виска до челюсти щеку проигравшего и услышал жуткое мычание. Я досмотрел «Шельменко-денщик» через несколько лет. Тогда Леша был маленьким. А потом были в театре вместе только один раз.

Полина Ставницер, мать Михаила, бабушка Алексея

Книги

Изначально человек – эскиз, «проект» самого себя. Фундаментальный, правда, «проект». Качество фундаментов – различно. Явно много таких, что ничего путного на них не построится. Книги – вот то, что делает из хорошо придуманного «проекта» произведение, нужное жизни и жизнь совершенствующее.

Вот книги, не все, правда, в одно время жившие (и питавшие души насельников) на Троицкой, 45. Были они и новенькие, и истрепанные в щепу, были засаленные, были новые, в пахучих цветных коленкорах, с оборванными углами и с поселившимися навсегда «протарьями» страниц эдак в... Конечно, нельзя загибать уголки страниц, нельзя слюнявить пальцы, чтоб страницу перевернуть (это мамыны меж делом поучения). А запустить в пробегающую крысу томиком Жюль Верна (издательство «Академия», синий коленкор) можно? Нельзя, конечно, но как удержаться, если книга – продолжение твоей руки?!

Итак: Жюль Верн, Джек Лондон... ой, давайте без имен – Гюго, Золя, Бальзак, Стендаль, Драйзер, Мопассан, Франс, Марк Твен, Вольтер, Дос-Пассос, Шарль де Костер, Верхарн, Бодлер, Рильке (простите, господа поэты, что в ряд с презренной прозой), Акутагава, Рабле, Апулей, Эренбург, Паустовский, Федин, Шпанов, Василевская, Бубенов, Шопен-

гауэр, Ницше, Олеша, Бианки, СетонТомпсон, Ильф и Петров, Щедрин, Гоголь, Буссенар, Гауф, Гримм, Афанасьев, Маршак, Мелвилл, Диккенс, Свифт, Дефо, Филдинг. Это те, кто приходит в голову без напряжения. А потом 50-е годы – Хемингуэй, Фолкнер, Сароян, Кафка, Моуэт, Казаков, Веркор, Стейнбек.

«У меня полный дом богачей» (это опять мамино), ибо существует лишь одна ипостась бедности – бедность духа. Человек, читающий книги, – не бедняк.

Позвольте, однако, заметить, жизнь мы начинаем с ощущений. Мысли приходят, кристаллизуются из чувственного опыта. Жизнь неосознанная – изначальна. Очень нескоро мы начинаем анализировать и корректировать свое отношение к явлениям. Постепенно мы начинаем чуть не стыдиться непосредственности. Недомыслие – чуть не ругательство. А как хорошо иногда недодумывать, чуть недоделывать, а иногда и ошибки – во благо. Так что, приобщаясь к «Слову», а затем, делая его полным выражением своей сути, мы все же станем беднее на «самость». Из чего, однако, не следует, что книги нужно не читать – где еще вы наберетесь чужих эмоций, чужих комплексов неполноценности (некоторые из них станут вашими собственными). Вот только, раз научившись читать, остановиться вы уже не можете.

Отец

Чтобы увидеть отца, нужно быстро-быстро перебирать ногами за несущейся по коридору мамой, стараясь не отстать, это кажется важным, удариться лицом о ее бедро, когда она резко остановившись, шарит руками по двери, сбрасывая цепочку, и в проеме, в слабом свете синей лампочки, увидеть громадную фигуру – это снизу вверх от маминых колен. Мама, на выдохе, негромко: «Миша...» Через много лет узнаешь, что это был твой отец, что он вот только отсидел в тюрьме, что это мощная личность, которой выпало встретить Женщину, создать детей, книги, жилища и не использовать и половину своих возможностей. Следующих месяцев пять я его не видел – может быть, видел, но не помню. Своих дел полно у 5-летнего ребенка. Ну, например, поймать ящерицу и очень удивиться, что в руке остался только хвост, перебежать рельсы перед несущимся трамваем, первый раз побывать в театре и археологическом музее, увидеть с бульвара море и многое-премное другое. Включая часов в 10 утра 22 июня, выйти из дому, найти патрон от нагана, через несколько минут уронить его в помойку посреди двора. Услышать от остановившегося рядом мужчины: «Мальчик, иди домой, война началась...» Тут же в новом свете ощутить потерю патрона до слез – «война началась, а я пулю потерял». Размазывая слезы и сопли: «Ма-а-а-ма-а, война нача-

лась!» – «Ну что ты, дурачок, какая еще война!..»

Из радиоточки воеет, мама хватается нас, щенков, и укладывает вдоль стены, подальше от окна. Потом как-то в жизни объяснит: «Я думала, что, если уж убьет нас, то всех разом и сразу, чтобы не задыхаться в подвале, бомбоубежище...» По дороге на вокзал, в пролетке, обнимаю за шею суку-ротвейлера – собаку Азу. Она дрожит, видно, чувствует, что скоро расстанемся. В районе вокзала гул толпы. Потом поля, вокзалы, поля, вокзалы, на перроне – до неба груды мертвых кур, платформы с углем и свеклой, рев животных из закрытых теплушек и плакаты «Родина-мать зовет». Потом пара бомбежек – это не страшно, потом купе, молодой офицер заводит патефон: «Нет на свете краше нашей Любы...» – и громко плачет. И вдруг раннее утро, мощный мохноногий конь, телега, сено, дядька в брезентовом плаще: «Я Жилин, я Жилин. Меня прислал директор Ставницер». Потом очень солнечный месяц, гул шахты, иногда гул самолета. Пара бомбежек – по-прежнему не страшных, какие-то очень оборванные немцы – видимо, труд-армия, немцы с Украины или Поволжья, но ненависть к ним – настоящая. Видел, как втроем били молодого немца, он кричал: «О майн Готт!» Утро, иду по шпалам, навстречу со смены – чумазные мужики. «О, сынок директора! А ну, скажи «кукугуза»» Я твердо: «Кукур-рруза». «Ишь, жиденок, выучился...»

Через пару недель семья уже «драпает» на чем попало на восток. Громадная деревня, вечереет, мама ведет меня за ру-

ку. Широкая улица впадает в поле. Над полем низко – самолет, рифленый борт. Вся в черном старуха, показывая клюкой на самолет, речет: «Летят касатики! Вот они придут, мы вам всем, жидам, покажем». Мама: «Какие же мы жида?..» Старуха: «Все «вакуированные» – жида. Русскому человеку бежать от немца неча». Потом мрак, дожди, первые поземки. Деревни, где не пускают переночевать. Деревня «бытового сифилиса» – здесь хоть жить оставайся. «Не бойся, дочка, мы уже не заразные...» Угоняемые от немцев стада, рев худой скотины и забой упавших прямо на околице. И – «хозяйки, берите мясо, а то пропадет». На полу ведро еще не остывшего бульона, резвящаяся трехлетка Симочка опрокидывает это ведро. Как осталась жива, до сих пор не ясно. И Сызрань, где река Сызранка...

Можно много рассказать об этом городе, можно промолчать. Вот неясно только... Как и где на этих жутких дорогах 41-го года случилась встреча и слияние двух сердец и тел, чтобы 3 сентября 42-го года пришел, был приведен в мир и жизнь Леша-Миша, Лешка, Лешечка. Какие просторы и обстоятельства должен был преодолеть Михаил Фроимович Ставницер ради встречи где-то в декабре?

За неделю до 3 сентября, а именно 28 августа 42-го года, составлено свидетельство о браке № 292.

«Гуранская Александра Викторовна...
Ставницер Михаил Фроимович...
вступили...

о чем в книге записей актов...

Зав... Делопроизводитель...»

Все это под шапкой – «Народный комиссариат внутренних дел».

Плотно сбитый, ножища, ручища тяжелые (на себе не удалось испробовать, но видел, как от легкого взмаха один тип летел, как кегля). Шагал всегда размашисто, ритмично двигая руками – правой всегда с отмашкой. Леша по стати – его копия, включая самое мощное – «патернализм» как благородная мера отношения к этому миру, понимание, что почти все живое нуждается в заботе.

Любимое выражение досады: «А будь ты неладен!..» Энергетический человек, любил делать одно, но успевал многое. Умел радоваться, как мальчишка: купив новую пишущую машинку, печатает сплошь заглавными буквами: «УРА УРА! ЧУДЕСНАЯ МАШИНОЧКА!»

Затем пробует все вспомогательные знаки: тире, двоеточия. И, наконец, коронное: «Принимая во внимание мое пролетарское происхождение...» «Черт, опять в доме нет бумаги!» – и, схватив первую попавшуюся книгу, мог исписать в ней все свободное пространство бисерным, своим совершенно неразборчивым почерком. Любил красные чернила.

Мама всю жизнь ревновала его к каким-то мифическим (может быть, и не всегда) женщинам. Впрочем, скандалов в доме не было. Образец ссоры: я растапливаю в кухне печь и

слышу в коридоре у отцовской комнаты, как мама: «Все, я с тобой не разговариваю», – и уходит. Он: «В ссоре, в ссоре навсегда, в мире, в мире – никогда». Так, наверное, ругались еще в XIX веке. Леша, по-моему, тоже ссориться не умел. Не уверен, что он даже знал ругательные слова в должном «ассортименте». В семье они не водились, мама в сердцах могла сказать «гады ползучие один с другим» или «холера их побери». Так что детишкам приходилось добирать матюги и пендели во внешнем мире. Когда Лешка, подрастая, стал выбираться во двор, мама сказала: «Не бери пример с уличных мальчишек». Где уж там! Ребенок прибегает как-то радостный и возбужденный и с порога с подъемом декламирует десятка два отборных ругательств. Мама: «Ну, вот, я же говорила!» А потом со смехом: «Лешенька, а что такое крыса споднарная?» Леша чуть подумал и сказал: «Шнырь». После чего мама с чуть деланным гневом: «Если я еще раз услышу, пеняй на себя». Это не страшно, но хватало.

Вообще-то ко времени выхода Лешки за порог двора уже стихали. Пацанвы стало мало, в 39–45 годах рожали мало. Исчезали шумные коллективные игры, обмен будящими воображение небылицами, остатками кодекса обращения к друг другу и друг с другом и шумные игры: «лянки», «маялки», «кины», «в перышки», «цурки-гилки». И то правда, что с противоядием маминого воспитания можно было хоть с «Коза-нострой» водиться.

Черед годы – совсем опустевший и опустившийся дом в

затихшем дворе, по стенке широкая щель от крыши до земли, стоим с Лешей: «Витя, я хочу привести в порядок этот дом». И он это сделал. Еще, правда, в 70-е годы он проделал из квартиры лаз на чердак. Я спросил зачем. Леша пожал плечами: «Тебе не нравится?» И два часа потом мы лазили по чердакам, и я понял, что ему чуть не хватило детства.

Военный билет отца. Время выдачи – 23 марта 1933 года. Год рождения – 1906. Вообще-то, он был 1903, а эта троечка – распространенное в начале века ухищрение отсрочить военнообязанность.

Член ВКП (б)...

Журналист...

Редактор газеты...

Происходит из города Шепетовка.

Украинец (зачеркнуто) – еврей.

Служащий...

Незаконченное высшее...

Места работы:

Транспортно-экспедиционная контора...

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ
РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

ПРОФСОЮЗНЫЙ БИЛЕТ

№ 1082904

Фамилия Ставницер
Имя Михаил
Отчество Фроимович
Год рождения 1906
Профессия журналист
Год вступления в союз 1921
Наименование профорганизации, выдавшей билет Одесской жесклубаза
Взрос
Личная подпись

М. П. 1956 г.
Председатель
комитета
(подпись)

ПРОФЕСІЙНА СПІЛНА
ПРАЦІВНИКІВ КУЛЬТУРИ

ПРОФСІЛКОВИЙ КВИТОК

Прізвище Ставницер
Ім'я Михайло
По батькові Фроимович
Рік народження 1906
Професія журналист
Рік вступу до спілки 1921
Назва профорганізації, що видала квиток Одесска жесклубаза
Взрос
Особистий підпис

МІСЦЕ ГОЛОВА
ФОТОКАРТКИ КОМІТЕТУ
М. П. 1956 р.
(підпис)

Профсоюзный билет Михаила Ставницера

Отец ездит на машине «Опель Кадет». К Троицкой причаливают «Студебеккеры» с картошкой и «трехтонки» с углем. Или проснешься утром – голова кружится от запаха яблок, груда их ядреных лежит под окном. А зима 46-го года – голод, ночь, отец, вынимающий из кармана пальто крупные картофелины. На Товарной стоит вагон картошки для редакции – там и наша доля. Разгружать будут с утра, а пока что – быстро почистить и натереть на «драники». То есть рядом с умственным трудом – радиокомитет, редакции, общество по распространению научных и политических знаний и т. д.

и т. п. – шла и обширная «практическая» деятельность. В дом, в дом – то еду, то книги, то мотоцикл, то пианино. Курил самокрутки из махорки. Наскоро выхлебав миску борща, уходил к машинке.

Михаил Фроимович, отец Алексея Ставницера

Александра Викторовна, мать Алексея Ставницера

1973 год. У меня в Питере – срочный заказ. Жена Ира с дочерью уже в Одессе, с поезда – на городскую квартиру. Входит отец, неся в руках ветку (ну, да, ветку), полную абрикосов (как довез?!). «Это вам Витя прислал (ну, додумался бы я!..)», – и уходит. С порога, обернувшись: «Давайте, давайте, с утра – на дачу». Сказать, что умер в 75-м году, не выговаривается. Наверное, тоже где-то здесь размашистый этот человек.

Море

Две одинаково любимых стихии: город и море. Город послевоенный, чистый, безлюдно-худощавый, малотранспортный, трамваи и редкие авто, одноконные повозки – площадки и тачечники. С раннего утра от моря – густой аромат водорослей, давно умерших рыб и ракушек. Позже, днем – запах света и тени, сырость подвалов и теплый шорох увядших цветов акации. Но средоточие запахов – на границе города и моря. Под обрывами плато – «затерянный мир», добраться до которого проще после переезда на дачу.

«На волю, в пампасы!» (Ильф и Петров) – лозунг, под которым где-нибудь в начале июня семья «выламывалась» из города. Событие радостное для всех – людей и животных. Увязывались в тюки постельное белье, матрасы, скатывались в рулон циновки и разбирались на части кровати. Троицкая пустела, кузов грузовика до уреза бортов («выше только люди и звери») вмещал движимое. В доме оставались печи, буфет и книги в небольшом количестве.

Заключительная сцена из спектакля «Прапор Вітчизни» по пьесе
Михайла Ставницера в Одесском украинском областном драматическом
театре, 1950-е годы

Для некоторых – для мамы – «дачная страда» начиналась в середине мая, по первым листочкам и почкам, до цветения. Потом, почти до созревания абрикосов, приходилось вручную обирать гусениц, остановить этот процесс было нельзя – сгрызут. Потому главное занятие каждого утра – гусеницы. «Ма-а, ну, после моря...» – «Нет, сейчас и уже».

Так что вскакиваешь пораньше, в банку – каплю керосина, и – на дерево, зарабатывать перед самым собой поход на море...

Сижу невысоко, но слазить лень, а банка почти полна зелено-серых гадов, глядь, под деревом стоит младший братик, говорю: «Лешечка, вон там у забора ямка, пожалуйста, пойд и закопай эту гадость», – ответ шестилетки после корот-

кой паузы: «Если закопать, они умрут». Я: «Ну, и что, так и нужно». Снова небольшая пауза и демонстративно руки за спину: «Нет!» И – по своим делам.

Живое закапывать нельзя...

Но, слава Богу, дача – это не только гусеницы, полив деревьев сперва привозимой чуть не от порта, позже набираемой по ночам (хоть какой-то напор) в бочки водой, не только поездки в город на базар с мамой или походы в очередь за хлебом, но и море, то чистое еще море, со скалками у берега, с невероятной живностью в морской траве у этих скалок с чистым первозданным песком и цветной галькой. Случалось как-то (и не раз) тонуть, случалось видеть тех, с кем «это» случилось, и как не изменилась с тех пор природа этого моря, не исчезла, не ушла его суть. Впрочем, возможно, я ошибаюсь, ведь суть моря не может не быть чистой, а это – изгваздано до слез.

Как-то не успелось ни разу во взрослой жизни спросить у Алеши, помнит ли он что-нибудь о наших с ним прогулках по границе моря и обрыва, помнит ли он, чем пахло это исчезнувшее пространство. А пахло оно дроком и дикими маслинами, камышом и осотом, муравьями и лисами, мышами и лягушками, ужами (видел желтобрюха толщиной в руку), черепахами и большими кусками железа – остатками взорванных боеприпасов. Между девятой и восьмой станциями Большого Фонтана на обрыве висела изумительная кон-

струкция из сгоревших железнодорожных вагонов, спутавшихся в один гигантский клубок, цепочка таких же сгоревших вагонов тянулась от четвертой станции вдоль сплошного кукурузного поля. Очень красиво и чуть таинственно, впрочем, ничего такого – Одесса готовилась отбиваться от вражеских флотов, и на восьмой станции была развернута одна из трех или четырех батарей морской дальнобойной артиллерии. А вагоны были от ветки, протянутой к ней от города. Но война пришла и ушла по суше, и одесские обрывы еще лет 25 прожили своей привычной жизнью. И море – и дикое, и доброе, еще свободное от заботы мелких вождей, создателей «всесоюзных здравниц».

В середине пятидесятых Одесса вылезла из кукурузы, появились Юго-Запады, Черемушки, под ножами бульдозеров стали умирать склоны со всей своей живностью, и у моря отобрали берег.

Но пока я говорю: «Шинькалец, шийдемпойц, шиноремоц?» – что значит: «Лешенька, пойдём на море?» – «малость» важно кивает головой. Мама: «Только не простуди ребенка». К морю не спускаемся, лазим по обрывам, парень – образец дисциплинированности. Короткий инструктаж: «Змей и железяки самому в руки не брать, за лягухами в озерца не лазить, проголодаешься, скажи – вот булка». Странно, но мне ни разу не пришло в голову пополоскать это быстро превращающееся в «глиняшку» создание в море, я и вправду боялся его простудить.

Глаза «щенка» горят, карманы полны разрешенного железа, тараторство вопросов: «а ежа, может, все же возьмем?», «а булки больше нет?».

Жизнь тогда обступала со всех сторон – все двигалось и благоухало, деревья и стоящая под ними корова, и вскипающий борщ – настоящий борщ с молодой картошкой и молодой свеклой, молодой фасолью и вишнями, все эти «молодые» ингредиенты были затерты «старым» салом, и абрикосовый компот – здоровые харчи детства...

Нити жизней наших, из рук Клото, разной крепости и плотности, извиваются в пространстве, от темных нор земли до безжизненных закоулков космоса, мы долго, незрячие, тянем к ним руки, изредка нащупываем – с мыслью коснуться, если не их начал, то конца. Увы, звук ножниц госпожи Антропос однозначен – он первая нота нашего реквиема. Расстаемся мы друг с другом здесь, на земле. И идем рядом по дороге, конец которой уходит в землю. И где же мне тебя искать? Между звезд, в космическом нотном стане или на земле среди цветов, звуков, линий, объемов, кусков глины, хлеба, дерева?

Неподвижность, тишина, бездействие, беззвучие, безвестие, без... без... без... Но где-то ты же есть, Лешик, индивидуум, личность, средоточие жесткой воли и нежности, бесхитростности и четкого расчета сложнейших решений. Душа, открытая приязни и любви, душа, куда не войти

«без приглашения». Это еще из детства – неприкосновенность границ «чужого», соблюдение «прайвеси» во что бы то не стало, церемонии, щепетильность «скрупулы», застенчивость прикосновений к чужой жизни. Лучше показаться черствым или небрежным, невнимательным, чем не вовремя влезть с расспросами, это – мамина «польщизна». Завершенности чувство «прайвеси» достигло в Алексее, и!.. О Боже, сколько же от того осталось недоговоренным, невысказанным и недоуслышанным! Но всегда при том казалось, что впереди бездна времени.

Алексей Ставницер, море, Бретань, 2010 год

Алла

Плеск светлых глаз, русые волосы, тонкие черты лица, общее ощущение хрупкости. Лиловые горы, зеленое море и разноцветные души зверей и друзей жили в ней – Анна-Алла, жена Алексея, мать двух его сыновей... А может, детей рождают небеса? Расселина от звезд до звезд, полная звуков и запахов, смыслов и неосознанностей. Ею мы приходим в непонятное состояние – жизнь, в неизвестно где находящееся пространство – Мир.

Где-то к концу пути земного стала рисовать красками. Узнал об этом, жаль, когда нельзя было уже обменяться впечатлениями, знаниями. Не успел по ее просьбе нарисовать крыльцо к магазину на Преображенской, не успел. А если вдуматься, много, очень много не успеваем мы додумать, доделать, до...

Алексей и Алла

Слишком рано ушла. Но кто поймет эту высшую арифметику бытия? Полвека с небольшим – это сколько, если в них вместились горы, дети и союз с Алексеем Ставницером? Последний день ее рождения на Мукачевском, шумный сбор друзей, неясное для меня выражение смертельной усталости в глазах. И тогда, как и через не очень уж много лет, другой близкий человек не сказал мне о боли приближающегося конца. А спрашивать, нарушая «прайвеси», я с детства не умел. Прости, Анна-Алла...

Алла с сыновьями Егором и Андреем, 1990-е

Алле 20 лет

Горы...

Горы – законченная, хоть и находящаяся в непрерывном движении форма. Выпуклая дыра в пространстве. Закрытая в самой себе стихия – замерзшее море. Прекрасные пустые горизонты. Зеркало, отражающее самое себя. Человек в горах может быть только рядом (но не вместе) с этой живой безжизненностью. Пройти, проползти где-нибудь по краю, превозмочь в себе страх – «криэйтерство» в горах почти нонсенс, там слишком давно все есть (при том в бесчеловечных пропорциях): формы, звуки, краски.

И он ушел от гор, чтобы построить свою гору – башню до неба, с упорядоченной системой звуков и смыслов. И он сделал это.

Ведь штурм неба в человеческом измерении – это не спор с жизнью, но попытка внести в мир что-то новое, не бывшее еще, необычное и нужное. Это строительство жизни без насилия.

Спокойный человек дела Алексей Ставницер и голубоглазый «щенок» Лешка, как далеки и едины оба, замкнутые кольцом Времен. Об этом – вкратце.

Лежу в постели с какой-то ангиной, мама куда-то ушла, Леша носится по дому, чем-то гремит, ставит на подоконник большую кастрюлю, приносит сковороду, затем кастрюлю поменьше, уронив ее с грохотом, поворачивает голову ко

мне: «Витя, извини, тебе не мешает?» «Нет», – говорю, и он убегает. В общем, вскоре на двух подоконниках и плите рядом с ними выстраивается композиция из домашней посуды, Лешка усаживается посреди комнаты на табурет, наклоняет голову, снова вскакивает, что-то поправляет, не замечая давно стоящей на пороге мамы, та улыбается, тоже вертит головой, потом со смехом: «Лешечка, в чем же я теперь готовить буду?» Леша секунду смотрит в пол, потом тоже заливается смехом и начинает разбирать композицию. Пятилетний дизайнер.

Идем с Лешиком, ему лет 8, из кино. Смотрели в «Уточкина» «Остров сокровищ». Путь напрямую к дому пролегал через громадную «развалку» (потом ресторан «Киев», фасадом на Греческую). Довольно широкая тропа, и вдруг у самой дорожки – труп собаки, громадной овчарки. Леша, широко распахнув глаза: «Витя!.. – интонация непередаваемая, – как ты думаешь, ей было больно?» Не нахожу ничего лучшего, чем сказать: «Здесь всему было больно, Лешечка», – имея в виду, что идем по разрушенному дому. Я думал, что его этим успокою. «Идем», – делаю шаг, оборачиваюсь. Ребенок машет в воздухе руками, будто разгоняя что-то, и слезы из глаз. Присаживаюсь возле него на корточки, что-то бормочу. Дурак, обобщение было не для такого живого ума. Прости, Лешечка, стыдно. До сих пор стыдно.

Леша что-то делает в углу комнаты, что-то меряет линейкой, постукивает молотком, смотрит на свое изделие вни-

мательным взглядом, поворачивая со всех сторон, приседает на корточки и – шарах! – голубая молния. Это вилка из проволоки, вставленная в розетку. Дитя сидит на полу, широко раздвинув вытянутые ноги, голова к плечу, обе руки уперты сзади в пол. Пауза. Испытатель поворачивает голову к онемевшим зрителям и твердо серьезно изрекает: «Нет. Так нельзя». Пробки не вылетели. «Жучки» тогда делали из толстой проволоки, провода были новенькие, а на изоляцию шел каучук по «ленд-лизу». На лице ребенка ни капли испуга. «Плодотворный ребенок, – сказала мама, – что-то из него вырастет!»

Он был бесстрашным изначально. Я принес из клуба собаководства почти целую лошадиную ногу для нашей овчарки. Бросил ее в прихожей, закрыл дверь от Рекса и, почувствовав усталость, прилег, думая, что на полчаса. Будит меня, осторожно тряся, Леша: «Витя, там Рекс кого-то в прихожей съел, не то вора, не то почтальона», – на лице нет испуга, простая констатация факта. То ли дело я, со сна поверив, – Рекс громадный и лютый пес – несусь в прихожую. Там на полу – раскиданные ошметки мяса, две костищи и еле дышащая колода собаки. Я говорю: «Мерзкий пес». Имея в виду, что с таким делать, как спасти?! Но, услышав за спиной глубокомысленный вопрос: «А где, интересно, голова?» – прихожу в себя, смеясь, на ходу объясняя этому умному миляге, в чем дело. Потом начинаем спасать обжору.

Кавказ. Терскол

Я у Алеши в гостях. Иду из бассейна, любезно предоставленного мне братом «хоть до утра». Леша гуляет с Брутом, встречаемся. Звезды – с кулак. Меня понесло: «...музыка сфер...» – затем в рифму Агасфер, мол, бывал ли старик на Кавказе, почему-то перешли на «Столярского» – о школьных годах мы с ним иногда говорили, вспоминая, в основном, о встречавшихся в жизни интеллигентных людях. А тут возникла тема музыки как профессии, разговор был недолгим (с Лешей как-то не рассусоливалось), но концентрированным. Вот суть его вкратце.

Внутри довольно жестких внешних границ существования правила жизни в семье были довольно аморфны, и каждый сам (в меру талантов своих) напитывался смыслами, красками, звуками. Семья давала ощущение многовариантности жизни и воспитывала готовность отвечать на ее вызовы.

Занятие музыкой сулило (скорее всего) рутину оркестровой жизни, подчинение определенному порядку жизни преподавателя и, совершенно определенно, скудость средств существования. И потому после школы в неизвестность, но с готовностью мыслить, искать, выбирать по своей воле. Но не врать, «не делаться» – быть, а не казаться. А музыка из жизни не ушла, она приходит с первым вздохом человека, да и

«Великое Безмолвие» не беззвучно. У Алеши большая коллекция музыкальных произведений.

Женщины. Звук времени

С кем быть, в каком пространстве и на каком расстоянии, всегда решал он сам. Так в его жизни появилась Елена, женщина, разделившая с ним свершения, боль и тяжесть последних лет, до сих пор полная горького счастья общения с ним и скорби от потери совместного их мира. «Я без него жить не могу...»

Елена – спутница времен его ухода с гор во времена воплощения «Главного». Она не могла бы быть с ним в горах. Ее место – долина Аджалыка. Ее время – строительство «Лимана». Дом, деревня, ферма. Она универсальна. В ней – масштаб и вкус. Она – одно из Лешиных произведений. Креатура времен рассветного заката. Она была поддержкой на совесть...

Есть в ее лице какая-то очаровательная «неправильность», что-то мне кажется ассиметричным. Оно изменчиво. Что она красива – осознается постепенно. Уверен, он любил ее. Жаль, что уже никогда...

Алексей-Леша

Этот человек воспринимал окружающее как только что рожденное (и тем нуждающееся в его опеке) или застывшее в ожидании его вмешательства, которое приведет в действие цепь событий. И то, что ему нужно, – сейчас и здесь. Эхо вопроса «Что делать?..» – «Делать! Решиться и делать. Думать и делать».

Он был органической частью доброй, созидающей сути жизни, личность изначально благородной потенции, он строил мир в себе и вовне, любя и сомневаясь, и главным правилом его жизни было золотое правило «Декалога» – «не делай другим то, что не хочешь, чтобы причинили тебе».

Две основополагающие черты его натуры – рационализм и чувственность – в отношениях с жизнью и людьми он сумел впечатать и в сыновей своих, таких разных, но неизбежно единых в душевной порядочности. «Стать» коллег его и компаньонов тоже неслучайна. Здесь все – знание предмета, четкая хватка и порядочность. Порядочность. Алексей просто создавал атмосферу порядочности, ну прямо XIX век с его твердым «купеческим словом». Слияние воли и интуиций, нестандартность мышления и вслед за тем решений. Умение подчинять и подчиняться. Подчинять все необходимости. И подчиняться любви к делу и к людям делотворящим. Ясно одно: другие люди – и, возможно, не воздвигся бы гигант

ТИС.

В Леше жило творчество, оно и соединяло его с природой, с другими и с самим собой. И еще он четко понимал разницу времен и обстоятельств, ими порождаемых. «Экую империю вы тут сгрохали, сэр», – говорю. А он: «Эх, отец не дожил, он бы развернулся...»

Время начала нашего пути и окончание его нам не подвластны. В обоих случаях мы – ожидающие. Вот только цвета «черты» (или «порога») разнятся друг от друга, но сливаются в одно общее – мрак. То есть один цвет начала и конца.

Сказано: «Из праха пришед...» По-моему, материал, идущий на нашу оболочку, не так важен – важно, откуда приходят такие Леси и почему так редко. Может, со звезд, но и звезды отделены от нас и друг от друга мраком. Мрак – и не цвет, и не отсутствие его. Мрак – одно из агрегатных состояний Времени и Пространства. И мы, люди, и все, все сущее вмещаемся, вписываемся в тонкую «черту» где-то на границе сосуществования понятий. Значит: «Из мрака пришед, во мрак отъидеши...» Но, приходя, мы одновременно начинаем уходить, значит, во мраке пребываем, как дома. То же и Время. Это как случай Давида и Голиафа: разбрасывать камни и собирать их одновременно (ну, почти), т. е. на лицо одинаковость бытия и отсутствия оною.

Все эти рассуждения понадобились, чтобы хоть чуть примириться с вопиющей неправильностью отсутствия Алеши

по «эту сторону черты», в мире еще живых. С ним здесь было намного интересней.

Но однажды что-то изменилось во взаимных отношениях причин и следствий. Непонятный механизм тварного и бесплотного в неисчислимый раз показал, что «да», это – «нет», что надежда труднее возникает, чем перерастает в безнадежность, и ты задремлешь, продолжая надеяться в комнате какой-то клиники, а придешь в себя, чтобы услышать от младшего сына ужасное: «Папы больше нет». И в тебя войдет хаос зеленой пустоши, опавшие плоды, скользкая грязь наступившего ничто. И сущей нереальностью становятся «годы тому назад», реальностью становится растворение в пространстве...

Вино жизни стало уксусом, кислотой, источающей, разъедающей пребывание, наступает время, когда не нужны ответы – не возникает вопросов, иссякли.

От отца в нем была надежность. Легкая в движении плотность поступков и предприятий. От мамы – совершенный слух и... и... Каждый из нас – недостающее звено между плюсом и минусом, между да и нет, между светом и мраком, который все же – светлый мрак! Может, по ту сторону креста очень нужна Лешина готовность брать все на себя, «пенять» на себя, подменять собой, готовность заложить всего себя за «друзья своя»? А может, здесь, по эту сторону, мы – только схемы самих себя, кроки? Но на пути к чему? И, может, момент ухода – знак того, что ты все свое уже сделал,

но не плачь, впереди – труды не менее значимые. Это в системе «сансара» – превращений, но, может, между «сансара» и скучной нирваной должно быть что-то третье (как понятие)? Предлагаю быть Человеком. Но только Человеком – Лешкой, Лешечкой Ставницером.

А если «там» пусто и холодно? Впрочем, «пусто» предполагает равнодушие к «холодно». А может, «вечность» – это поле деятельности? А может, вечность не окоротить и не надставить? Не перелепить, не довырубить? Так там нечего делать? А может, потерпеть Вечность? И, может, после Страшного Суда все только начнется, когда Вечность свернется в Ничто, не ясно только, где в «этом» окажется каждый из нас живущих и живших. И вспоминается...

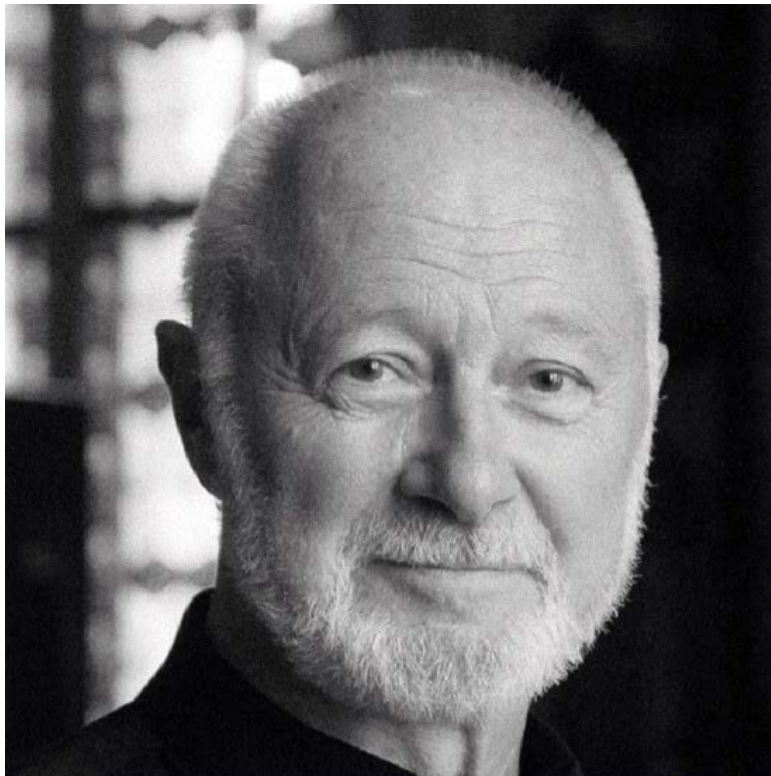
19 февраля 2011 года, Вена, Леша спит в номере «Ринга». Елена звонит ко мне в номер: «Витя, Леша просил посмотреть одну икону, идешь?» – «Иду». Икона Леше приглянулась интересная, наверное, век XVII, но большие утери, реставрация будет сложной, начальная цена чрезмерна.

На обратном пути вижу музей – Академию искусств, где Триптих Босха, – куда уже дважды не смог попасть. Знаю, что Леша и Елена были там не раз. Извинившись перед Еленой, которая продолжила свой путь в гостиницу, промчавшись по этажам, а затем вдоль стен и сказав себе: «...я это видел... страх Божий... почему так поздно...» – и прочее такое, и, сказав: «...еще до встречи...», – я вылетел в прихожую зала. Распахивается дверь лифта, и передо мной Леша в

коляске, введомой Еленой. Он улыбається (так деликатно, как больше я никогда и ни на чьем лице не увижу, знаю это) и: «Витя, вот-те на, ты что, уже уходишь?» «Не, – говорю, – прости, только собираюсь приступить к осмотру». Везу его в зал. Служитель: «No sticks», – я бегу с костылями к камерам хранения, назад... А потом мы с Алешей первый раз в жизни в музее рядом, у чудесных и страшных окон в мир, пробитых в стенах «Канавы», насквозь пронзающей жизнь, и всем смотрящим в эти окна гласяще: «Оглянись!» Долго стоим возле Триптиха. «Вить, смотри, а интересно у нас в аду», – смеется. Что это? Предчувствие? Или он уже провел черту между нами?

Как я звал его с его последнего ложа – не вышло! Прости мне, Леша, этот скулеж. Прости, и до встречи...

Игорь Шаврук

Заслуженный артист Украины, главный дирижер камерного оркестра
Одесской филармонии, дирижер Одесского оперного театра

В конце ноября неожиданно заснежило, и газеты вновь за-пестрели заметками о превращении Англии в Скандинавию – островитяне никак не желали смиряться с изменениями климата. Через снежную ночь я и ехал из Скарборо, на се-вере, в столичный аэропорт Хитроу. Спящие под толстым слоем снега деревни, хорошо знакомые города... Йорк... Лидс... уже нарядно украшенные к предстоящему Рожде-ству... Кружащиеся за автобусным окном вихри по стран-ным законам памяти вызывали затерявшуюся в глубинах па-мяти лыжню – деревья в белых шапках, желтоватые фонари на растяжках, шлепки лыж позади...

Обычно мы с Лешкой бегали на лыжах в парке Шевченко или по нынешнему Александровскому проспекту, который был сначала Сталина, а потом Мира. У него азарта было на это занятие на двоих, он готов был и среди дня сорваться на лыжи на часок-другой.

Где парк Шевченко пятидесятых прошлого, где Англия начала уже нового века? Жаль, что в последнее время, подумалось, стали опять видеться реже. И я постановил непре-менно по приезду в Одессу вызвонить Алексея, как бы он ни был занят. После его возвращения с Кавказа прервавши-еся по естественному течению жизни наши встречи и беседы возобновились. Ясно, что не в том режиме, как в школьные и юношеские годы. То у меня гастроли, то у Лешки работа, ко-мандировки, переговоры, проекты. И вечное строительство – то причалы, то склады, то какие-то станции. Получалось,

по моим подсчетам, что последний раз мы виделись больше года назад. И выглядел он как-то... Но тогда у ТИСа был очередной конфликт с портом, к причалам терминала не пускали судно с важным грузом, в такой войне выглядеть огурчиком с пупырышками сложно.

После возвращения в девяностые в «суету городов», как мне показалось, у Леши более тесным был контакт с Шурой Красотовым. Может, потому что я месяцами пропадал на гастролях. Пропадал – возможно, и не совсем точное слово, потому как работать по три-четыре месяца в Англии, Испании или Германии было интересно и, что уж тут скрывать, выгодно материально. О такой свободной жизни мы в юности только мечтать могли.

О том, что Алексей вернулся в Одессу и занимается бизнесом, я узнал случайно. Попытался было разыскать его через общих знакомых, но не срослось, а тут – новые гастроли, словом, прошло какое-то время, пока мы встретились и... Стоят друг перед другом два немолодых уже человека, в прежней, школьной жизни – не разлей вода, во взрослой – каждый со своей стезей, а что в нынешней – ни одним словом не сказать, ни в одной встрече не проговорить. Если можно так сказать, мы начали знакомиться заново. И это новое узнавание друг друга было не на равных.

Новый Лешка, Алексей Михайлович, был для меня абсолютной неожиданностью. Что его занесло от музыки в горы – понятно, но в бизнес? Да еще в портовской, требующий

специального знания и опыта? Правда, Шура Красотов вывел нечто вроде формулы: Лешка являет собой неопровержимое доказательство, что хороший музыкант способен на успешные занятия во всех сферах жизни.

Но в этой шутке была всего лишь шутка. Все, что Алексей рассказывал нам о своем деле, – причалы, корабли, склады и железнодорожные составы, транзитные грузопотоки, крапы и технологии – было выше моего понимания. Когда во время наших встреч он отвечал на телефонные звонки, меня оторопь брала – шаг передачи, модули, сыпучесть, какие-то шпунты и тяги...

– Откуда ты все это знаешь?

– Ты не поверишь, пришлось читать другие книжки, – отшучивался он.

А мое занятие – музыка – Леше оставалось родным, понятным и близким. В музыке он не стал понимать меньше или чувствовать ее хуже, делал, как всегда, замечания лаконичные и точные. Если говорил, что его «зацепило», это был комплимент. Если ничего не говорил, то тема не стоила разговора. Хотя «лихие девяностые» были для него сложными и напряженными, он был частым посетителем филармонических концертов, вошел в Клуб друзей филармонического симфонического оркестра, в который Хобарт Эрл вдохнул новую жизнь и проложил ему дорогу к обретению статуса

Национального.

В неизбежных при встречах расспросах о том, кто-где из прежних друзей, я и узнал от Алексея, что из «китайской стороны» приезжает Шура, Александр Красотов. Он был не намного старше нас, но на послевоенных весах каждый год значил нечто большее, чем количество дней, – это был опыт выживания. В школе Столярского, не бедной способностями и даже талантами, Красотов выделялся, помимо всего прочего, тем, что писал музыку. А исполнение и сочинение – разный уровень амбиций. Теперь Шуру занесло в Китай, где преподавал композицию в консерватории. Он пошучивал, что консерватория провинциальная. «Провинциальный» по китайским меркам город имел население в несколько миллионов, студенты были жадны на науку – учить их ему было легко и приятно.

В воспоминаниях иногда рождаются хорошие идеи. В частности, из ностальгии по эстраднему оркестру Жени Болотинского, появившемуся в шестидесятые в доме культуры Промкооперации. Мы путешествовали во времени вспять, когда еще Дерибасовская лежала под сенью акаций. Они смыкались кронами где-то высоко-высоко и образовывали зеленый тоннель. По странной моде Дерибасовская делилась фланирующей публикой на два потока. По нечетной стороне прогуливался народ, который можно было бы по классовой терминологии назвать буржуйским: интеллигенция, офице-

ры торгового флота с дамами под руку, художники и музыканты. По вельветовым рубашкам апаш в пятидесятые можно было отличить моряков заграники, как в шестидесятые по плащам «болонья» осенью или нейлоновым сорочкам летом. Разумеется, никаких кофеен не было, их извел победивший социализм. По четной стороне гулял народ попроще, сплошь в вельветовых «бобочках», там еще и в начале пятидесятых держалась инерция послевоенной моды: кепки-шестиклиники, хромачи, белый шелковый шарф. Эти потоки, может, благодаря тому, что по Дерибасовской ходил транспорт, никогда не смешивались. Мы себя чувствовали своими по обеим сторонам главной улицы.

Вечерами Дерибасовская не становилась тише, скорее наоборот. Публика с левой и с правой стороны считала необходимым показать Одессе новое чудо техники – транзисторный приемник.

Они были разных габаритов, но все орало на всю мощь динамиков. И тогда одесская знаменитость тех лет, художник Олег Соколов вышел на Дерибасовскую с шарманкой. Личность это была удивительная. К нему запросто можно было по средам ходить в гости без приглашения. От разговоров в мастерской Соколова вяли уши у кагебешных агентов, которых все знали и не боялись. Пожалуй, оттуда начинались наши политические университеты. И о культуре, и о ГУЛАГе, и еще много о чем мы узнавали там задолго до «Одного дня Ивана Денисовича» или «Чистого неба».

Воспоминания вновь водили нас на крышу школы Столярского, самое любимое место школьных лет, мы там проводили все свободное время от уроков и вместо уроков. С крыши открывалась совершенно другая Одесса, ее улицы текли, как реки. Не буду утверждать, что школьная крыша имеет какое-то отношение к горным вершинам, которые потом так манили Лешку, но что с ней связаны первые, если можно так сказать, восхождения – точно. Было дело в старших классах, и в этом теперь можно сознаться: однажды ночью мы забрались на четвертый этаж, под крышу, в кабинет, где, по нашим предположениям, хранились экзаменационные билеты. Задумка была хулиганская – пометить билеты, чтобы каждый, не напрягаясь, выучил свои вопросы и не более. Восхождения, а их было два – в кабинеты музлитературы и химии, закончились неудачей, экзаменационные билеты мы не нашли. К слову сказать, в нашем отрочестве почему-то было модным ходить в гости, залезая по водосточной трубе на нужный этаж, потом, прогулявшись по карнизу до нужного окна, удивить хозяина. Не знаю ни одного несчастного случая, связанного с этими хождениями по стенам, как и не могу внятно пояснить такую моду – разве что каким-то повальным увлечением молодежи альпинизмом.

Само собой, что крыша была свидетелем наших разочарований и восторгов от первых свиданий, влюбленностей и, естественно, открытий. Никогда и нигде так хорошо не тек разговор о музыке, о литературе. Открывая для себя Бабе-

ля, Чапека или Ремарка, Хемингуэя или Бредбери, мы всякий раз поражались, что еще вчера ничего об этом не знали, и ужасались, что так могли и не узнать эти высоты духа. Я помню, как нас поразила «Серенада Солнечной долины» – прежде всего, конечно, музыкой, это была иная жизнь, иной мир. Это ощущение было общим, мы пронесли его через всю взрослую жизнь. И именно в этих путешествиях во времени у меня мелькнула мысль включить Глена Миллера в свой репертуар.

Как потом оказалось, память о «Серенаде» бередила не только мою душу. Перед отъездом в Китай Шура Красотов отдал мне написанную специально для моего камерного оркестра новую аранжировку «Серенады...». Я был тронут, но и растерян – дружба дружбой, но такая работа стоит денег, а наш оркестр, мягко говоря, беден. Шура меня успокоил: гонорар он уже получил.

Потом я узнал, что аранжировку ему оплатила Лешина компания.

Музыкальная среда Одессы тех лет была своеобразной и отличалась от подобной субкультуры других городов. Если коротко, в ней была на несколько делений выше концентрация талантливых людей. Зарплаты у музыкантов были копеечные. Музыкантов называли «веселыми нищими», и это было абсолютно точное определение. Каждый, кто собирался стать музыкантом, должен был смириться с бедностью, что, говорю это по личному опыту, является тяжким испыта-

нием. Подзарабатывать на жизнь в оркестрах, клубных кружках и вообще везде, где можно, было делом обычным. Но то, что затеял в ДК Промкооперации Болотинский, было не приработком лабухов, а прорывом в иное качество культуры. И само собой вносило в палитру музыкальной жизни новые краски.

Красотов делал для этого оркестра аранжировки и писал собственные композиции, и, как мне кажется, не без его доброго слова Болотинский взял в оркестр Лешку, 16-летнего школьника. Но слово словом, а чтобы оказаться в этом оркестре, нужны были талант, драйв и то особое качество, которое можно назвать чувством общности, без которого в оркестре делать нечего. Оркестр исключает личные амбиции и обостряет чувство коллективизма, соло каждого музыканта – своеобразная награда от товарищей.

Леша играл на альте. Альт был его первой любовью. Спустя многие годы он как-то скажет, что среди лучших романов советской школы числит «Альтиста Данилова» Орлова. Думаю, неслучайно.

Теперь уже нет с нами ни Александра Красотова, ни Алексея Ставницера, но когда оркестр исполняет «Серенату...», я нет-нет, да и подумаю, что, возможно, кто-то из молодых слушателей сохранит ощущение праздника от музыки Глена Миллера так, как сохранили его мы.

Старая, пуританская, консервативная Англия пряталась в снежной ночи, комфортабельный салон автобуса располагал

не только к воспоминаниям, но и размышлениям. В частности и о том, что мы предположить не могли, как на нашем веку рухнет «железный занавес», как загадочная заграница станет не просто доступной для путешествий, но и для работы. Возвращаясь после гастролей в Одессу, я рассказываю Лешке об английских театральных площадках, где дирижирую, а он мне о муторных переговорах с западными партнерами – поставщиками оборудования для ТИСа. Лешка отличается дотошной любознательностью: как англичане ходят в театр, как слушают, что понимают. Он и сам не раз бывал в Англии, у него свой ряд наблюдений, он их сверяет и пытается понять то, на что у меня нет ответа. Ему очень нравился памятник Черчиллю – мощная, идущая встреч ветру и преодолевающая его сопротивление фигура.

Я понимаю, почему ему нравится такой Черчилль – Леша и сам так жил. Против ветра, против течения, против косности и рутины.

Мы искали ответ на простой вопрос: почему в Германии, в Испании или любой другой европейской стране импресарио находят для наших артистов море работы, а в отечестве на нас спроса нет? Парадокс – страна, которая нас учила, сделала мастерами, в нас не нуждается.

Я передаю Лешке свои открытия театральной Англии. Среди них – театр в Бромли, это пригород Лондона, заштатное, в общем, заведение. В отличие от Украины или России,

в Англии репертуарных театров мало, каждый театр – площадка для выступлений гастролеров. Казалось бы – не театр, а дом на юру. Но вот мне вручают ключ от гримерки, и я с недоумением обнаруживаю, что на брелке нет номера комнаты. Какая-то неизвестная мне фамилия. Ричард Бербейдж. Я захожу в гримерку и... оказываюсь гостем этого самого мистера Бербейджа. Триста лет назад он был актером, другом Шекспира, портрет и пояснение к нему на стенке рассказывают о сыгранных им ролях, о почитателях, о наградах от зрителей – и это главное, что не от королевской власти, а от зрителей. Каждая гримерка носит имя какого-нибудь великого английского актера, и в каждой висят его портрет и биография, и для них тоже театральный историк не пожалел слов. И такие именные гримерки в Англии частое явление, как и старые афиши в фойе и зрительных залах, и как биографии лицедеев, ведших бродячую и полуголодную жизнь, пивших горькую и не имевших часто пристанища, вряд ли похороненных с большими почестями. В Британии театр – больше, чем театр. И здесь вообще умеют ценить мастерство и талант. Неважно, это мастерство артиста или камнереза, плотника или политика. Поэтому память о людях, служивших обществу, не исчезает.

Возвращаясь из гастрольных командировок, я старался приготовить для Алексея вот такие истории-наблюдения, и это была всегда любопытная тема разговоров. Однажды

Алексей, слушая очередную историю о востребованности наших артистов за границей, нашел неожиданную параллель моему рассказу – свое предприятие. Мне так и не удалось побывать на ТИСе, но я помню его замешанный на боли и недомогении рассказ о заброшенном комплексе, площадка которого начала потихоньку зарастать камышом, о безразличии власти к этому недострою, пока в него не вдохнула жизнь его частная компания, и о немедленном желании чиновников, как только предприятие воскресло, урвать от чужого пирога кусок побольше и пожирнее.

Он размышлял: почему все, что рождается в стране хоть на культурном поприще, хоть в космическом цеху или в селе, обречено на тупое безразличие чиновника? Почему каждый, кто захочет менять жизнь в стране, обречен на неравную борьбу с коррупцией, с равнодушием, с безграмотностью чиновников? Честно говоря, я тогда не до конца понимал всю горечь этого рассказа, я полагал, что, коль бизнес успешен, то все катится-вертится само по себе. Это потом я узнаю, что успешность ТИСа была оплачена непрерывной борьбой с чиновниками, с наездами контролирующих структур и инстанций, что за каждый успех Алексей расплачивался здоровьем.

Вернувшись из заснеженной Англии, в декабре десятого, я попытался разыскать Лешу, но ни один его телефон не отвечал. Теперь я знаю, что было причиной стандартного «абонент вне зоны досягаемости». Догадка, что Леша за границей, была половинчатой – я и предположить не мог, что вра-

чи борются за дни и часы его жизни. Потом подросла очередная моя командировка, она длилась до конца февраля, который в Англии тоже «набрать чернил и плакать». И в Англии меня, как обухом, ударит новость – Леша больше нет. И теперь уже в самолетах, добираясь на перекладных, чтобы успеть к прощанию, я перебирал наши дни и сделал поразительное для себя открытие. Леше удалось прожить несколько жизней: жизнь в музыке, жизнь в альпинизме (если не две жизни, потому что ходить в горы по случаю и работать в горах – большая разница), жизнь в бизнесе, которая ему удалась так же, как и предыдущие. Или даже больше. Потому что Лешка в бизнесе – уникальный, невероятный для нашего времени случай. Его не изменили деньги. Я не говорю традиционно: не испортили, а именно не изменили. Такое бывает только с натурами цельными, с прочным нравственным стержнем и пониманием истинных ценностей.

Мы были частью Одессы, возможно, микроскопически малой частью, как и любой одессит. Но мы прошли испытание на верность этой любви, потому что в разное время и по разным причинам оставляли свой город. Любовь к Одессе – дежурная тема, я тоже, грешен, люблю об этом порассуждать. Как я тосковал по Одессе в Сибири, на Енисее. Там, в Красноярске, открывался новый оперный театр. Собственно говоря, еще самого театра и не было, его достраивали. Меня пригласили главным дирижером, и я поехал, не раздумывая и не сомневаясь. Это был шанс, который не упускают. Ди-

рекция размещалась в вагончике, мы там создавали репертуар, прослушивали музыкантов и беседовали с будущими артистами труппы. Фантастически интересная работа была наградой за долгие зимы, за морозы, за едкий дым алюминиевого завода и еще кучу неудобств. Лешу интересовали подробности: как все было? Ему был интересен процесс создания театрального пространства, построение репертуара, постановки, формирования коллектива. Он дивился, что на новый театр охотно откликнулись артисты из уютного Воронежа, Казани, да и немалое число наших земляков приняли приглашение красноярцев. Кстати, в отличие от меня, многие там прижились.

Я считал – это процесс естественный. Разумеется, не при мне я приглашение нового театра, вряд ли получил бы опыт работы главным дирижером дома. У Леши была иная история, он оставил Одессу потому, что нужно было менять климат для старшего сына. Но именно он подвел беседу к вопросу: почему нужно обязательно уезжать, чтобы покорить новую профессиональную высоту? Попробуй, ответь...

Однажды в лондонской гостинице я взял свежий номер «Таймс» – с первой страницы на меня смотрела Мария Мурадян. Мурадян окончила нашу консерваторию, потом уехала в Минск, вышла замуж и стала Гулегиной. Как оперная певица Мария состоялась именно там и с минской сцены ушла в мировую оперу. В пространной публикации музыкальный

критик «Таймс» восторгался ее леди Макбет, исполненной в нью-йоркском «Метрополитен-опера». Он писал, что наконец-то появилась настоящая Макбет, что настоящее драматическое сопрано, темперамент, энергия и страсть Марии – именно то, чего не хватало прежним исполнительницам. Я тогда искренне порадовался за землячку, а сейчас задаю себе вопрос – стала бы она мировой знаменитостью, останься в Одессе? Вопрос закономерен, потому что Мария не раз говорила о своей ностальгии по Одессе. А ведь она – только имя в ряду. Почему нужно было уезжать из Одессы Гамову, Бабелю, Паустовскому, Ильфу и Петрову, Багрицкому, Рихтеру и несть числа именам. Так ли любит Одесса нас, как любим Одессу мы?

Тогда Алексей на этот вопрос похмыкал: о какой Одессе речь? Он знал, что спрашивал. Если о той, которая носит маску власти, старой социалистической или новой капиталистической, то ей чихать на таланты. Если об интеллигенции, которая составляет озоновый слой города, то она унижена и бесправна, влиять на процесс не в состоянии. А она – составная часть национальной буржуазии. Во всем мире именно буржуазия, загадочное третье сословие, поддерживает развитие культуры и гуманитарной сферы вообще. Только в тоталитарных государствах культура, включенная в идеологию, развивается стараниями государства. Но чтобы буржуазия почувствовала ответственность за образованность и культуру общества, она должна стать национальной, а госу-

дарство – создать условия для благотворительной деятельности. Пока что в нашем отечестве государство, размышляя Алексей, только сушит голову, как бы ободрать предпринимателя, как липку.

Он рассказывал, что ТИС строит в каком-то селе школу, о планах перенести управленческий блок компании из производственной площадки в ближнее село, в Визирку, где уже поселился с семьей, и вытащить ее на уровень современности. Зачем? Чтобы село возродилось и не смотрело на капиталистическое предприятие как на классового врага.

Не скажу, что его суждения меня удивили. Я знал, что он оказывал серьезную поддержку филармоническому оркестру. Было дело, помогал деньгами и нашему камерному оркестру – эта неожиданная премия была для оркестрантов приятным сюрпризом. Более того, он как-то завел речь о намерении постоянно поддерживать камерный оркестр финансово, и мы даже проговаривали, каким могло бы стать наше сотрудничество. Но, как это заведено в нашем отечестве, правительство вовремя что-то запретило, на что-то наложило эмбарго, грузопоток на ТИС резко упал, а следовательно, упали и доходы, все перенесли на будущие хорошие времена.

Все это я к тому, что благотворительность в понимании Алексея была не суммой добрых дел, а нравственной позицией, частью философии предпринимательства. Имея многолетний опыт работы в европейских странах, я могу гово-

ритель, что именно благодаря такому подходу Европа и опережает нас в развитии. Высокие технологии, научные открытия и прорывы – это все следствие того, что называется культурой общества. Так что Леша опережал свое время в понимании приоритетов.

Послевоенная школа Столярского отличалась от остальных городских школ. И не только потому, что мы были учебным заведением специализированным, в старших классах даже получали стипендию. Учились у нас не ангелы, было много переростков, перемены не обходились без подножек и потасовок, мы все были детьми войны – не по нынешнему статусу, а по характерам, воспитанию и царившим тогда обычаям. У наших, по сравнению с ребятами других школ, было чуть-чуть меньше жесткости. И было чисто внешнее отличие – в нашу школу было принято ходить обутыми. Соседняя 121-я с мая по октябрь сверкала на переменах пятками. Теперь уровень бедности тех лет представить трудно, как и трудно представить, что мы на это не обращали внимания. Но, вероятно, приличествующая школе Столярского опрятность – от сандалий до беленьких воротничков – была не последней причиной регулярных стычек с ребятами 121-й. После уроков они с каким-то алчным азартом и удовольствием задирались с нами. И Лешка однажды заявил: мы должны быть, как мушкетеры. Мы ничего не знали о легендарной четверке. И он пояснил главное – один за всех и все за одного. А на следующий день он притащил в школу

«Три мушкетера». Книжка ходила по рукам, ее пересказывали и толковали по-своему. Она научила нас храбро складывать портфели в кучу и принимать вызов соседей на поединки. Было это в каких-то совсем младших классах, даже бегло читать умели не все.

Не скажу, что после этого Лешка стал, как теперь говорят, лидером. Но что все признали его первым книжником – факт. Таким он и оставался до самого окончания школы – авторитетом по части книжек. Через него и я, и многие другие ребята открывали литературные высоты. У меня до сих пор стоит на полке пятитомник Чапека, который Лешка высмотрел в буке. У них вся семья была на Чапеке повернута. Стоимость пятитомника была смехотворной, пять пятьдесят, но и таких денег не водилось. Но мы деньги раздобыли, книжки купили, и, помню, Лешка радовался моей покупке не меньше моего.

Само собой, что книжки открывали новые горизонты, давали новое знание. Но, помимо всего, чтение еще и формировало личность интеллектуальную, мыслящую.

Потом, в девяностые, когда большие состояния в основном сколачивали те, у кого был ниже, а то и вовсе отсутствовал нравственный императив, Леша был в бизнес-среде белой вороной. Он относился к малочисленному сегменту предпринимателей-интеллектуалов, категорически не принимая криминально-уголовные «понятия» бизнеса. Я приду к этому выводу потом, когда его уже не станет и когда, как

это и бывает всегда, мы начинаем размышлять и понимать, кого потеряли...

Иногда Лешкина начитанность раздражала учителей. Помнится, на уроке русского прозвучало незнакомое слово – сбитенщик. Учительница истолковала его, как мусорщик. Лешка высказал на этот счет сомнение и на следующий урок принес толстенный словарь – и зачитал классу все и о сбитне, и о сбитенщиках. «Сбитень-сбитенек пьет щеголек!». Хотя за всю жизнь я так ни разу не только не пробовал, но и не видел этот «напиток из подоженного меда с пряностями», но – запомнилось.

Учительница Лешку похвалила. Случай показательный – не затаила обиду, а похвалила. Школа Столярского была едва ли не лучшей в Одессе не потому, что туда отбирали способных к музыке. Там десятилетиями складывался и так сложился особый учительский коллектив. Детей учили учиться, редкость не только по тем, но и нынешним временам. Хотя годы были еще сталинские, как по хронологии, так и по сути, мы всякий раз, собираясь потом своим школьным кругом, с благодарностью вспоминали своих незашоренных учителей.

Алексей не был ни «пионер всем детям пример», ни образцовым комсомольцем. Он был нормально успевающим учеником, не заикленным на оценках. Иногда, как мне кажется, его спрашивали пожестче, чем других, так как парень

был, что называется, «с характером». Не задирой, а именно с характером и лишенным жажды «первачества», то есть быть куда-то избранным, выдвинутым, назначенным и т. д. У них и в семье этого не было. Помню, как старшего Виктора за какую-то «идейную» провинность исключали из комсомола. Мы встретили его после этой политической экзекуции под райкомом комсомола в самом что ни на есть прекрасном расположении духа – ни тени огорчения или сожаления.

Среди любимых занятий нашего детства был футбол. Мы в него играли «всепогодно», и вот почему. Недалеко от школы стояла заколоченная кирха. Мы забирались в нее через окно – в числе постоянных «прихожан» были, кроме нас с Лешкой, Сережа Васильев, Виталик Хорошев.

Зал был огромен, мы гонялись в нем до не хочу. Иногда и не играли, а просто рассматривали то, что было святым местом для одесских лютеран. Пожалуй, не было закутка, куда мы не заглянули. Эти своеобразные экскурсии сопровождались рассказами о кирхе и связанными с ней историями. Мы знали, что перед самой войной в кирхе служил Теофил Рихтер, что энкаведешники его увели прямо со службы по подозрению в шпионаже и расстреляли. Якобы он фонариком сигнализировал немецким самолетам, куда сбрасывать бомбы. Чушь и бред – мы плевались. Мы считали, что Святослав Рихтер прав, что ни разу не приехал в город, где расстреляли его безвинного отца. Город и власть, конечно, разные вещи, но как иначе можно было сыну показать свою позицию?

У кирпичи была тяжкая доля. Это сейчас она украшение Одессы. А после войны там сделали спортзал, потом в храме случился пожар, в шестидесятые, когда Хрущев пошел в очередную атаку на «опиум для народа», ее хотели взорвать. Против очередного варварства восстали сначала консерваторские преподаватели и студенты, потом в протестное движение оказалась вовлечена вся интеллигенция, писали письма и протесты. Возможно, протесты подхлестнула обида за Одессу. Новый секретарь обкома хрущевских лет взялся «осовременивать» город, ему хотелось бетона, стекла, началась вырубка акаций, партийный топор повис над платанами, которые секретарь считал уродливыми и не достойными областного центра.

Странно, но взрыв кирпичи все же отменили. Платаны тоже уцелели – власть в стране менялась быстро.

Не помню, когда я впервые попал к Лешке домой, но помню впечатление – дом был совершенно не похож на обычный одесский. На широченных мраморных подоконниках – горы книг. Книги вообще были везде. Многолюдно – шестеро детей не шутка. Собака, если не две. Кот на мраморном подоконнике. И при этом ощущение свободы, что немедленно и подтвердилось – нас никто не контролировал, мы занялись тем, чем и собирались. Тетя Шура – так все гости звали Лешкину маму, – сколько я потом не заглядывал к ним, всегда предлагала поесть. Если были голодны, ели, но чтобы стоять над головой, заглядывать через плечо – никогда. Во-

обще, казалось, что дети в доме предоставлены сами себе. И это не только потому, что я никогда не слышал, чтобы у Лешки спрашивали, куда он собирается и выучил ли уроки.

Вторым после книжек увлечением в семье была музыка. Хотя ни отец, ни мать к музыке отношения не имели, все дети на чем-либо играли, абсолютный слух они, видимо, унаследовали от мамы. Александра Викторовна была певуньей, песни украинские и польские были ей родными.

Альт, виолончель, рояль – все это звучало в доме поочередно. И Виктору, и Серафиме, и Лешке преподаватели пророчили музыкальное будущее. Но в профессиональные музыканты никто из них не пошел. К слову, многие подававшие надежды ученики школы на школе и заканчивали свою музыкальную биографию. Как Рудик Протопопов, наш общий друг, вместо консерватории пошел в политехнический, стал доктором технических наук, профессором.

Помимо классики, что понятно, в семье в почете была музыка современная, эстрадная. Поэтому мы хаживали в гости к Лешке на новинки. До сих пор помню пластинки с умной собачьей мордой на логотипе «His master's voice». Доставал пластинки зарубежной эстрады, как мне помнится, по большей части Виктор. Ко всем своим талантам он был еще и голубятником, возможно, не таким страстным, как множество послевоенных сорвиголов, так как менял своих быстрокрылых на пластинки. Не знаю почему, но большинство

подростков военных лет были повернуты на голубях, главными новостями дня тогда были, кого-где ограбили и кто у кого перехватил голубей. Однажды печальная участь стать «нюсмейкером» выпала и Виктору. Поздней осенью 58-го, уже за полночь, он провозжался с девушкой по Старопорто-Франковской, считай что в самом центре. Там его и взяли, как тогда говорили, на гоп-стоп. Наставили пистолет – деньги, часы, сережки, пальто сюда. Виктора почему-то насмешил щелчок предохранителя, его начал давить смех. Девушка совершенно по-одесски возмутилась: «Что значит давай пальто?! Мы же насмерть захолодеем!» Гопники не знали, что и делать с такой парочкой...

«Захолодеем» потом еще долго было в нашем обиходе и всякий раз вызывало смех.

Как-то уже в старших классах мы взяли бутылку модного в то время кофейного ликера и пошли не в сквер или парк, где обычно причащались алкоголем подростки, а к Леше домой. Сидим. Наливаем. Пробуем. За дверью соседней комнаты строчит машинка – работает отец, для всех нас – Михаил Фроимович, человек особый, писатель. Лешка никогда этим не бахвалится. Конечно, он может, как бы между делом, просветить нас, что там делается на флагмане «Славы», сколько китов загарпунил Тупиков, какого нрава Соляник.

Китобои в начале шестидесятых – люди из легенды, встречать флотилию высыпает вся Одесса, в «Хронике» докумен-

тальный фильм «Советские китобои» идет с переполненным залом – туда ходят и затем, чтобы увидеть родных или знакомых. Впрочем, мы мимо «Хроники» бегаем в «Уточкина», там наши сердца замирают от «Острова сокровищ», там идут трофейные ленты про Тарзана.

Лешкин отец пишет как раз книжку о китобоях, поэтому он – знаток. Мы попиваем отечественный кофейный, но говорим о «дайкири» – только-только состоялось наше первое свидание с Хемингуэем, его, как и всегда что-то новое в литературе, открыл Лешка. Ни на что не похоже из ранее прочитанного. Любимый обоими Чапек и даже Ремарк отступают в тень. От Хемингуэя переходим к музыке, дружно признаем, что Шопен слащавый и салонный, что Чайковский безнадежно устаревает, с мировыми знаменитостями вроде Стравинского, Скрябина или Прокофьева обращаемся за просто. Мы уже коечто пробуем сами, нас куда-то приглашают, мы вступаем на тонкий лед профессии. Лабухи – особое сословие в любой стране, в Одессе – тем более. Что может быть прекраснее музыки? Уже в наши жизни стучится сладкое мгновение еще не славы, нет, и, может, даже не известности, но узнаваемости, вот это – альтист из джаз-оркестра. Еще не знают фамилию, но знают в лицо. Есть предположение, что Болотинский берет с собой Лешку в гастрольную поездку. Мы строим планы, пригубливая кофейный ликер, и ведем приятный разговор интеллектуалов. Открывается дверь, Михаил Эфроимович смотрит на нас с изумле-

нием.

– А хай ти згориш! – восклицает он с явным неодобрением и идет на кухню. Потом в комнату заглядывает тетя Шура, тоже поднимает в удивлении брови и, ни слова не говоря, уходит.

– Попадет теперь? – спрашиваю Лешку.

– А за что? – недоумевает он.

В многолюдном доме Ставницеров была какая-то особая семейная демократия, в которой никто никем не тяготится, никто никому не вытирает нос или слезы. Я не помню, чтобы Рада возилась с Лешкой, опекала его, но именно она была высшим авторитетом и примером. Рада всерьез занималась альпинизмом, была мастером спорта, в квартире то и дело можно было наткнуться на альпинистское снаряжение.

Вообще в равнинной, степной Одессе альпинизм был в большом почете, а альпинисты – чем-то вроде касты. Под гитару альпинистский фольклор распевался даже теми, кто видел горы только на пачке папирос «Казбек».

Раз в одесском кабаке сидели, Сашка Блещунов туда попал, И когда порядком окосели, Он нас на Кавказ завербовал.

Ну, мы только могли мечтать, чтобы нас на Кавказ «вербо-

вали», это пели альпийские волки, уже посмотревшие на мир с пятитысячных и выше вершин. Блещунов, основоположник Одесской школы альпинизма, был для них просто Сашка, а для нас – небожитель. Теперь об Александре Блещунове больше знают по музею его имени, по коллекции старинных вещей. А тогда его слава была романтичнее – предводитель альпинистского сообщества. К пацанам в этом сообществе отношение было благожелательное, попытки приобщиться к горам поощрялись. Первые уроки альпинизма все постигали на Жеваховой горе. Там было две стенки. Одна попроще для новичков, другая посложнее для альпинистов, они на ней поддерживали форму в межсезонье. Кто из новичков справлялся с Жеваховой горой, имел шанс попасть на Южный Буг, на сборы в альпинистском лагере. Там уже учились делу серьезному – подниматься по отвесным гранитным скалам, пенящийся внизу Буг усиливал впечатление. Мы с Лешкой попали на Буг не без помощи Рады. Добирались туда в грузовике, автобусы еще были большой роскошью, страшно гордились и потихоньку заболели горной болезнью.

Летом пятьдесят восьмого мы удостоились чести поехать на настоящие сборы – на Кавказ, в альплагерь «Красная Звезда» на Домбае. Начальником там был Баранов, он как-то сразу и несправедливо зачислил нас в пижоны и недолюбливал. Неприязнь была взаимной. Отряд был пять на пять – ребят и девчонок поровну. Жизнь потекла, что называется, полна тренировок, мы сдали нормативы, дающие право

носить значок «Альпинист СССР», чем немало гордились. В первые дни в лагере меня подстерегла неприятность – мы резались в волейбол, я опрометчиво играл без майки и не просто сгорел под горным солнцем, а зажарился – плечи и спина, все пошло волдырями. А тут подошло время идти в горы. Меня в группу не включили. Восхождение было единственное за сборы, так что становилось ясно – в этом году я пролетаю.

Не знаю, что уж там говорил Лешка этому Баранову, но меня оставили в списке. А поскольку навьючивать меня рюкзаком было нельзя, то мой груз понес в основном Лешка, мелочь разобрали ребята.

Сказать, что горы меня захватили – значит соврать. Хотя именно в альплагере я вдруг открыл для себя силу и мощь стихии.

Ясным днем, в той тишине, которую принято называть сонной, вдруг загрохотало где-то под самым небом, ослепительная белизна склонов дрогнула и понеслась вниз – это сходила лавина.

Самым приятным, сознаюсь теперь честно, в этом походе была... опекунша. Вполне взрослая девушка, лет двадцати, была приставлена Барановым ко мне как персональная медсестра. Она должна была регулярно мазать мои обгоревшие плечи какой-то мазью. Я млел от ее опеки, о чем она, разумеется, и не догадывалась. В ее поучение, что ни один уважающий себя альпинист никогда на «пятой точке» с горы спус-

каться не будет, я уверовал как в молитву. Суровый Баранов требовал при спуске «не глиссировать», т. е. не скользить, а спускаться шагом. Лешка частенько этим требованием пренебрегал, чем злил Баранова неимоверно.

Сборы закончились тем, что Баранов в характеристике написал Лешке, что ему «заниматься альпинизмом не рекомендуется», а мне еще жестче – занятия альпинизмом противопоказаны «по причине плохой переносимости высоты». Лешка на характеристику похмыкал, поухмылялся – эта реакция мне была хорошо знакома. Всякий раз, когда в школе учителя ему говорили то, что он считал сущей ерундой, он вел себя точно так. И я понял – в горы он ходить будет. И не назло Баранову. А потому что было видно – ему это занятие нравится. Его руки были вроде специально приспособлены, чтобы цепляться за скальные выступы – крупные, сильные. И еще обнаружилась неведомая мне раньше черта его характера – он всегда норовил оказаться впереди группы, и каким бы ни был установлен порядок расстановки на маршруте, так и оказывался первым. Характер...

Наверное, начальник лагеря Баранов был прав относительно моих альпинистских задатков. Из того первого и последнего опыта самым ярким воспоминанием осталось возвращение домой. Мы добрались пешком через Клухорский перевал до Сухуми, города прекрасного и нам недоступного по причине полного безденежья. После приобретения трех-

рублевых палубных билетов на «Адмирал Нахимов», дающих право плыть до Одессы под солнцем днем и звездами ночью, мы на оставшиеся копейки купили копченой кильки и хлеба. Лайнер заходил во все порты. Это была знаменитая Крымско-Кавказская туристическая линия, заменявшая нашим гражданам заморские путешествия, и, несмотря на полуголодное состояние, мы были по-настоящему счастливы.

В буквальном переводе «альт» (alte – лат.) значит «высокий». Думаю, что Леша, Алексей Михайлович, вполне попадает под это определение. Нет нужды придумывать Лешку, идеализировать. В нем была та высота, которая соответствует понятию состоявшейся в своем времени и пространстве личности. Как известно, «времена не выбирают», мы жили в своем времени, по его, времени, законам и обычаям. Быть может, жизнь без неожиданностей дотекла бы до вечности, как ручеек до моря, и так же растворилась бы в нем. Но слом эпох вдруг дал Алексею шанс показать, что в нем было заложено природой, что обретено в равнинной и горной жизни. Загадочный для меня ТИС был для него своей, только для него предназначенной вершиной, пик которой скрывался в облаках. Дошел ли он до нее? Не берусь судить, сколь высока была достигнутая им отметка. Но точно знаю, что он не упустил ни одного шанса, ни одной возможности пройти как можно дальше.

«Музыка всегда оставалась частью его жизни»

Вместе с женой и детьми Алексей Ставницер провел на Кавказе десять лет, за которые подготовил многих мастеров альпинизма, создал собственную систему обучения и испытания снаряжения, совершил десятки восхождений. Кроме Кавказа, его горная биография включает вершины на Памире, Тянь-Шане и в Крыму.

Рисковать, когда шансы равны, – одно из главных качеств

Алексея Михайловича, отмеченных его друзьями и учениками-спортсменами.

Восхождение

Егор

Старший сын Алексея Ставницера

Горы в истории нашей семьи – полноправное действующее лицо. Иногда горные сюжеты закольцовываются по законам кинематографа. Скажем, наш кавказский период начался в альпинистском лагере Цей в Северной Осетии. В том самом, куда тетя Рада Ставницер, уже опытный и известный

мастер, впервые привезла папу, когда ему было лет шестнадцать.

У нашего переезда на Кавказ была причина – у меня одним за другим шли приступы аллергии, никакие лекарства не помогали. Врачи настаивали на месте жительства с чистым воздухом. Так что мы скорее бежали в горы, чем переезжали. Папе нужно было закончить свои дела в Одессе по работе, а заодно и подыскать себе занятие на Кавказе. Поэтому мы в Цей прибыли с мамой одни, она пристроилась в столовке посудомойкой – это давало право на служебное жилье. Я помню, как буквально на второй день в Цее я начал свободно дышать, страх перед удушьем начал таять и скоро исчез совсем. Мама, похоже, от этого страха не избавилась никогда. Она и профессию мне подбирала с учетом детской болезни, и место учебы. Вряд ли я сам выбрал бы себе специальностью зеленое строительство, меня влекло совершенно к другим занятиям.

Теперь, спустя многие годы, я понимаю не только мамин страхи, но и ее жертвенность – посудомойка в столовке для молодой, образованной и красивой женщины испытание неслабое.

Мое первое знакомство с горами состоялось до Цей. Лет в пять родители повезли меня на Памир, лагерь стоял на виду пика Энгельса. Мама там занималась какими-то бивуачными делами, кажется, поварскими, папа лазил в горы – они всегда были ему как медом мазаны. В памяти осталось путешествие

от Хорога на ослах, взрослые разговоры о близкой и тревожной границе, о реке Пяндж, об Афганистане, который скоро станут называть Афганом. Палаточный лагерь стоял высоко, где-то за межой 4 500, условия были, как и во всех альпинистских лагерях, спартанские. Запомнилось, что хлеб туда мы завезли впрок, он зачерствел на камень, и мы его разогревали в кастрюле-скороварке. Хлеб после такой реанимации становился мягким и пушистым, но съесть его нужно было немедленно, повторного разогревания он не выдерживал. Мы пробыли там месяца два. С одним запомнившимся конфликтом.

То ли по тупому недомыслию, то ль и в самом деле была причина, но кто-то из альпинистов пулянул из воздушки в пастушью собаку. Собака скулила, пуля ей попала в заднюю часть. Отец рассвирепел, отобрал у обидчика ружье и разбил. Драки, по-моему, не было, тогда с ним мало кто рискнул бы сходитьсь навкулачки – он был крепко сложен, накачан, силен.

Проще всего сказать, чем занимался на Кавказе все годы папа. Он работал. Это было полное, абсолютное погружение в работу. Он придумывал ее себе сам, в отличие от многих своих коллег из лагерного руководства, которые похаживали по территории руки в брюки. То он прокладывал какие-то маршруты, то строил тренажеры, то придумывал тренинги для инструкторов. Я помню преобразование склада в Терсколе – военно-туристической базе Министерства оборо-

ны под Эльбрусом. Это было наше первое постоянное место жительства на Кавказе, папа там получил должность начальника спасательного фонда, мама – инженера-строителя, по специальности. Фонд – это все, чем снабжают альпинистов при спасательных работах в горах. От веревок до болеутоляющих средств, по-моему, это был промедол в шприцах – все это хозяйство лежало кучами в складе, сам черт ногу там сломал бы быстрее, чем нашел нужное и искомое. Папа делал стеллажи, раскладывал все по ящикам и полкам, и в конце концов семья получила от этого прямую выгоду. Прочные, на совесть сработанные военные ящики в защитной краске, где хранилось имущество, оказались не нужны. Начальство разрешило их забрать нам, как трофеей за труды.

Эти ящики стали первой деталью интерьера нашей комнаты – метров 18–20 в коммунальной квартире. Вторую комнату занимала тетка-авиакассир, которая, по-моему, тихо нас ненавидела за то, что к ней подселили чужаков. Сначала мебели никакой не было. Во-первых, ее нужно было «доставать» где-то в Нальчике и тарабанить по горной дороге более ста километров. Во-вторых, она стоила немислимых денег. Стол, стулья, шкаф и кровать, скамьи – все смастерил папа из ДСП, причем не сколотил, а сделал с выдумкой и красиво. У него руки к такой работе стояли, фантазии было тоже не занимать. К тому же и столярничать ему нравилось. У нас на Бунина, уже после возвращения с Кавказа, он придумал поделить комнату с высоченными потолками по горизонтали.

Получилась спальня на антресолях.

Защитные ящики потом путешествовали с нами из лагеря в лагерь – Эльбрус, Шхельда, опять Эльбрус. У мамы то была работа, то она надомничала – шила пуховые куртки, пользовавшиеся среди альпинистов большим спросом. Но чтобы придумать цех, поставить дело на поток – речи не было. Хотя именно так жило и процветало все местное население, женщины в горных селах вязали свитера из овечьей шерсти. Их доходы были не сопоставимы с нашими. Горцы раскатывали на «Волгах», дом без японского магнитофона – позор нации. И это все не потому, что и папа, и мама, как бы это помягче сказать, плохо соображали. Просто семья изначально, если не сказать генетически, не была настроена на обогащение. Родители нисколько не страдали от среднестатистического, советского уровня жизни и обеспечения. Не знаю, не буду утверждать, что это было своеобразным протестом против вещизма, входившего в нашу тогдашнюю жизнь вместе с дискуссиями о знаменитом романе Жоржа Перека. Его «Вещи» были предметом разговора на многих чаепитиях в нашем доме, скорее похожая на брошюру, чем на культовый роман, книжечка в мягкой обложке была основательно зачитана. Я там мало что понял, хотя читателем был квалифицированно – кроме книжек и взрослых посиделок в доме, развлечений у меня не было. Детство вообще проходило без обычных детских компаний, игр и развлечений, в том числе и без прочно вклинившегося в жизнь детского телевидения

– телевизор появился в доме, когда я уже ходил в шестой класс.

Думаю, наш «антивещизм» не был следствием советской пропаганды, убеждавших граждан, что Перек «разоблачает буржуазное общество потребления». Погружаться в это самое общество у нас и не было никакой возможности – жили от зарплаты до зарплаты. Не скажу, что бедно – а как большинство.

Не голодно, но стол не ломился, мясо было раза два в неделю. Вообще домашнее меню во многом зависело от обстоятельств, не только от домашнего бюджета. Сначала, к примеру, от того, что было на военном продовольственном складе в Терсколе. Заведовавший там майор выдавал семье на неделю пачку сливочного масла, сколько положено мясных консервов какого-то лохматого года изготовления, мерзлой колбасы. Овощи были по потребности, фрукты – строго ограничены. Как-то майор спросил у папы, куда отнести маслины – к фруктам или овощам. Папа сразу смикитил, в чем соль вопроса. «Конечно, к овощам. Они же черные...» Пятикилограммовая банка маслин стоила копейки, они у нас в доме не переводились.

Ближайший базар, где можно было докупить продукты, находился черт знает где. Поэтому в семье было обязательным выполнять свою «продовольственную программу» – мы заготавливали впрок лесные ягоды, грибы, черемшу. Ее почему-то мариновали больше всего, килограммов под 30. Со-

знаюсь задним числом, что заготовки меня сильно напрягли. Лазить по лесу на карачках день-деньской – занятие не из легких. Но правила в семье создавались для всех, исключения не допускались, я об этом однажды призабыл, о чем речь будет ниже.

Иногда случались нечаянные праздники. Как-то папа принес домой полтуши попавшего под лавину тура – мы с мясом жировали целый месяц.

В отличие от традиционных семейных правил, у нас никогда не было строгого расписания столования. Пришел голодный, съел, что есть, – накрыванием стола с сервировкой семья себя не напрягала. Наиболее привычными и соответствовавшими понятию семейной традиции были вечерние чаепития. Они всегда были с гостями, с долгими разговорами. Стандартное потребление чая в семье было 3 килограмма в месяц.

Так было и в Терсколе, и в Шхельде, и Эльбрусе. Гости шли вереницей. Иногда знакомые, чаще – не совсем. Думаю, альпинисты – ученые, эзотерики – в городах передавали нас «по эстафете», вновь прибывающие в альплагерь передавали приветы от тех, кто бывал в гостях прежде. Так образовалась своеобразная цепная реакция – каждый гость порождал визит нескольких гостей в будущем.

Папа был человеком в альпинистской среде не только известным, но и популярным. А альпинизм в советское время был нечто большее, чем спорт. В горы тянуло тех, как пел

известный бард, кому было тесно «в суете городов», здесь вроде как спадали оковы идеологических условностей и запретов. (В горах, что к месту вспомнить, даже радио «Свобода» звучало чисто, шум глушилок сюда не доставал.) Кавказ манил йогов, находившихся под неясным подозрением властей, экстрасенсов и целителей. Смены в лагере менялись через 20 дней, и каждые 20 дней у нас были иные гости: врачи, ученые физики и ученые лирики. С приветами они привозили новые книжки – самиздатовские и даже забугорные. Помню «Гадких лебедей» Стругацких, изданных «Посевом» на отличной бумаге. Но преимущественно самиздат был машинописным. Но какое это имело значение, если можно было читать то, что никто не читал?

Думаю, что по насыщенности интересными знакомствами, тем, что принято называть интеллектуальной средой, наши горные годы были богаче городской жизни. А папа, если случалось бывать в Москве или Ленинграде, купался в гостеприимстве. Он всегда возвращался с массой впечатлений от театральных спектаклей, новых встреч и знакомств и непременно с новыми книжками – традиционным советским дефицитом. Однажды какой-то наш гость, оказавшийся большим начальником, одарил папу талоном в знаменитую, закрытую для народа секцию ГУМа. И папа привез маме сногшибательные югославские сапоги-снегоступы и швейную машинку «Веритас».

На всякий случай уточню: все наши разговоры шли за ча-

ем, алкоголь почти не пили. Папа вообще к нему был равнодушен. Никакого отношения к диссидентству наши поселки не имели. Хотя наказ «держаться язык за зубами» был мне дан раз и навсегда. Соблюдать запрет было несложно, так как говорить о диссидентской литературе было не с кем. Правда, однажды я его таки не удержал, но отношения к запретным книжкам это не имело.

Папа с друзьями-альпинистами и геологами искал вершину для первопрохождения на первенстве Союза. Если не изменяет память, год был 1983. И им повезло. Нашли безумно интересную вершину с отвесной скалой. Мечта, а не гора. Была она как-то особо затерянная. Городским федерациям такую ни в жизнь не сыскать. Они облетели ее на вертолете, сфотографировали, прочертили на снимках маршрут. Папа спрятал все эти материалы в один из зеленых армейских ящичков. И вот перед этим самым первенством сидят у нас гости-альпинисты, говорят о нехоженных вершинах. Упоминают и эту, снимки с которой под семью замками. Папа помалкивает. А я заявляю, что гору эту знаю.

– Ты ничего не знаешь, – останавливает меня папа и отправляет спать. Но не тут-то было!

Я решил, что папа просто позабыл о снимках в ящике, достал их и принес на обозрение честной компании.

– Вот же она! – говорю я торжествуя. – У меня память хорошая.

– А ведь я тебя предупреждал, что когда-нибудь отрежу

язык! – говорит отец, и я вдруг понимаю, что сделал что-то не то, и цепенею от ужаса, представив себя с отчекрыженным языком.

Не помню, чтобы в семье велись какие-то специальные воспитательные беседы: вот это хорошо, а вот это плохо. Папа предпочитал иную педагогику, и она, как мне кажется, более эффективна, чем дидактические наставления. Сейчас я расскажу, почему не стал охотником-промысловиком или звероловом, и о том, как абстрактные идеалы меркнут от соприкосновения с реалиями жизни.

Для мальчика, растущего в небогатой семье, стремление заработать много-много денег и стать независимым – нормальное стремление. Я решил разбогатеть на добыче пушнины. Если конкретно – куньих шкур. Благо, куницы в окрестностях водились и, якобы, даже наносили какой-то вред. При вызревании замысла были напрочь забыты благие намерения, которые привели меня в школьный «Зеленый патруль». Намерения же были, помимо защиты природы, бороться с браконьерами. А браконьеры ставили на зверушек капканы. Мы со школьным товарищем научились браконьерские пасти обнаруживать – как правило, приманкой служили голубиные крылья, достаточно приметные. Мы палками снимали капканы с настороги и довольные собой уходили. Знай наших! Но пару капканов я реквизировал, как добычу. И вот, задумав ловить куниц, я отыскал их в чулане и взялся за приготовления к охоте, строго следуя наставлениям Джека Лон-

дона. О том, что из экологического патрульного я стал на браконьерскую стезю, как-то и в голову не приходило. Папа за моими приготовлениями смотрел с интересом и помалкивал.

Капканы для уничтожения чужих для зверя запахов сначала варились в котелке с еловыми ветками. Потом парафинились, чтобы не пахли железом. Писатель-наставник советовал ставить капканы на возвышенности, разместив, как приманку, куриные лапки таким образом, чтобы куница попала сразу двумя ногами. Иначе – отгрызет защемленную лапу и убежит.

Воображение охотника, кстати, рисовало не жуткую картину – грызущую свою лапу куницу, а роскошную шкурку, за которую мне скупщик пушнины отвалит огромные деньги. Какие – не знал. Но несомненно – огромные.

Капкан я ставил месяца три, но добыча не шла. И вот однажды поймал. Что-то большое, пушистое, рычащее сидело в капкане. Я полетел к отцу и объявил – поймал.

Папа смотрел на меня с прищуром. Поймал – действуй дальше. Как? Добей зверя. Освежуй. Приготовь шкурку для выделки. Ты же охотник, значит и поступай, как все охотники. Я оторопел. Предназначенной для супа курице я не мог отрубить голову. А тут – зверек.

Мы пошли к капкану вместе. И папа безжалостно требовал от меня поступать по охотничьим правилам. Ничего более страшного доселе со мной не происходило. Реветь я не

ревел, но отчаяние было предельным.

В капкан угодил дикий кот. Одев рукавицу, папа его вызволил. «Сначала нужно думать, а потом делать. Охотник...»

Так что пришлось мне искать более гуманные методы зарабатывания денег. Попав под влияние перестроечных настроений, мы с приятелем решили делать шампуры для шашлыков – блюдо в альплагерях популярное, с шампурами и впрямь был напряг. Мы их делали из алюминиевой проволоки, которую добывали правдами и неправдами. Мастерскую устроили у нас дома, мама наше производство терпела с трудом, но терпела. Отец наблюдал с интересом. Шампуры, конечно, были примитивные, одноразовые, мы их продавали по 3 копейки штука. За сезон удалось накопить рублей тридцать.

Потом их украл какой-то киевский хмырь.

Другая попытка была более удачной. Я как-то сообразил, что деньги в прямом смысле слова валяются под ногами. И собрал в округе альплагеря стеклотару. Работа была не из легких, так как бутылки в стеклоприемном пункте принимали только мытые, да и перетаскать их нужно было немало. Но результат того стоил – я заработал 180 рублей. На что их тратить, вопроса у меня не было. Во-первых, часы «Электроника-5». 56 рублей. Во-вторых, мопед «Карпаты». Хватало в обрез.

Если часы были для форсу, то мопед являлся насущной необходимостью. Дело в том, что от альплагеря до шоссе, по

которому я ежедневно ездил в школу, 20 километров, нужно было пройти четыре километра лесом. Не скажу, что это была прогулка с удовольствием. Осенью и зимой особенно лес темный, там вечно что-то шумело и трещало, я все ждал, что вот-вот на меня набросится дикий кабан или шакалы, которых там водилось множество. Тропа к тому же проходила мимо нескольких лавиноопасных распадков. Правда, если сход лавин был реален, меня провожал отец. В общем, мопед был бы кстати. Казенить школу мысли не было, тем более, что на пути домой я ежедневно покупал для младшего Андрея двухлитровую банку домашнего молока.

Со сбережениями в заначке я и приехал в Одессу с родителями. И, видимо, сильно над ними трясся, что привело к неожиданной развязке – здесь и начинается история о своде семейных правил, которую я обещал рассказать выше.

Дело было накануне маминого дня рождения. Папа послал меня в магазин и заодно поручил купить имениннице цветы. Дал деньги. В отведенную сумму я уложился, но, видимо, что-то сделал не так, возможно, розочки выглядели уж больно чахлыми. И папа спросил, за какие деньги я брал букет. Я ответил – за те, что ты дал. Он помолчал. Потом спросил, почему не за свои. Я оторопел – тратить свои мне и в голову не пришло. Это же мои кровные, я же их какими трудами заработал, все кусты в округе прочесал.

– В семье нет твоего или моего. В семье все общее. Так что положи свои деньги в шкатулочку. А там уж мы решим,

как ими распорядиться.

Перечить отцу я не смел, я этого себе не позволял до его последнего вздоха. Но деньги в шкатулку положил. «Электронику-5» за 56 рублей мне таки купили, а вот с мопедом вышел облом.

Живя в горах, где охота не столько развлечение, сколько добыча ресурсов для жизни, отец, помнится, несколько раз с охотничьей компанией отправлялся на этот промысел. Я всегда нетерпеливо ждал его с добычей, но он всякий раз возвращался с пустыми руками, чем был премного доволен и легко соглашался, что он – мазила. Не попал ни в кабана, ни в косулю, ни в зайца. Так что слюнки на дичь катились напрасно.

Его охотничье невезение мне стало понятным после поездки в Дагестан на водохранилище Черкейской ГЭС. Папу туда пригласили военные альпинисты, проходившие у него специальную подготовку на базе в Терсколе. Он взял меня с собой, и я был потрясен красотой самой водной чаши, вершинами гор, образовавших при затоплении удивительные фиорды, самой плотиной гидростанции.

Хозяева организовали рыбалку, на которой я ничего не поймал по неумению, а папа вообще откровенно лодырничал и ничего не ловил. А на следующий день поехали на охоту – стрелять гусей.

На руле лодки сидел охотник-инструктор Хамид, на носу – папа с ружьем. Я сразу за ним, на скамейке. Хамид раз-

гонял лодку, потом выключал мотор, и мы по инерции, без шума, вкатывались в фиорды. Но гуси куда-то поделись, на водной глади – только вершины гор. И вдруг везение. Я уж не знаю, гусь это был или утка. Неважно. Птица была просто огромной. И мы подкатили почти вплотную. Я дрожал от нетерпения, кричал шепотом – давай же, давай стреляй, а то улетит. И гусь в самом деле взмахнул крыльями, отрываясь от воды, самое время было жахнуть. И папа действительно стрельнул куда-то в сторону. Я оглянулся на Хамида. Хамид улыбался.

Наверное, это была моя самая удачная охота. Хотя больше ни на какой другой я и не был. Я не увидел окровавленную птицу, не видел, как ее ощипывают и как она превращается просто в мясо.

Поездки с отцом мне всегда были в радость, и не только потому, что открывались новые миры, а в детском возрасте даже выход за границу лагеря – новый мир. В сущности, это были часы или дни, которые папа посвящал только мне, в этом времени не было ни гостей, ни работы. Пройдет много лет, он уже будет болен и в одном из разговоров скажет, ни о чем не сожалеея и ничего не осуждая, что в жизни есть не менее важные вещи, чем работа. Это не цитата, а смысл его вывода. Уже был позади и романтический период Кавказа, и создание ТИСа, и можно было без оговорок сказать, что жизнь удалась. Не то, что «мы, оглядываясь, видим лишь руины». Но всегда можно найти упущения и ошибки, которые

вызывают сожаление.

Память всегда избирательна, она не всегда раскладывает по своим ячейкам самое важное и самое главное. Вот если два человека запоминают одно и то же, это как раз доказательство важности события. Мы с отцом оба запомнили путешествие по леднику Безенги. Переход был длинный. Километров двадцать, летний ледник сверкал и сиял в окружении гор, его перерезали трещины, в которых в страшной глубине kloкотала вода. Папа показывал невидимые моему неопытному глазу опасности, учил идти след в след по снежным мостикам через щели. Я шел, преодолевая с каждым шагом страхи, и к базовому лагерю добрался уже опытным путешественником.

На Безенги тогда, как я помню, было первенство Союза. Судейство было нечестным, судьи решили, что непременно должна победить сборная России. Наша команда тоже бурлила, но находила для себя и маленькие радости. Природа на Безенги была в прямом смысле слова девственная, горные туры смотрели на людей с любопытством и только на всякий случай примерялись к пришельцам крутыми рогами. Мы к ним подлизывались солью. С рук они ее не брали, но явно ждали лакомства. Дядя Миша, Михаил Александрович Ситник, придумал солевую дорожку – насыпал соль до самой палатки и ждал там гостя. Тур слизал соль и просунул голову за полог. Дядя Миша схватил его за рога. Тур маханул его за спину и удрал – попытка панибратства провалилась, Михаил

Александрович еще долго кряхтел, потирая спину.

Боюсь, что посягну на святое и неприкасаемое, но все же...

Для всех альпинистов сборы в горах были своеобразным побегом от реальности. Каждый альпинистский лагерь, при том, что там шла спортивная подготовка, совершались восхождения и сбывались мечты, этакой был романтической резервацией. Одно дело в нее приехать на 20 дней или даже и на два месяца. Совсем иное – в ней жить постоянно. Все, что происходило «в большой жизни», конечно же, было нам известно, так как горные лагеря тоже были частью этой жизни. Но процессы, начавшиеся в постбрежневское время, на мой взгляд, нами оценивались не совсем точно. Это я так издала захожу, чтобы рассказать о единственном эпизоде, в котором мы с папой не пришли к согласию.

Я учился в техникуме в Нальчике. Учебное заведение было, мягко говоря, специфическое. В нем царили нравы зоны для малолеток – с насилием, воровством, грабежами средь бела дня и тем более ночью в общаге. Учащиеся были в основном местные, с традиционной враждой между кабардинцами и балкарцами и объединяющей их нелюбовью к «русским». К какому там кто принадлежал этносу – неважно, все пришлые были для них русскими. Как и все кавказские мальчишки, они к своим 14–16 годам уже были вполне сформировавшимися мужчинами, традиционное (и поголовное) увлечение борьбой, силовыми видами спорта этому способ-

ствовало. Я в этот «видеоряд» не вписывался совершенно – худой, если не сказать тощий, очкарик, совершенно не спортивный, совершенно не приспособленный к кулачному праву. Но еще хуже того, что я не умел драться, было то, что я этому категорически не хотел учиться. Каждую перемену я тихо ускользал в библиотеку и отсиживался там до начала лекции. Традиционные разборки на переменах с кровоточащими носами мне удавалось миновать.

Мои рассказы о техникумовских нравах родители слушали с недоверием. Не то чтобы они это высказывали, но такое ощущение у меня было. В диссидентских книжках, между прочим, давно писали, что нравы уголовного мира могут выплеснуться в общество, разьесть традиционные моральные нормы. Но одно дело – рассуждать об опасностях нравственной деградации, и совсем другое – признавать эту деградацию. Критической точкой стала история с избиением с особой демонстративной жестокостью двух моих однокурсников. Они были из так называемых местных русских, что называется, плоть от плоти местных нравов. Но иногда их шпыняли как чужаков, и чтобы обезопасить себя, они подались во внештатные сотрудники милиции. Заводиться с ментами опасались самые отпетые сорвиголовы. Так что расчет был правильный. Но всегда случаются сбои. И вот этим двум парням устроили что-то вроде публичного перевоспитания.

Отец меня слушал внимательно. Потом спросил, где во время избиения ребят был я сам. «Стоял. Смотрел». Он

мрачнел на глазах. Потом спросил, почему я не вступился за них. Я опешил. Мне такое и в голову не приходило. Ничего своим заступничеством я бы не изменил, разве что избиваемых стало бы трое.

– Тогда зачем же ты читал все это, – и он жестом охватил книги на полках, – все эти хорошие книги? Чему они тебя научили?

Было видно, что он сильно разозлился. И я понял, что у каждого из нас сейчас своя правда. Моя строилась на знании тех реалий жизни, которые уже царили в «суете городов». А папа, пребывая выше меня на 2650 метров в горах, считал, что нужно соблюдать рыцарский кодекс чести, жить по правилам чести с теми, кто на эти правила чихать хотел.

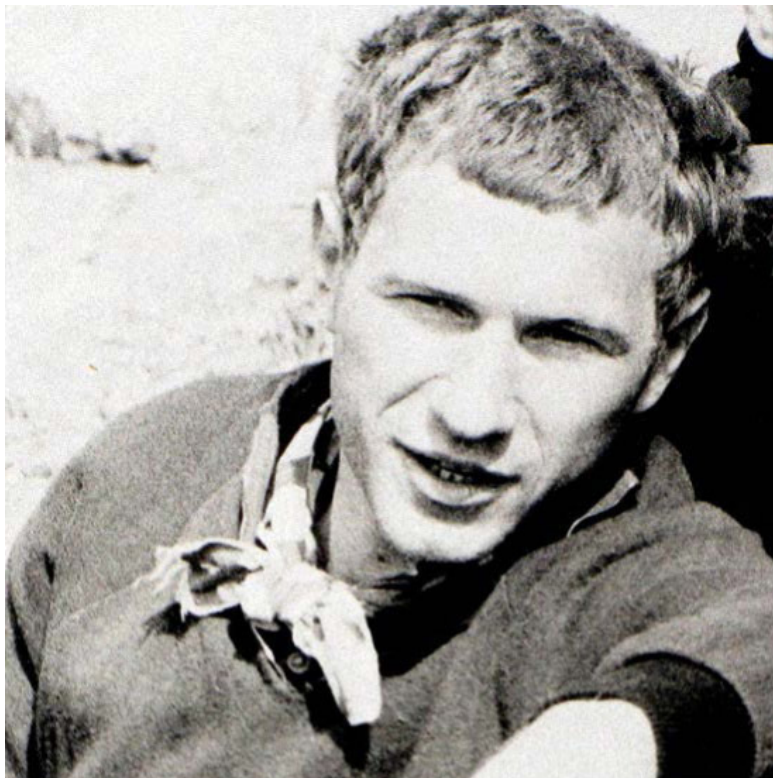
Мы больше никогда к этому разговору не возвращались.

Никто из нас не предполагал тогда, что скоро и в горах начнется размен чести на бесчестье, что скоро на папу заведут персональное дело по партийной линии, будут шить ему аморалку и всякую другую чушь, не имея никаких доказательств. На это гнусное разбирательство в райком партии они ездили с мамой, вернулись взвинченные, не понимающие, что происходит. Мама папу успокаивала, пичкала валидолом. Прощание с Кавказом получалось невеселым. Мне кажется, что предательство и клевета бывших коллег по работе в альплагере, трусость тех, кто не осмелился подать голос в его защиту, хотя точно знали ведь – не виновен, ударили его сильнее, чем казалось со стороны. Просто отец был

сильным, мужественным мужчиной и не выставлял свою душу на показ.

Я и сейчас не знаю, кто из нас более прав. Вроде жизнь подсказывает, что с волками жить – по-волчьи выть. В общественных нравах, в бизнесе не оказалось достойного места ни протестантской этике, из которой выросло предпринимательство, ни христианским ценностям, ни учениям Макса Вебера или Локка. И все же, и все же... Как в культовом в давние (и не забытом в нынешние) времена романа, кто-то же должен стоять над пропастью во ржи и сторожить, чтобы в нее никто не упал. Или не должен.

Анатолий Королев

Техник-технолог, мастер спорта по альпинизму

Если принять за истину, что некрасивых гор не бывает вообще, нужно признать, что Хан-Тенгри – из ряда первых красавиц. Этот семитысячник, соседствующий с пиком Победы, притягивал к себе альпинистов страны, как огонь бабочку. Тянь-Шань, нужно сказать, был одесситами исхожен прилично. Тогда Гималаи с вершинами более восьми тысяч были для нас закрыты, и в Союзе образовался неформальный, но престижный клуб «снежных барсов». Входной билет в него – восхождение на семитысячник. Не скажу, что Леша грезил званием «барса», он был, как известно, убежденным технарем, но собрались на Хан-Тенгри и мы. Больно привлекательная была вершина. Если не изменяет память, это был конец семидесятых. До этого мы и на Тянь-Шане, и в Южном, и в Западном Памире походили изрядно, там у нас было несколько интересных первопрохождений.

Считается, что Леша плохо переносил высоту. Возможно. Но в той экспедиции никаких трудностей, связанных с высотным биванием, я не заметил. А мы, помимо того, что немало времени прожили в базовом лагере у подножья Хан-Тенгри, еще и делали заброску, а этот промежуточный лагерь находился на высоте около 4500. Кто знает наше дело, тот понимает – заброска дело тяжелое, изматывающее. После нее восхождение – как награда.

Маршрут восхождения был «просмотрен» нами с подножья, и автором его был Леша. Он как-то удачно нашел точку, с которой увидел Хан-Тенгри в ином ракурсе, и пред-

ложил восхождение по никем и никогда не хоженной стене. Нам нравилось. Но с промежуточного лагеря трасса вдруг обрела иной вид. То, что с подножья представлялось на стене снежными пятнами, на самом деле оказалось неким подобием снежных грибов. Вот как на деревьях растет чага, так на Хан-Тенгри образовались снежные наросты. Какой они прочности, как поведут себя – поди угадай.

В альпинизме есть понятия объективной и субъективной опасности. Так вот это была объективная. Зримая. Непредсказуемая. Обойти «грибы» было невозможно, идти на авось глупо. Мы с Лешей решили по этому маршруту не идти и спустились вниз. Не повезло в этом сезоне, повезет в следующем.

Ближайшее жилье от Хан-Тенгри – пограничная застава Мойдодыр. Нам до нее предстояло одолеть километров 80–90, никто и никогда эту дорогу не мерил. Большую часть, километров под шестьдесят, предстояло идти по леднику Южный Иныльчек. Он лежит длинным языком в межгорье, потом, уже ближе к заставе, упирается в озеро и как бы раздваивается. Ответвление ледника уходит к северным отрогам Хан-Тенгри, и та часть ледника, естественно, называется Северным Иныльчком. Тем летом, с северной стороны, шла на Хан-Тенгри группа московских альпинистов. Над отрогами хребта там барражировал вертолет – москвичи любили восхождения с удобствами.

Хоть и двинулись обратно мы налегке, запасшись скуд-

ным пайком на легкий ужин и еще более легкий завтрак, скоростным продвижение не было. Ледник изрядно изъело августовское солнце, в расщелинах журчали ручьи. Вода была быстрой, сливаясь, потоки превращались в маленькие речки, по-настоящему бурные. С изумлением мы наблюдали, как эти речушки вдруг исчезали без шума и грохота, иногда совсем, иногда выныривая через сотню метров. Экипированы мы были по тем временам так себе, а по нынешним – просто бедно. Леша шел в кованых ботинках, триконях. Моя обувь была моднее и удобнее – вибрамы, ботинки на рифленой резине. Много легче и много удобнее. Так что я то и дело отрывался, забегал вперед. Справедливости ради нужно сказать, что к тому же и Лешин рюкзак был тяжелее моего – он взял в экспедицию книжки и конспекты, по возвращению ему предстояло сдавать какие-то экзамены как аспиранту. По-моему, он даже пару раз эти книжки открывал.

Напарник в таких путешествиях – дело важное. Спаси и сохрани господь идти с человеком чужим, неприятным. У нас же была полная психологическая совместимость. Хотя Леша и был старше на несколько лет, мы как-то с ним сошлись и подружились еще в юношеские годы. Возможно, потому, что оба были из многодетных семей и оба – «поскребышами». Я так и не знаю, как по отчеству была тетя Шура и как дядя Миша, потому что они были для меня из тех, кого по отчеству не величают, в их дом я приходил если и не как домой, то уж точно не как в гости. Вообще Ставнице-

ры жили просто, без претензий. Открывая всякий раз дверь, я знал, что услышу пулеметную дробь пишущей машинки – дядя Миша сочинял то ли очередную книгу, то ли пьесу. Квартира была, по моим тогдашним представлениям, огромная, весьма условно поделенная на «комнаты» – перегородками служили какие-то экзотические ящики. Это потом мы с Лешкой в четыре руки построили деревянные перегородки и облагородили их сухой немецкой штукатуркой. Замечу, что у Лешки ко всякой работе руки стояли, и он всегда при разрешении домашних проблем поступал сообразно пословице – глаза боятся, руки делают. Опыт обустройства квартиры на Троицкой потом пригодился на Кавказе, когда Леше с семьей пришлось обживаться и в Шхельде, и в Эльбрусе.

К вечеру мы добрались до озера, которым и заканчивался Южный Иныльчек. Впервые за несколько недель жизни во льдах и снегах нам спать предстояло не просто на земле, это был лоскуток зеленой лужайки. Для ночевки у нас был навес на случай дождя, он же служил и постелью. Вообще-то, если бы не смертельная усталость, можно было полюбоваться озером, второго такого в мире нет. Его открыл в 1903 году немецкий исследователь и путешественник Готфрид Мерцбахер, его же именем оно и названо. Странное озеро. С айсбергами. Мерцбахер обнаружил его после неудачи с восхождением на Хан-Тенгри. Это нас с ним роднило...

Многоопытный альпинист и путешественник, оставивший свои следы и на Кавказе, и в Гималаях, и в Каракору-

ме, Мерцбахер тоже пытался взойти на вершину с Иныльчека. Через перевал Бьянкол он шел вдоль ледников Семенов и Мушкетов, но к Хан-Тенгри подобраться так и не сумел. Правда, в этих скитаниях он сделал открытие – вершина Хан-Тенгри расположена на хребте, дотоле полагали, что она – центр горного массива. Но не это открытие стало главным. Огромное, около шести километров в длину и шириной в километр озеро, не значившееся ни на каких картах, само по себе было сенсацией. Но оно еще и на глазах у путешественников таинственным образом «высохло». Исчезло. Было – и нет. Загадочность такого исчезновения была подтверждена еще одной экспедицией в тридцатые годы.

Подразнив после ночлега душу чаем, ранним утром мы пошли вниз, к Мойдодыру. Стояла дымка, сквозь нее еле-еле пробивалось солнышко. Мы понимали, что на кружке чая долго не продержишься, что пока силы свежи, нужно сделать рывок и одолеть одним духом сколько там осталось километров. Шли уже, наверное, часа четыре, начали уставать. Я по-прежнему лидировал и прилично оторвался от Леши. Он что-то кричал мне, я подумал, что просит сбавить шаг. Но оглянувшись, увидел, что он бежит за мной, налегке, без рюкзака.

– А ты случайно не обратил внимание, что вода течет нам навстречу? – крикнул он, подойдя ближе. И я обомлел – мы шли к Хан-Тенгри. Немного нужно было ума, чтобы понять – каким-то образом мы заблудились и идем к горе, но уже

по Северному Иньльчеку. В горах, как известно, ни троп, ни дорог нет. Мы избрали направление – к озеру. Но когда по нашим расчетам нас уже должна была встречать водная гладь с белоголовыми айсбергами, под ногами был все тот же ледник. Дымка тем временем рассеялась, прилично припекало. Станным образом начал меняться пейзаж, и мы предположили, что обошли озеро с другого края. Потом появились странные ледовые столбы, которых никак на нашем пути быть не должно. Мы оба знали правило, что, если начал блуждать, нужно не возвращаться к знакомым местам, а идти вперед. И шли. Иногда на пути возникали щели без дна. Странные льды то обступали нас, как небоскребы, только-только клочок неба синел в вышине, то расступались. Да и под ногами было что-то не совсем понятное – каменистая каша и щели. Но скоро пейзаж начал меняться, показались знакомые очертания гор над ледником, засинела вдалеке Хан-Тенгри.

И только тогда мы поняли, что озеро исчезло, а мы прошли по его дну, и что на самом деле по водной глади не айсберги плавают, а торчат вершины ледовых утесов. Уже потом, вернувшись домой, Леша зароется в книги и вызнает все и о самом Мерцбахере, и что открытое им озеро на самом деле делится на две части – одна действительно два раза в год бесшумно исчезает неизвестно куда, так как рекой вниз не сбегает. А вторая, отделенная ледовой перемычкой, стоит недвижно. Возможно, в утренних сумерках мы и попали

по этой перемычке на Северный Иныльчек. Возможно, что и не так. Но абсолютно точно, что мы опровергли все известные академичные литературные источники. Они утверждают как дважды два, что дно озера губительно непроходимо. Я не знаю ни одного примера, чтобы кто-то с исследовательской целью пытался пройти по дну Мерцбахера. Но что мы прошли это озеро «по дну яко посуху», это факт.

Все, что было потом, – обычные соленые радости. Оголодавшие и ослабевшие, мы плелись нога за ногу к Мойдодыру. Злая доля подсунула нам по пути что-то вроде топи. Я так и не знаю, что это была за лужа, которую, хоть плачь, нельзя было никак обойти. По вязкости она была равна гудрону – ногу нужно было вырывать из этой дряни руками, и вот так, шаг за шагом, мы проходили ее целую вечность. На самом деле лужи было метров тридцать-сорок. Как бы дразнясь над нами, в небе стрекотал вертолет – снимал, как мы сообразили, москвичей после восхождения и забрасывал их на заставу. Не думаю, что кто-нибудь видел с борта, как мы отчаянно машем руками и просим о помощи.

Мы были на пределе сил, когда судьба улыбнулась нам первый раз – если не считать подарком прохождение по дну. Мы наткнулись на заброску туристов: чай, печенье, консервы, сухари. Обычный горный ассортимент. Кроме одной вещи, совершенно неожиданной для такой ситуации. Это был томик «Похождений бравого солдата Швейка» – книги одинаково нами любимой. Мы понимали, что кто-то через день

или месяц выйдет к этому запасу, что он на него рассчитывает. Поэтому взяли чуть-чуть – только чтобы поддержать силы. Леша полистал Гашека, ухмыльнулся. Я тоже. Но совершенно по иному поводу. Мало кто видел Алексея Ставнищера в солдатском обмундировании. Мне довелось. Я навещал его в части в Житомире, и это было еще то зрелище. Вызванный мною на КПП рядовой Ставнищер уже издали раскинул руки для объятий, как неожиданно к проходной подошла группа старших офицеров. Леша немедленно начал топтать сапогами, изображая строевой шаг – для приветствия. Пилотка сидела на нем блином, ремень съехал под пузо, а форма как-то категорически не хотела облегать ладно, пузырилась и задиралась, и иного сравнения, как со Швейком, быть не могло. Увидев его, офицеры с выражением зубной боли отвернулись... Мой визит в часть к Леше был ответным. Первым в армию забрили меня, и это была служба настоящая. Гарнизон мне выпал дальний, до ближайшего райцентра с гостиницей километров сорок. Половину из них нужно переть пехом. Леша с Аллой приехали развеять мою тоску зимой, так что гостевание проходило в гостиничном тесном номерочке.

Пока мы топали к заставе, как будто дразнясь, в небе барражировал вертолет. Мы держались достойно и уже не изображали терпящих бедствие до самого знакового места на пути – камня Чинташ. Величиной с приличный дом, этот гигант был местом привалов для всех, кто возвращался с гор.

И вот мы в паре сотен метров от Чинташа, а прямо за него садится вертолет. Ясное дело, что побежали. И были уже почти рядом, как за камнем заревело, и вертолет взмыл в небеса. Отчаяние – весьма приблизительное определение того, что мы испытали при этом. Цепляя нога за ногу, мы дошли до Чинташа и... замерли. За камнем стояли лагерем москвичи. Вертушка, ограниченная по грузоподъемности в горных условиях, свозила сюда снаряжение, чтобы потом все забрать одним рейсом. Нас накормили, напоили чаем, посочувствовали. Отсюда до заставы было лету меньше четверти часа, но летчики только развели руками – за полетное время платят москвичи, договаривайтесь с ними. Договариваться было не с кем – распорядители полетов еще были на горе, а рядовые взять на себя смелость изменить схему полетов не могли. Мы набирались сил и мужества на последний бросок. Подремывали.

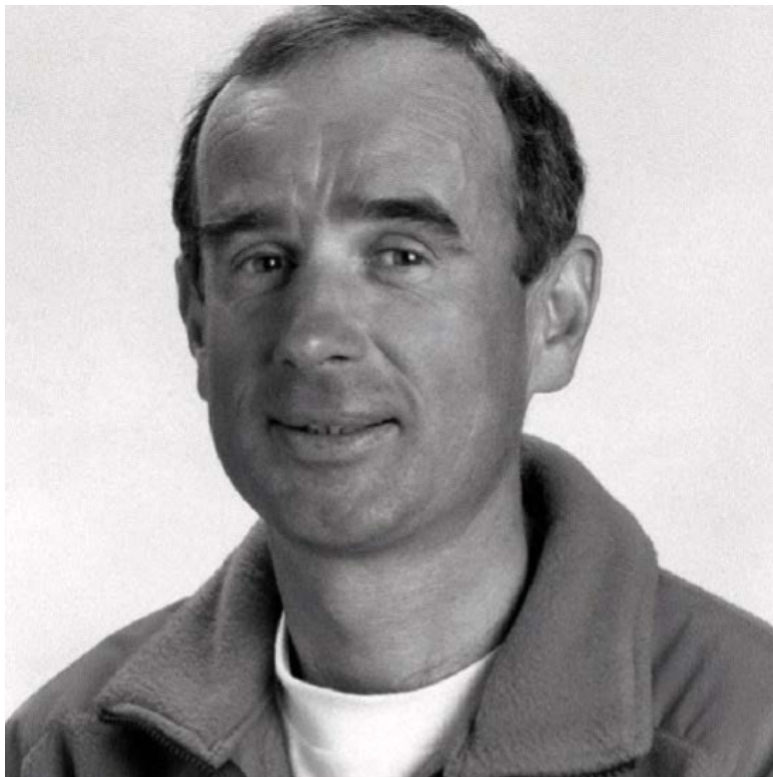
Подошел штурман, пнул меня по ботинку в странной липкой глине: «Хорош дрыхнуть. Садитесь. Если по весу превышения не будет, полетим...» Проверая, не перегружен ли вертолет, летчики поднимают машину на метр-полтора над землей и висят секунд двадцать-тридцать. Не клюет вертушка носом, держится в воздухе уверенно – в добрый путь. Мне казалось, что в тот раз летчики испытывали допустимость загрузки несколько часов.

Мы летели десять минут, четверть часа, двадцать. Мойдыром и не пахло. Я боялся даже подумать, что судьба улыб-

нется нам сегодня второй раз. Но первый пилот подтвердил – летим во Фрунзе. Мы пропускали в горах счастье переть пешком сначала до заставы, потом до трассы, где нужно было проситься на лесовозы, груженные горными елями так, что хвосты тащились далеко за прицепом, и поэтому он на двух колесах ехал, а два остальных зависали над пропастью. Мы пропускали ночевки в придорожных харчевнях, которые вскоре будут называть кемпингами, и еще много чего. В том числе и пробуждение тоски по дому, которая тем сильнее, чем ближе дом.

Нам оставалось всего ничего, чтобы сойти в аэропорту, наскрести пару рублей на такси до базового альпинистского лагеря, откуда – прощай, ТяньШань, и здравствуй, Одесса. Но чтобы вертолетчики никогда не сомневались, что память о добрых делах благодарна, мы задержались ровно на столько, сколько надо было, чтобы найти гастроном, затариться выпивкой и закуской и нанести визит вежливости экипажу. Экипаж не возмутился, что его вытащили из сна, я бы даже сказал, что приятно удивился, так как полагал, что фраза «Будете в Одессе, заходите!» была прощальной.

Мстислав Горбенко

«Снежный барс», заслуженный мастер спорта СССР, мастер спорта международного класса, заслуженный тренер Украины

Кто ходит в горы, знает цену предчувствию. Жаль только, что оно у каждого свое и что каждый верит только своему. Поэтому никому, и мне в том числе, не удалось переубедить Володю Альперина и Володю Кривошеева отказаться от восхождения на Дых-Тау.

Об их замысле я узнал в Дубае, перед посадкой на одесский рейс. Мы возвращались с Гималаев после удачного восхождения на Макалу, так что сборы отправились на Кавказ без моего участия. Должны были ехать все вместе, но в последний момент Альперин и Кривошеев вместо «Узункол» избрали альплагерь в ущелье Безенги. Что они примерялись к штурму Дых-Тау, догадаться было нетрудно. Последние несколько лет оба Владимира присматривались к ДыхТау, изучали ее, чему было пояснение. Семь лет назад при восхождении на нее погибли трое наших ребят: Костя Леонтьев, Сережа Лебеденко и Саша Ущাপовский. Без всякого преувеличения – это было будущее, надежда нашего клуба. Готовили команду отец Кости Вадим Леонтьев и Владимир Альперин. Трагедия произошла, считай, у них на глазах. Ребята погибли под сходом снежной шапки вершины. Так что понять их стремление подняться на гору, раскрыть причину, тайну гибели ребят и как бы доказать Дых-Тау свое превосходство можно.

Альперин и Кривошеев были опытнейшими мастерами. Я пытался было отсоветовать их от затеи, но азарт всегда был

составной частью альпинизма, а запреты – не в чести. Единственное, на чем удалось настоять, это на включении в их команду еще троих молодых ребят для подстраховки. Но они таки пошли вдвоем.

Володя Альперин направил мне перед выходом сообщение по мобильной связи, что все идет хорошо, сразу после восхождения планируют возвращение в Одессу. Уже потом я узнал, что гора как будто не пускала их, восхождение дважды откладывалось по погоде, что в последний раз ребята вышли на связь 21 июля в семь утра по Москве. Они ночевали на высоте 4 500, там в июле было скорее тепло, чем холодно. Над Безенги собиралась гроза. На следующий сеанс связи в 11 часов двойка не вышла.

Через четыре дня одесская поисковая группа, переброшенная из альплагеря «Узункол», увидела в бинокли их тела, повисшие на веревках на высоте 3 800. Они сорвались со скалы, скорее всего, попав под лавину, пролетели около 400–500 метров и чудом зацепились веревками за ледовый гребешок. Обстановка, по альпинистской терминологии, была камнеопасной – то есть спасатели могли попасть под камнепад, поэтому работы пришлось свернуть.

В сентябре мы начали формировать спасательный отряд, чтобы подняться на стену и снять тела. И в это время мне позвонил Леша, Алексей Михайлович. С Володей Альпериным они дружили, вместе прошли не один маршрут. Я рассказал ему, что сам знал о трагедии. Оба мы понимали, что

причина гибели теперь уже пятерых альпинистов на рядовой, в общем-то, вершине не в ошибках или недостаточности мастерства.

Здесь кроется нечто необъяснимое, мистическое – в таких случаях говорят, что гора не пускает.

Вообще в анализе всех несчастных случаев на восхождениях есть такой расклад: 80–85 процентов ЧП происходит по вине альпинистов, а 15–20 – в той самой мистической, непредсказуемой силе противодействия самих гор. Они берут свою дань жизнями, и Леша, сам не раз ходивший по краю такой пропасти, это прекрасно знал. Он расспросил меня, кто вошел в отряд добровольцев-спасателей, и предложил встретиться, обговорить, как он сказал, «кое-какие детали».

Так получилось, что свои первые шаги в альпинизме я делал под руководством Алексея Михайловича, которого, впрочем, мы никогда не величали по имени-отчеству. Так что этот рассказ – об учителе. Возможно, моя спортивная судьба, не повстречайся мне Алексей, сложилась бы иначе, а может, и вообще не сложилась бы. Я занимался горным туризмом, мне нравилась походная, палаточная жизнь, мы ходили по перевалам Кавказа и Памира. Но симпатичная мне девушка лазала по скалам и прожужжала мне все уши, как это замечательно и какой удивительный у нее тренер Леша Ставницер. Как оказалось позже, она у него тоже значилась любимой ученицей.

Мы встретились в ресторанчике в парке Шевченко, все подготовительные работы по экспедиции были в основном завершены. Снять с горы тела друзей было задачей сложной, здесь нужна была сильная команда альпинистов-технарей, а по этой части Леша был мастером высокого класса. Мы давненько с ним не виделись, я поразился, как он осунулся, изменился. Что он уже несколько лет борется со смертельным недугом, я не знал. «Все нормально, просто устал. Работы много...» – ушел он от разговора о здоровье.

Я рассказал, что знал о гибели друзей. Они поднимались в двойке по северо-восточному контрфорсу Дых-Тау, этот маршрут, так называемый Грузинский путь, в классификаторе обозначен, как 5Б категории сложности. Так что повисшие на веревках над пропастью тела будет снять не просто сложно, а и рискованно. Леша не давал банальных советов, потому как из опыта знал – что и как делать, покажут обстоятельства. Под конец разговора он выложил на стол пухлый конверт. Он как никто понимал, что работа нам предстоит не только тяжелая морально и физически, но и весьма затратная. А клуб – организация общественная, денег

Вершина Дых-Тау, Кавказ

у нее нет и никогда не было, в таких ситуациях нужно ходить с шапкой по благодетелям. Теперь вот хождение с шапкой по кругу отменялось, Лешиних денег хватило и доку-

пить нужное снаряжение, и на экспедицию.

Увы, той осенью Дых-Тау тел не отдавала, их удалось снять ровно через год после гибели. Это была без всякого преувеличения драматическая эпопея, мы в ней одолели противостояние горы, но Леша уже этого не увидел.

Я назвал его учеником, хотя тут необходимо уточнение. Он был достаточно своеобразным учителем. Пожалуй, что даже полной противоположностью академическому образу. И тут речь не только (и даже не столько) о методике подготовки. Главной чертой Ставницера-тренера было отношение к товарищам по альпинизму. Его чувство самодостаточности позволяло быть ровным и равным с людьми, не пользоваться формальными преимуществами, которые давал ему статус инструктора, мастера спорта и т. д. У него оказался редкий дар не «бронзоветь» сначала от спортивных успехов, а потом и от бизнесовых. Я знаю только еще одного человека, которого не меняли положение, успехи, должности. Это Аркадий Мартыновский. Известный одесский альпинист, мастер спорта СССР, он уехал работать в Москву, сделал там блестящую карьеру в космической отрасли – стал вице-президентом корпорации «Энергия-Буран», но всегда вел себя так, будто мы висим где-нибудь на крымской скале или пашем снег, идя на высоту.

С Лешей мы познакомились летом 70-го в алыплагере «Эльбрус», во время сборов Одесского клуба. Прошедшие школу на скалах Южного Буга новички приобщались к на-

стоящим горам. Мне это занятие понравилось. Но по правилам того времени, чтобы вместе с глянувшимися мне ребятами заниматься альпинизмом, нужно было стать членом их общества – ДСО «Авангард». Так что я в то лето был в лагере «человеком со стороны».

Видимо, есть смысл сказать, что альпинизм в Союзе был под особым покровительством государства. Причиной тому кровавые уроки, которые преподали нам в Отечественной войне горные немецкие дивизии. Блестяще подготовленные для боев в горах, они легко захватили Кавказ, водрузили свои штандарты на Эльбрусе. У нас специально подготовленных частей не было, мы, как всегда, побеждали кровью. И после войны вышла сталинская директива о создании сети альпинистских лагерей, по всей стране их было около 20, и о том, что какую бы должность не занимал инструктор альпинизма, ему полагалось два месяца отпуска за свой счет для повышения спортивного мастерства. Проезд туда и обратно, а также пребывание в горах оплачивали добровольные спортивные общества. Руководство предприятий и учреждений сталинская директива страшно злила, но нарушать ее не смели до самых последних дней Союза.

Мастер спорта в лагере – величина. Их тогда было по пальцам перечесть. Леша среди альпинистской элиты выделялся абсолютной доступностью и умением все пояснять просто и понятно. Одно из главных и навсегда запомнившихся его наставлений – чтобы подняться на самую крутую

скалу, нужна не столько сила, сколько четкая координация. И приводил в пример девушек – силенок у них поменьше, чем у парней, а как ловки!

Альпинизм меня увлек всерьез, не остановила даже служба в армии. Благо, что служил недалеко от Одессы. Мои увольнения проходили на скалах, случалось сбегать мне за дозволенные армейской дисциплиной пределы – на скалы в Крым. Поносивший армейские кирзачи Леша это ценил и как мог способствовал моим самоволкам.

Нельзя сказать, что Крым для украинских альпинистов открыл Алексей. Одесситы туда любили ездить всегда. Невысокие, будто специально созданные для обучения альпинистов горы ценил Александр Блещунов, отец-основатель Одесского клуба. На Куш-Кае новичкам всегда показывали место, где он любил ставить свою палатку и оттуда наблюдать в бинокль за восхождениями. Но по-настоящему Крым обживал, включил его в систему подготовки альпинистов, конечно же, Леша. Для базового лагеря он облюбовал скалы в заливе Ботилиман, недалеко от Фороса. Обрывы над морем в 400–500 метров с прогулочного катера могут показаться легкодоступными, но в шестидесятые на такую высоту поднимались, дай Бог, за три-четыре дня. Это было время так называемого осадного альпинизма – продвигались метр за метром, забивая стальные крючья в неподатливый камень, натирая плечи ляжками неудобных рюкзаков. И вообще снаряжение тогда было такое, что вспоминать горько. Самой мод-

ной и крутой обувью были резиновые азиатские галоши. Уж не знаю почему, но у нас такие не выпускали – остроносые, узкие в ступне, они были полной противоположностью нашим «мокроступам». За галошами снаряжали гонцов-купцов в Азию, они закупали их по размерам для всей команды. Галоши нужно было брать на размер меньше, они тогда на ноге сидели плотно. А подошва была идеальна для сцепления со скалой, не скользила. Ясное дело, что снять после восхождения тесную обувь было большим удовольствием...

Сегодня те маршруты, на которые у нас уходило по несколько дней, ребята играючи делают за день. Во многом из-за удобного и качественного снаряжения, но еще и потому, что предыдущие поколения наработали целый банк приемов, создана методика обучения скалолазанию, технические восхождения обрели права гражданства. Ничего этого не было, когда Алексей методично и последовательно взялся за освоение Крымских гор. Хотя опять-таки пальма первенства тут не его. Альпинизм в Крыму начинался еще в 1890 году, когда родилось «Крымское горное общество». Его назначением было исследование Крымских гор. Потом общество трансформировалось в клуб и даже издавало свой журнал «Записки Крымско-Кавказского горного клуба». Спорт это был аристократический, поэтому после 1917-го отношение к нему было соответственное. Лишь в конце тридцатых годов альпинизм начал возрождаться. И что важно – при активном участии Одессы. Одним из энтузиастов был про-

фессор Одесского университета Елпидифор Кириллов. Это он поддержал студента университета Александра Блещунова, решившего создать в Одессе альпинистскую секцию. В 1940 году одесситы даже ходили на Памир.

В послевоенные годы в Крым одесситы ездили мало, наш базовый лагерь стоял поближе, на Южном Буге. Открытие Крыма по-настоящему произошло в шестидесятые. И Леша был среди тех, кто понял роль и значение Крымских гор для развития альпинизма. На Куш-Кае и других вершинах осталось немало маршрутов его имени, что, в общем-то, престижно, но это не главное. Главное, что Леша открыл эру современных стенных восхождений. Это его несомненная и, быть может, не до конца понимаемая сегодня заслуга перед украинским альпинизмом.

Для альпинизма, как его понимал Алексей, Крым был идеальной тренировочной площадкой. И тут сразу возникает вопрос, как Леша видел и понимал альпинизм. Без этого не понять многие события в нашем клубе.

Леша, Алексей Михайлович, был чистым технарем. Что это значит? Условно все восхождения альпинистов делятся на несколько дисциплин. Скальные – это подъем на стены с перепадом высот до 500 метров. Занятие сложное, так как скала не только крута, она еще и нависает, продвижение по ней измеряется метрами. Альпинист поднимается, забивая в скалу крючья, провешивая для страховки веревки, таща тя-

зеленный рюкзак со всевозможным снаряжением – от прируса и спальника до молотка и ледоруба. Технические восхождения предполагают плюс к сказанному еще и обледенение скал, просто крутой лед, снег. Высотно-технические включают в себя все вышесказанное, но происходят за линией, поэтически говоря, зеленой жизни, в условиях кислородного голодания и капризной погоды. Понятие высоты начинается с 2000 метров. И наконец, высотные восхождения – это подъем в поднебесье, на семи- и восьмитысячники. Уже на 6000 организм приспособливается к кислородному голоданию очень трудно, привыкание идет дольше обычного, а еще выше – не приспособливается вообще. Чтобы ходить на большие высоты, нужно иметь особый, «высотный» организм или подниматься в кислородной маске.

Леша наиболее предпочитал скально-технический класс, хотя был ему интересен и пограничный, высотно-технический. И в его биографии немало восхождений на пяти- и шеститысячники. Что же касается больших высот... Уже на рубеже 6 000 ему не хватало кислорода. Это – особенность организма, его на высокогорные условия не натренируешь. Не думаю, что этим можно пояснить его выбор в пользу технических восхождений, где требуется больше мастерства, чем силы. Тем более что он никогда не говорил, что высотные восхождения менее интересны. Леша отстаивал равенство и необходимость всех дисциплин. Такова была и традици-

онная позиция клуба. Технически сложные стены Чатына, Башкары, Дых-Тау, Чанчахи и многие другие были пройдены альпинистами старшего, послевоенного поколения. Виктор Лившиц, Эдуард Вайсберг, Борис Британов, Владимир Федченко, Вячеслав Нелупов, Вадим Шатилов, Павел Тепляков, Рада Ставницер – только первые в шеренге лиц, заложивших традицию равенства всех видов восхождений. Рада, старшая сестра Леши, пришла в альпинизм тоже в послевоенное время. Она была одной из немногих женщин, получивших звание мастера. С ее легкой руки примерялись к альпинизму и все братья.

Крым – идеальный учебный полигон. Нет кислородного голодания, он «всепогодный», можно тренироваться зимой и летом, его скалы обладают высокой сложностью – при желании можно найти маршрут и 5–6 категории, он близкий. Но он стоял как бы осторонь альпинистской жизни, потому что престижно было взобраться на Пик Коммунизма или Пик Победы, такие восходители сразу входили в почетный клуб «Снежных барсов». В своей среде мы, конечно, ценили мастеров-технарей, но для покорения высоких гор можно вполне обойтись и без умения подниматься по нависающей стене. Скажем, я побывал на четырех восьмитысячниках в Гималаях, и ни разу мы не прибегали к альпийским маршрутам. Но я понимаю, что близок тот час, когда спортивный азарт подведет к высотным восхождениям со сложными маршрутами,

пройденными в альпинистском стиле.

Одесская команда проторила в Крым дорогу, но он не сразу стал для нас соревновательным пространством. Сначала – просто тренировочной базой. Но Леша методично добивался проведения в Украине соревнований в малых горах. Практически это было продвижение к признанию стенолазания равным высотным восхождениям. И таки ему удалось убедить альпинистское начальство, что это необходимо. Поэтому ничего удивительного, что именно Леша стал капитаном и лидером сборной Одессы в соревнованиях в малых горах. Особенно это важно сейчас, когда Памир и Кавказ за граница. Считалось, что альпинизм как спорт – чисто советская придумка. На Западе альпинизм – просто альпинизм. Ни разрядников, ни мастеров спорта. Хочешь лезть на Монблан или на Эверест – в добрый путь. Сорвался и в пропасть – твои риски. Хотя нужно сказать, что при такой, казалось бы, вольнице, в европейских горных странах четко работают спасательные службы. Случись где-нибудь в Альпах трагедия, как с нашими на Дых-Тау, никому не пришлось бы снаряжать самодеятельную экспедицию и искать для нее средства. Спасатели сняли бы с горы терпящих бедствие без промедления и бесплатно. У них там какое-то свое понимание рыночной экономики и ценности человеческой жизни.

Излишняя зарегулированность в советское время действительно была. Но соревновательность – основа всякого спорта. Вот теперь, наконец-то, создана Международная Ев-

роазиатская федерация альпинизма, признающая альпинизм как спорт. Первый Кубок мира по малым горам был назначен на осень 2012 года в Крыму. Тисовские альпинисты – Леша создал у себя на предприятии альпинистскую секцию, а в Крыму базу для нее – будут зрителями сбывшейся мечты Алексея Ставницера.

Альпинизм – спорт в известном смысле иерархический. То есть старший и более опытный имеет определенные преимущества перед молодым. К примеру, капитан, как правило, идет первым. В этом есть не сразу постижимая логика. Первый бьет в скалу крючья и вешает веревки. Это тяжелая работа. Но с каждым метром его рюкзак легче. Последний крючья выбивает и веревки снимает. Тоже нелегкое занятие, но рюкзак при этом еще и становится с каждым метром тяжелее. Леша не то чтобы пренебрегал традицией, совсем нет. Но на тренировочных восхождениях он частенько пускал впереди спортсмена, что называется, без биографии. И тут оказывалось, что снимать и тащить крючья тяжело, а выбрать правильный, безопасный маршрут – еще тяжелее и ответственнее. Цена ошибки в альпинизме всегда одна – жизнь или травма. Достаточно один раз пойти первым без надлежащего опыта, ощутить ответственность за жизнь идущих за тобой товарищей, чтобы понять, как и почему создавалась традиция.

Свои первые восхождения по крымским стенам я делал в связке с Лешей, поэтому его принцип – не рассказывать, а

показывать, не сковывать инициативу, а наоборот, раскрепощать ее – я испытал на себе. Он один из немногих инструкторов давал человеку возможность, шанс выйти за предел своего умения, знания, мастерства. Ясное дело, что это было сопряжено с большой ответственностью. А вдруг что не так? Так Леша это «а вдруг» выносил за скобки. Вот пример.

Мы ходили на Куш-Кае по скалам, выбирая маршруты по-закovskyристее. В команду входили Володя Альперин, Вадим Леонтьев и я малоопытный. И вот в один из дней, утром, Леша смотрит на гору и говорит: «А слабо ли нам взойти вот по этой стене без страховки?» Стена – так себе. Ничего опасного. Может, по сложности на двойку потянет. Но без страховки... Уж лучше по пятой категории подниматься, но точно знать, что в случае чего – повиснешь на веревке, товарищи помогут. А без страховки, как в популярной тогда песне, «оступился и вниз»...

Мне потом приходилось подниматься на самые высокие пики и в Гималаях, и на Памире, и ходить по сложным склонам в других горах, но такого напряжения, такого состязания с самим собой, как на этом трехсотметровом подъеме на Куш-Кае, я не помню. Но зато навсегда усвоил – в случае чего я могу ходить и без страховки. Я себе это доказал. Нечто подобное потом случилось и на Кавказе.

На Виа-Тау мы ходили часто, по сложности маршруты там

разные, гора для тренировок идеальная. Обычно группа выходит из альпинистского лагеря, поднимается до подножья, ночует. На рассвете подъем – и на штурм. Железное правило в альпинизме – в сумерки не ходить. Поэтому успевали после восхождения спуститься в «зеленую гостиницу», там еще одна ночевка и утром домой. Я был второразрядником, Леша, кажется, кандидатом в мастера. Мы ходили с ним в двойке на тренировочные восхождения, набирали форму. И вот как-то он с прищуром смотрит на нашу группу из четырех молодых парней и говорит: «А слабо ли нам в один день сбегать туда и назад вернуться?»

Я как-то в серьезность такого предложения не поверил – в один день «сбегать» на Виа-Тау и вернуться в базовый лагерь еще никому не удавалось. Да что там не удавалось – мысли ни у кого такой не возникало! Но вижу, что Леша настроен серьезно, и соглашаюсь. Никому ни слова – готовимся. Ложимся пораньше, поднимаемся еще до рассвета и с фонарями – в путь. Идем налегке, ни запаса продуктов, ни палатки. Ранним утром начинаем восхождение. Сама мысль, что нам предстоит подняться и спуститься засветло, подстегивает, и поднимаемся достаточно быстро. Но Леша смотрит на гору, прикидывает и говорит, что в принципе здесь можно идти и без страховки. Быстрее будет. Что в связке темп замедляется, это азбука. Но и то, что на Виа-Тау без страховки не ходят – тоже азбука. Существовавшие правила запрещали это категорически. Леша всматривается в маршрут и показывает,

до какого места можно идти не страхуясь, и поясняет почему. И впрямь, думаю я, зачем на этом отрезке идти в связке?

Это уже потом, когда я впервые пойду в горы с иностранцами, а это было ни много и ни мало, а восхождение на Эверест, я открою для себя, что Леша учил меня, условно говоря, западному стилю в альпинизме. В Альпах ли, в Андах или Гималаях наши коллеги ходят, сами определяя меру безопасности. Каждый отвечает за свою жизнь сам, а не инструктор или директор альплагеря, каждый полагается на свое мастерство и сноровку. В таком стиле есть риск, но есть и существенное преимущество. Оно в воспитании ответственности за свою жизнь, в самодисциплине.

Хотя альпинизм и командный спорт, но мера индивидуальной ответственности в нем неизмеримо выше, чем в иных, игровых видах.

В те годы связь между альпинистами и базовым лагерем поддерживалась при помощи радиостанции «Недра». Громоздкая, тяжелая и ловившая все на свете помехи, она была придумана будто в наказание альпинистам. Не лучше была и обувь: мы поднимались в отриконенных ботинках, которые с каждым шагом все тяжелее было отрывать от земли. Да и прочее снаряжение, казалось, изготовлено исключительно для того, чтобы отвратить у человека охоту от альпинизма. Мы все воспринимали это как норму, а Леша – как бунтарь. И когда у нашего альпклуба появится свое помещение, он по собственной инициативе обустроит там мастер-

скую и с присущей ему решительностью возьмется за изготовление современного альпинистского снаряжения. Теперь в это поверить трудно, но в семидесятые годы прошлого века мы не только не могли купить иноземное снаряжение легально, не только не могли его «достать» нелегально, мы даже не знали, как оно выглядит. Мы его в лучшем случае видели на картинках. Но когда в конце семидесятых оно таки начало «проникать» в страну, оказалось, что Лешины самоделки ничуть не хуже. А титановые скальные и ледовые крючья были так хороши, что иностранцы готовы были отдать за них что угодно.

Разумеется, в том однодневном восхождении на Виа-Тау мы выбрали не самый сложный путь. Но чем выше поднималось солнце, тем идти было опаснее. Снег превращался в кашу, камни вытаивали и выскользывали из-под ног. Тем не менее, мы вкладывались в свой график. И когда спустились к зеленой зоне, где уже бродили предвечерние тени и откуда снежные шапки Виа-Тау сияли все еще ослепительно, я понял, что сделал то, что раньше считал невозможным. Но только потом, со временем, оценил умение Леша дать человеку возможность открыть самого себя, превзойти самого себя. Если человек хотя бы раз в жизни сделал то, что считал невозможным, он всегда будет знать, что его личный предел находится за границей его умения, достижений и прочее. Потому что победить себя – это и есть самая важная победа.

Я не скажу, что был в кругу самых близких товарищей

Алексея. Он чаще, чем со мной, ходил с Николаем Ческидовым, Петром Старицким. С Анатолием Королевым они вообще, как мне кажется, были друзьями не разлей вода. В клубе вообще-то не было постоянных, неменяющихся составов. Они создавались на каждое восхождение ситуативно, но, естественно, в первую очередь, учитывалась совместимость по душе, а уже потом – по всему остальному. Мы с Лешей вместе поднимались на Ашам, очень интересная вершина на Памире, это было первовосхождение по достаточно сложному маршруту. Оно внесено в классификатор альпинистских побед. Много вместе ходили по Крыму, по Кавказу. К счастью, ходили удачно. А врезаются в память, как правило, ситуации экстремальные, опасные для жизни. Поэтому со временем в памяти все сгладилось, сравнялось и осталось только ощущение удовлетворенности, которое всегда испытывает альпинист после восхождения. На самом деле нормальному человеку трудно понять, в чем это удовлетворение. Подниматься в гору – трудная работа. Ничего радостного в ночевках, висая над пропастью в гамаке или примопившись на скальном карнизике, когда сон – в полглаза, а холод до костей. Ко всему этому, мало на какой физической работе человек устает так, как при восхождении. Побывав и на семитысячниках, и на четырех вершинах выше восьми тысяч, должен сказать, что помимо кислородного голодания, не менее тяжело просто идти в гору, навьюченным тяжелым рюкзаком. К тому же снега – в пояс, ветры срыва-

ются непредсказуемо, мороз. Но именно странная любовь к такому занятию объединяет людей, если не сказать – отбирает, сепарирует по особым качествам. А уже заболевших этой странной любовью нужно учить.

Алексей оказался тренером удивительным. Он однажды с восторгом рассказывал мне о ленинградском учителе литературы, призабылась его фамилия, который пришел на урок по Достоевскому в пальто. Детям предстояло изучение «Преступления и наказания». Учитель распахнул пальто, подолой на веревочной петле у него висел топор. «Вот так подготовился Раскольников к встрече со старухой-процентщицей», – сказал он. И эта находчивость учителя, нашедшего не просто хороший педагогический прием, а демонстрирующего реальность, нелитературность ситуации романа, его удивила.

Он и сам, работая начальником учебной части в разных альпинистских лагерях на Кавказе, был не учителем-начетчиком, а в высшей мере изобретательным педагогом. Он работал в Шхельде, в Терсколе и «Эльбрусе», и переход Леши из лагеря в лагерь характеризовался потоком желающих попасть на сборы именно к нему. Разумеется, к одесситам у Леши было особое отношение. Инструкторами он тоже чаще всего приглашал выучеников Одесского клуба и меня в том числе.

Склонность Леша к техническим восхождениям, на мой взгляд, предопределила суть его педагогической школы. В этом определении нет преувеличения, в подготовке альпинистов Алексей Михайлович действительно создал свою школу, как, к примеру, в системе общего образования создал ее В. Сухомлинский.

Как и в заштатном Павлыше с неказистой сельской школой, так и в Шхельде или Эльбрусе с обычными лагерями, обычным финансированием и обычным штатным расписанием, он создавал главное. Оно называется – атмосфера творчества. Говорят, в Шхельде до сих пор стоит тренажер – внимание! – для страховки сорвавшегося альпиниста. В переводе на понятный язык. Впереди вас по горе идет ваш товарищ. Он срывается и летит вниз.

Как вы должны поступить? Что вы должны сделать, чтобы спасти его и не сорваться самому? До Ставницера обучали так. Бросали бревно или мешок, который нужно было изловчиться и поймать. Леша смоделировал это на скале, создал механизм, который сбрасывал манекен, равный по весу человеку. И идущий вниз альпинист должен был до автоматизма отработать движения по спасению падающего тела. Как держать руки, как ставить ногу, как смягчить силу удара и так далее. Из нелюбимого занятия по ловле мешка или бревна, занятия по страховке стали увлекательной игрой. И понятно почему – все понимали, что рано или поздно все срываются

вниз и рано или поздно все ловят тех, кто срывается.

Думаю, Леша многому научился в команде Лео Кенсицкого, который был несомненно не только талантливым восходителем, но и классным тренером. Учебно-тренировочный процесс в лагере всегда был насыщен и нескучен, потому что шел в максимально приближенных к реальности условиях. Слава о нетрадиционном начуче Ставницере быстро пошла по Союзу, он стал заметной фигурой, к нему валом повалил народ. Это, разумеется, приятно, но...

Леша с семьей жил что в Шхельде, что в Эльбрусе или Терсколе далеко не в дворце. Понятия о гостеприимстве исключали встречи с более-менее знакомыми людьми в казенном кабинете или в лагерной столовке. Поэтому жена Алла, тоже, к слову сказать, альпинистка, пошучивала, что она работает у Леша заместителем по гостеприимству. В альпинистской среде немало людей интересных, знаменитых, и поэтому дом Ставницеров был чем-то вроде клуба интересных встреч. Хозяевам гости были не в тягость, жизнь в глухих горах для семьи была более насыщена и интересна, чем где-нибудь в асфальтовом пространстве городов. Как-то потом, уже после возвращения в Одессу, Алла вздохнет – наплыв гостей был всем хорош, кроме одного: маленький Егор рос в «гостевом водовороте», а ребенком нужно было заниматься больше. Хотя лично у меня сложилось впечатление, что Егор был личностью вполне самостоятельной, если гости его не привлекали, он уединялся с книжкой. К тому же и традици-

онный быт семьи Ставницеров был, что называется, нараспашку. В их квартире на Троицкой, пока у нас не было клубного помещения, были постоянно встречи, собрания, обсуждения. Я помню свое первое впечатление от посещения этого дома – никакого занудства и чопорности, в большой комнате почему-то лежало бревно. Возможно, эта была деталь «архаузного» интерьера, но на нем очень славно было сидеть, оно располагало к непринужденности.

Полагаю, что популярность Ставницера-тренера была причиной того, что он оказался в Терсколе. Это туристская база у самого подножия Эльбруса, и принадлежала она Министерству обороны СССР. Само собой разумеется, что, где звезда на воротах, там и КПП с дежурным, особый режим и так далее. Конечно, друзья в гости к Леше ездили, но чем он там занимается...

– Да чем везде занимаются инструктора – учу ходить по горам, – говорил Леша. – Только вместо гражданского народа – народ военный, дисциплинированный в лагерь приезжает учиться альпинизму и туризму настоящим образом.

Я в этом убедился сам. Министерство обороны решило в 1983 году совершить восхождение на Эльбрус команды числом сто человек. Оно посвящалось 40-летию снятия фашистских штандартов с вершин и намечалось на 23 февраля – День Советской Армии. Как я теперь понимаю, пропагандистская кампания должна была переплюнуть давнюю

геббельсовскую по поводу водружения штандартов на самой высокой горе Кавказа. Вопросы, почему фашистские флаги оказались на Эльбрусе, у меня тогда не возникало.

Леша пригласил меня на эту альпиниаду начспасом. В команду спасателей сразу включили Олега Ерохина, Пашу Зайда, Валерия Розенберга. Ее можно было по необходимости расширять, но изначально предстояло продумать и упредить все нежелательные происшествия. Леша предупредил нас, что команда будет сборной, в общем-то, физически подготовленной, но не альпинистской в нашем понимании. То есть без опыта восхождений.

В Терсколе Лешу взяли начальником учебной части, база эта жила, скажем так, особой жизнью. В ней и отдыхали, кому хотелось отдыхать, и проходили горную подготовку, кому по роду службы нужна была такая подготовка. Со свойственной ему инициативностью и знанием дела Леша создал в Терсколе учебно-методический центр подготовки офицеров. Замечу, что в Союзе только в одном военном училище, в городе Орджоникидзе, готовили «горных офицеров».

У Эльбруса, как известно, две вершины. Сначала проходим одну, потом по седловине между ними – на другую. Когда мы оказались между вершинами и шли цепочкой, обзвонился сердитый генерал: он всех нас посчитал в свою трубу, проверяя доклады командиров отделений, что никто не отстал, и... обнаружил двоих лишних.

– Командиры групп докладывают, что у них численность

строго соответствует спискам, – гремел он по рации Алексею. – Следовательно, лишние только штатские. Разобраться и доложить.

Разобраться было несложно. «Зайцами» среди восходителей оказались спасатель, мастер спорта Паша Зайда, который посчитал, что, коль его обязанности по базе выполнены, то он тоже может сбегать на гору, и Таня Борисевич, студентка нашего технологического института (в этом вузе альпинизм среди девушек был почему-то популярнее всех вместе взятых женских видов спорта). У Тани были теплые дружеские отношения с Олегом Ерохиным, так что никакого секрета, как она оказалась среди военных, не было. Сознаюсь и покаюсь, о «зайцах» я знал, присутствие ребят среди восходителей не считал великим грехом и нарушением дисциплины, тем более, что у обоих была приличная квалификация. Увы, генерал думал иначе... Он там, внизу, метал громы и молнии и «строил» Лешу, как старшина новобранца. Мы со своей гражданской логикой – дескать, чего уж теперь, виноваты, справимся, большую часть пути прошли и т. д. – генерала только раззадорили. Он приказал немедленно отправить лишних штатских вниз. И пришлось подчиниться...

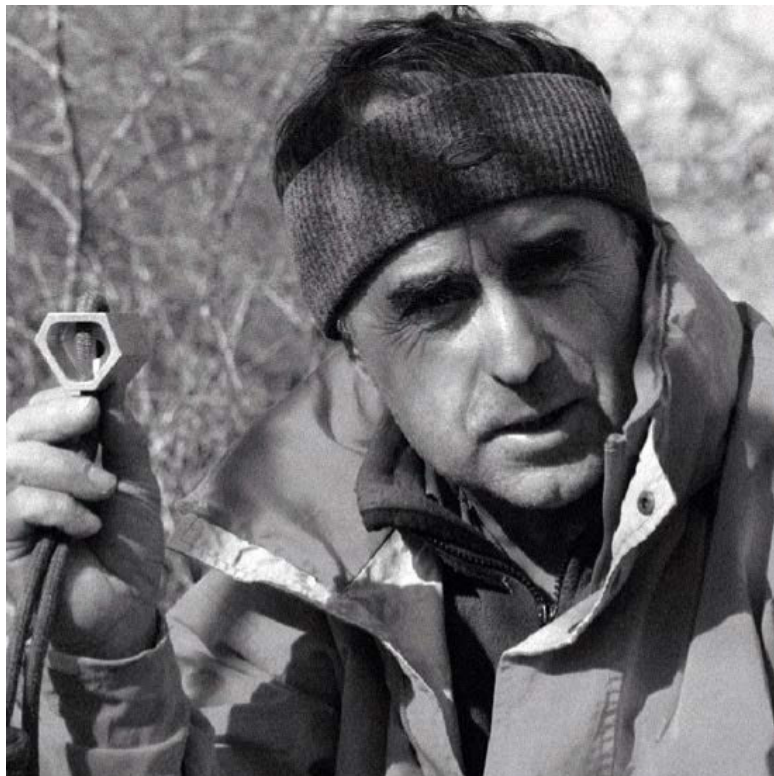
Пожалуй, я один из немногих могу оценивать не теоретически, а по существу, что значило для Лешки и его семьи более чем десятилетнее пребывание на Кавказе и что это значило для развития альпинизма в стране. В давние времена мы с женой, тоже альпинисткой, счастливые молодожены,

прожили год на Кавказе, работая инструкторами. Внешняя сторона такой жизни – горные красоты, любимое занятие, словом – романтика. Реальность – глухомань и бездорожье, оторванность от привычных условий жизни, оторванность от друзей и близких, примитивный быт, достаточно суровый климат. Я понимал, почему Леша каждое свое временное пристанище обустроивает, как будто жить там до окончания дней. Человек мастеровой, рукастый, он старался создать для семьи тот минимум бытовых условий, на который она имеет право. Даже так: которого он не имеет права ее лишать. Он понимал, чего лишается Алла, молодая и красивая женщина, меняя Одессу на туманные или заснеженные ущелья. И смею сказать, он был хорошим и заботливым мужем. И он был к тому же поглощен идеей реформирования советского альпинизма в аналог западного – не так зарегулированного, но так оснащенного и вооруженного. Разумеется, теперь понятно, что для того, чтобы иметь западную модель альпинизма, нужно быть западным обществом. Но тогда ведь мы полагали, что можно худшее выбросить, лучшее – оставить. Теперь, имея немалый опыт восхождений вместе с зарубежными мастерами, зная роль и место альпинизма в разных странах, я убедился, что стратегическое направление, избранное Лешей, было правильным. Оставался сущий пустяк: чтобы его поняло государство. Не страна, не общество, а государство. К сожалению, не понимает.

Я помню Лешино возвращение с Кавказа. Оно было в никуда. Десять лет, отданных подготовке классных альпинистов, государство оценило так, как всегда оценивало патриотизм и самоотверженность, – никто ничего никому не должен. Новая методика, новая система подготовки альпинистов, созданная Алексеем, оказалась выброшенным на берег китом. Не столкнуть в море – погибнет.

Семья Алексея разбогатела на Кавказе на одного сына – и не более. Нужно было приспособливаться к новой, кардинально изменившейся за время гор, жизни. Альпинизм стал перевернутой страницей биографии.

Михаил Ситник

Мастер спорта международного класса

В 1979 году Леше присвоили звание мастера спорта СССР по альпинизму. Лето он провел в экспедиции ЦС ДСО «Авангард» на Юго-Западном Памире, совершив там сложные восхождения.

А осень – традиционное время для прохождения стен в Крыму. Уже стоял ноябрь, но по-летнему жаркий. Мы добрались к Ялте около полудня, около часу были под Ай-Петри. Решили идти на стену двумя двойками по параллельным маршрутам. Я шел с Лешей, а Сережа Сипкин – с Толей Генушем.

Поскольку намерение было обернуться быстро, то пошли налегке, только со снаряжением, без теплых вещей, в одних футболках.

В нашей связке лидировал Леша. Он легко прошел все сто пятьдесят метров отвесной стены, после которой мы вошли в лесистую, некрутую чашу, ведущую к предвершинной стенке. Здесь мы встретились со второй связкой и дальше полезли одной командой. Но и простенькие сложности, вроде внезапно возникавших стенок в пять-десять метров, тоже требовали времени. Таким образом, вершина оказалась гораздо дальше, чем предполагалась. И как ни скоро мы продвигались, но тьма таки нас догнала с присущей ноябрьской ночи заморозками. Лезть в темноте опасно, пришлось подумать о непредвиденной ночевке на стене.

Склон, на котором мы решили ночевать, был градусов 45. Мы прикинули, к чему будем вязаться веревками, чтобы не

скатиться вниз по склону, и пока окончательно не утонули в темноте, собрали сушняк (слава Богу, в чаше дерева росли). И тут вдруг оказалось, что развести костер нечем. Спички буквально перед местом ночевки на крутой стенке выпали у меня из кармана. Я даже не стал за ними возвращаться, спичек там было всего несколько.

Мое признание ребята встретили молчанием, более красноречивым, чем холод ноябрьской ночи. Потом Леша уточнил – точно ли я помню, где именно потерял коробок. Я помнил. Присвечивая глазами и злостью, мы с Лешей полезли назад. Опускаю подробности, как мы на ощупь искали коробок. В конце концов, он нашелся. Ощупью добрались до места ночевки, развели костерок и, поворачиваясь к нему то одним боком, то другим, полулежа-полувися на крутом склоне, стуча от холода зубами, ждали рассвета.

Самым предусмотрительным из нас оказался самый молодой и неопытный Толя Гениуш. Он разумно решил, что свитер много не весит, и запихнул его в рюкзак. На всякий случай. Свитер кавказский, из теплой шерсти. Толя натянул его, улегся и благостно похрапывал. Правда, почему-то все мостился к огню головой ближе – мерзла. Мы же, коротая время, говорили обо всем на свете и действительно не заметили, как стрелки переползли за полночь и приблизились к рассветному часу.

Утром мы снялись и решили, не поднимаясь на вершину, спускаться со стены. Все быстро собрались. Но Толя мед-

лил, чертыхался, как-то неловко у него каска на голове сидела, мешала, и он никак не мог ее поправить. Он дергал каску, нервничал, но снять не мог. Леша начал тихо хихикать, потом разобрались, в чем причина «косоголовости», и мы. Оказалось, пододвигаясь головой все ближе к костру, Толя нарушил безопасную черту, каска... расплавилась, и волосы намертво влипли в пластмассу. Хохот стоял на все горы. Но наш товарищ смеха не понимал и не принимал, с ним началась форменная истерика. И тогда Леша, не вступая с Гениушем в переговоры, тихо зашел сзади и тюкнул по каске молотком. Каска лопнула и распалась. Переждав боль и испуг от неожиданного удара, начал смеяться и Толя. Злость на самих себя за ошибки и холодную ночевку перешла.

Мы благополучно спустились под стену и на время расстались, из членов одной команды превратившись в соперников – конкурентов. Начинался Чемпионат Украины «Малые горы». Леша выступал в немзакоманду ЦСДСО «Авангард», а я – за альпклуб «Одесса».

Перестройка, о которой теперь осталась смутная память, в горы поднималась медленно. О ней в «Эльбрус» привозили новости, отфильтрованные восприятием среднестатистического интеллекта. Как он мог не иметь примеси совка, если даже самородное золото имеет группу сопутствующих металлов?

Алексей с семьей прожил в горах около десяти лет, к пе-

ременам относился положительно. Избыточность патриотизма среди местного населения он тоже воспринимал спокойно, потому что, как и каждый нормальный человек, исключал короткое замыкание в нормальном сознании на национальной почве. Свой – это порядочный, честный, профессиональный. Чужой – дурак, неумеха, подлый. Что, казалось бы, проще для понимания? Но извечное для пояснения собственной несостоятельности «понаехали тут...» проклюнулось и среди кавказцев. И вот вчера начальник учебной части лучшего в стране альпинистского лагеря Алексей Ставницер был гуру, перед ним в знак уважения снимали папахи, а сегодня – чужой, пришелец. И вполне может помешать «перестройке», как ее понимали аборигены. А понимали просто: альпинистский лагерь нужно взять под свой контроль, а еще лучше – в собственность, и деньги тогда потекут, мимо кассы, разумеется, бурной рекой.

Как-то не думалось «орлам», что популярность «Эльбруса» строилась многие годы, что в ее основе не столько окрестные красоты, постройки и налаженный быт, а система подготовки альпинистов, хорошо организованный учебно-тренировочный процесс. Последующее развитие событий, к слову сказать, все это и показало.

Ставницера решили «схарчить». Завели по партийной линии персональное дело. Для него нужны были не факты, а желание. И Алексея скоро исключили из партии. Райком и обком решение партийной организации утвердили и даже

гордились этим – идет процесс очищения. Алексей обжаловал несправедливое решение в Комитете партийного контроля ЦК КПСС – высшей инстанции, имевшей репутацию партийного ЧК.

КПК заявление к рассмотрению принял, но ждать предстояло долго – дела там быстро не делались. Альплагерь, которому Алексей отдал более десяти лет жизни, сделал альпинистской Меккой, был отныне чужбиной. Так, со спуска с гор начиналась его дорога к восхождению на самую, может быть, большую высоту. Он возвращался в Одессу, не нажив ни богатства, ни громкой славы. Работы и той не было...

Отъезд Леши на Кавказ в 79-м меня огорчил, хотя мы и особо дружны не были, и принадлежали к разным поколениям. Но – к одной школе, к одному видению путей развития альпинизма. Не то чтобы мы отрицали доминирующее в Одесском альпклубе направление на высотные восхождения. Нам оно казалось менее интересным, чем восхождения по крутым, скальным, непроходимым без специальной скалолазной подготовки маршрутам.

Тогда скалолазание, хотя и стало отдельным видом спорта, но еще было неразрывно связано с горовосхождениями. Я давно и достаточно серьезно увлекся скалолазанием: много тренировался, участвовал в соревнованиях высокого ранга. Леша же был одним из организаторов скалолазного движения в Украине: тренером команды Одесского облсовета

ДСО «Авангард», судьёю на различных украинских и всесоюзных соревнованиях, подготовщиком трасс соревнований, организатором чемпионатов Одессы и пр.

И когда я в 1976 году вернулся в Одессу с Дальнего Востока, где в порту Находка отработывал положенные после окончания института три года, Леша мне предложил войти в команду, им возглавляемую. Предложение было лестным – команда, сильнейшая в Одессе и не последняя в Украине! Я с радостью согласился.

В это время стараниями руководства нашей секции альпинизма, в том числе и Лешиными, был создан альпинистский клуб со своим помещением на улице Подбельского в центре Одессы. По Лешиной протекции я стал первым штатным работником этого клуба. Для этого мне пришлось бросить аспирантуру и карьеру инженера, но я не жалею об этом: благодаря Леше моя судьба изменилась на 180 градусов и я профессионально занялся альпинизмом. Он же постоянно опекал меня, помогая как в клубной работе, так и в спорте.

Сам Леша в то время был молодым аспирантом и научным работником, проживая с семьёй в комнате на втором этаже дома на Троицкой. В этой же комнате жили его мать и старшая сестра Рада с сыном: всего шесть человек! Комната, правда, была достаточно большой, и Леше удалось с помощью мебели разделить её на отдельные жилые зоны. И несмотря на эту тесноту, Леша и Алла всегда были рады го-

стям, которые постоянно эксплуатировали это гостеприимство, не только надолго приходя в гости, но и оставаясь переночевать.

Основным средством перемещения Леша по городу был спортивный велосипед, и одежда соответственно спортивная. На нем он ездил не только по своим городским делам, но и на работу. Его научный руководитель первое время был не доволен этим: в то время господствовал стереотип научного сотрудника: галстук, костюм, шляпа! «Алексей Михайлович! Вы же младший научный сотрудник! Оденьтесь прилично и соответственно!» Но постепенно вынужден был смириться. И этот спортивный стиль в одежде Леша выдерживал, даже будучи уже главою крупного порта.

В том старом альпклубе мы выделили одну комнату на мастерскую. Не знаю уже где и как, но Леша достал верстак, какие-то примитивные станки и инструменты и поставил задачу, которая могла показаться чистым безумием, — обеспечить наших альпинистов необходимым инвентарем, в первую очередь, скальными крючьями. При всем понимании важности альпинизма для обороноспособности страны, советская власть полагала, что техническое оснащение его должно осуществляться планомерно из существующих фондов. К примеру, альпинистам нужны веревки. Вот пусть и получают их на фабриках, которые выпускают эту продукцию для нужд промышленности и сельского хозяйства. Простая мысль, что для восхождений нужны не такие веревки,

как для привязывания коров, была плановикам недоступна. Скальные крючья, которые в то время были основой страховки жизни альпинистов, изготавливали из обычной стали. Вес каждого изделия – 100–250 граммов. А крючьев, которые несет на себе первый в связке, нужно два-три десятка. Спальные мешки, куртки шили на вате, лучшие образцы – из тяжелого тика, набитого куриным пером. Где-нибудь в лесу или степи, возможно, в них было спать или работать и нормально. А если подниматься метр за метром по вертикальной стене, таща с собой в рюкзаке крючья, веревки, продукты, примус и так далее? Согласитесь, что одно дело коротать ночь в спальнике у костерка и совсем иное – вися на скале, в лучшем случае, примостившись на маленькой скальной полочке. Словом, развитие сложных по скалам восхождений напрямую зависело от того, сколько у тебя за спиной килограммов в рюкзаке. И Леша взялся решать эту проблему с присущей ему решительностью. Он вообще не знал слов «нет, нельзя, не положено, невозможно». Он был неистощим на инициативы, и если появлялась идея, немедленно появлялся и план ее воплощения.

Наиболее сложной проблемой были, конечно, крючья. Чтобы подниматься вверх по отвесной скале, нужно закрепляться с их помощью на каждом преодоленном метре. Первый в связке для этого забивает в скалу крюки, последний – выбивает. Большие ледовые крючья, на альпинистском сленге «морковки», забитые в скалу, оставляют навсегда. Они

в советском стандартном изготовлении весили граммов по 250 каждый. Теперь понятно, почему иметь крючья прочные и легкие – мечта? Наиболее подходящим металлом для изготовления крючьев был титан – легкий и высокопрочный сплав, применявшийся в военной технике, и потому особо охраняемый государством. Не только по нашим понятиям, но и по западным, крючья из титана стоили очень дорого. Надеяться, что когда-либо наш Госплан выделит стратегический металл на альпинистские забавы, было бы чистой маниловщиной. Тем не менее, в приспособленной мастерской в подвале альпклуба начали делать разрабатываемые Лешей опытные образцы современного снаряжения для восходителей, в том числе и крючья из титана, без Госплана, фондов и разрядок, без официальных инстанций и утвержденных технологических карт.

Теперь я могу открыть самую таинственную тайну – где мы брали титан. Тайна называлась свалкой. Она принадлежала какому-то совершенно секретному оборонному заводу в Никополе, не охранялась и была кладезем всяческих отходов, в том числе и титановых. Мы ехали в Никополь с пустыми рюкзаками, а возвращались с набитыми под завязку. Дело, между прочим, было не так безопасно, как теперь может казаться. По советскому криминальному кодексу, это называлось хищением материальных ценностей. Даже за доску, которая упала с проезжающего грузовика и была подня-

та сельским дядькой и приспособлена к делу, могли «пришить» срок. А тут – титан. Леша нашел специалистов, которые изготовили пресс-формы, нашел предприятие, где с помощью мощных прессов штамповались изделия народнохозяйственного назначения. Поскольку за все заказы мы платили наличными, у нас никогда не возникали производственные проблемы. Цех, подхалтуривавший на крючьях, мог задержать выполнение любого государственного заказа, но не нашего. Если для перевозки нашей продукции из цеха в цех или в иное место нужен был погрузчик, мы не писали заявки начальству. Наш человек становился с поднятым червонцем среди заводского двора, и извозчик появлялся немедленно...

Разумеется, одесские альпинисты скоро начали выделяться экипировкой. За титановыми крючьями стояли с протянутой рукой альпинисты всей страны. Они были меновым товаром, и за них можно было получить, что угодно, хоть в начальственных московских кабинетах, хоть на альпинистских базах.

Зарубежные альпинисты готовы были за нашу самоделку раздеваться донага – а они были упакованы в такие одежды и обувь для восхождений, которые нам и не снились. Но такие контакты были чрезвычайно редки, поэтому выкручивались, как умели и могли. Помнится, однажды Леша спрашивает, не хотел бы я иметь «пуховую ногу». Отвечаю со вздохом, кто же ее не хочет. «Пуховая нога» – мечта. Это такой полуспальник, который надевается на ноги по грудь, и при этом

весит до 400 граммов против двух килограммов выпускаемых для альпинистов спальных мешков – никакая холодная ночевка не страшна. А без плановой холодной ночевки ни одно мало-мальски сложное стенное восхождение не обходится.

– Значит так, – заводится Леша, – несешь из дому подушку, достаем нейлоновую ткань, машинка есть, скроить – пару пустяков...

«Нога» получилась по тем временам прекраснейшая, ей завидовали все, и все ее хотели иметь. Леша никого не озадачивал, что человек должен нести подушку, искать ткань и нитки. Он разыскал в дальнем районе какую-то птицефабрику и получил там пух, мы тем временем искали другое сырье, искали мастериц швейного дела, машинки и помещение. И худо-бедно тяжеленные ватные доспехи уступили место пуховикам.

До горбачевского закона о развитии кооперативного движения оставалось около десяти лет. Примерно столько же лет можно было получить за нашу «подпольную деятельность», поскольку экономическая инициатива была наказуема более строго, чем шпионаж. Для власти важен был не смысл такой деятельности, а сам факт ослушания. Хотя, разумеется, несложно было доказать, что какие-то деньги за работу мы получали, иначе организовать производство было невозможно. Но что абсолютно точно – за этим не стояло обогащение, деньги Леше разум не мутили никогда.

Потом, когда он станет крупным предпринимателем, создаст лучшую в стране стивидорную компанию, многие его давние знакомые и приятели будут удивляться, откуда у него взялись такой талант, сметка, смелость. Для меня это неожиданностью не было. Он таким был всегда, изобретательность и креативность всегда бурлили в нем, как магма в вулкане. Без этих качеств у нас никогда не было бы не только ТИСа, но и пресловутой примитивной «пуховой ноги», не говоря уже о титановых крючьях, удобных рюкзаках, надежных карабинах и так далее. Я не слишком хорошо знаю историю создания ТИСа, но, судя по всему, он тоже строил свою «землю терминалов», исходя из здравого смысла, целесообразности и интересов страны, а не руководствуясь сводами запретов, почему-то именуемых национальным законодательством. Но все это будет потом...

В клубе в то время сосуществовали два лидера, возглавлявшие два направления в альпинизме. Вадим Свириденко – мастер спорта, председатель нашей секции – предпочитал высотные восхождения. Алексею Ставницеру больше нравились технически сложные стены. Спорткомитетам, спортобществам и профсоюзам было все равно, на какие восхождения будут потрачены деньги: их больше интересовали места в чемпионатах и соревнованиях, участие в которых они финансировали. Но вопрос, куда на выделенные деньги выехать клубу, естественно, волновал лидеров: удовлетворить одно-

временно запрасы и высотников, и «технарей» в одном горном районе невозможно, а на два мероприятия денег не хватало. Из двух лидеров чаще «побеждал сильнейший», а им в то время и по званию, и по общественной должности в клубе, и по возрасту, авторитету был Свириденко.

Поэтому Леше приходилось удовлетворять свою любовь к стенным восхождениям в другой команде – сборной Центрального Совета ДСО «Авангард», тренером которой был Леопольд Вячеславович Кенсицкий. Лео, как называли его друзья, собрал в команду лучших альпинистов Украины того времени, в их числе пригласил Лешу и Толю Королева.

Леша и Толя в команде Кенсицкого сделали несколько сложных восхождений. Но тут дело даже не в том, какой сложности были маршруты, а с кем они их прошли. Кенсицкий – это школа. Мы у себя в клубе варились в своем соку, постигали все сами, а Лео был тренер от Бога. У него в команде все было продумано и расписано, смоделировано и отработано до мелочей. У Кенсицкого учились и набирали мастерства не на маршруте, а в процессе подготовки, поэтому на соревнованиях команда ходила быстро и красиво. Леша после этого, как мне казалось, даже внешне начал подражать Лео. И совершенно естественно, что полученный опыт в команде Кенсицкого переходил через Алексея к нам, мы им пользовались и обогащались.

Мой друг Петя Старицкий вспоминает:

– Разумеется, все свои знания Лео им передать не мог. И перед очередным чемпионатом СССР Леша по поручению клуба обратился к нему с просьбой преподать нам ледовый класс.

Вроде все и знают, как ходить по ледникам, как подниматься по обледенелым скалам, но оказалось, что знаем мы далеко не все. Кенсицкий расписал Леше на 8 страницах всю программу, и все это было по-настоящему толково и полезно. Мы заняли первое место в чемпионате, что серьезно раззадорило соперников. Наши-то украинские горы какие? А ходим лучше.

Вообще нужно сказать, что семидесятые годы для Алексея в альпинизме были очень удачными, теперь бы сказали – звездными.

Удачными – это правда. Но Леша все чаще ходил в горы не с одесситами, а в команде Лео. Собирался он на восхождение с Кенсицким и летом 77-го. Но его и еще нескольких одесситов пригласили поучаствовать в чемпионате Союза в составе команды московского «Спартака». Предполагалось первопрохождение на пик Лукницкого на Юго-Западном Памире. Первопрохождение – это значит подняться на вершину по нехоженому никем пути. Маршрут был сложнее не придумать. Там и места, и горы потрясающе интересны, отказаться невозможно, подобные предложения поступают раз в жизни. К тому же возглавлял спартаковскую команду легендарный

мастер спорта международного класса Владимир Кавуненко, корнями одессит. Состав команды призабылся, но точно помню, что в нее входил Володя Башкиров, очень классный альпинист. Если кому и выпало после смерти царствие небесное, то это ему. В прямом смысле слова. Башкиров навсегда остался в поднебесье Гималаев. После восхождения на восьмитысячник Лхоцзе, уже спускаясь вниз, он присел на снег отдохнуть и больше не поднялся. Что случилось с этим сильнейшим альпинистом, навсегда останется тайной. Погибших в восхождениях в тех местах спускать не принято, они навсегда остаются в горах.

Леше и нам вместе с ним предстояло организовать заброску в базовый лагерь на Памире. В переводе на общепонятный – занести высоко в горы все необходимое для жизни двадцати-тридцати альпинистов в течение месячных сборов. Все, кроме воды. Конечный пункт по железке – Ош. Далее начинался знаменитый бездорожьем и опасностями Памирский тракт. В царство памирцев – Горный Бадахшан. Пожалуй, памирцы были самым экзотическим этносом в СССР. По преданию, когда армия Александра Македонского шла через Памир покорять Индию, часть войска затерялась в горах. То ли заблудились, то ли отстали. Но вот с тех пор они и живут там, отличаясь от местного населения внешностью, но характером – как две капли воды кулябцы или таджики.

От Хорога, столицы Горно-Бадахшанской автономной области, по горному бездорожью мы добрались до селения Ро-

шт-Кала, отличающегося от иных горных селений только тем, что за ним уже – пустыня. Как и в каждом приличном селении, в Рошт-Кале была мечеть и чайхана, каждый дом соперничал с соседским по убранству, жизнь текла неторопливо. Мы стали лагерем невдалеке от селения, обустроились и отправились нанимать «транспортные средства» для заброски скарба в базовый лагерь. Транспортom в тех местах могут быть только ишаки.

Мы пришли в Рошт-Калу ближе к обеду, усвоив азиатское правило, что никакое дело не начинается с утра и тем более никакое не затевается с места в карьер. Следуя ему, мы пришли в чайхану, нас радушно встретили местные аксакалы, которые и решали все на свете дела. Мы пили чай, рассказывали памирцам, откуда приехали, зачем приехали, какие уважаемые люди входят в альпинистскую команду и пр. Аксакалы цокали языками, расспрашивали о жизни вдалеке от Памира, удивлялись нашей жизни и нашей непоседливости, иначе чего бы переться в горы? Так прошел час, другой, и Леша посчитал, что политес соблюден. Аксакалы просьбу подрядить ишаков для каравана восприняли доброжелательно. Сколько нужно ишаков, столько и будет – рады помочь гостям. Когда они должны быть в лагере? В пять утра? Будут в пять. Какая цена? Да договоримся, что за спешка. Расстаемся почти как родственники. Спешим в лагерь. Пакуем груз из расчета на выюк для каждого животного. Засыпаем за полночь. В пять – на ногах. Ждем час, два и неско-

ро понимаем, что каравана не будет. Ближе к обеду опять идем в село. Аксакалы встречают нас, как родных. Опять сидим, пьем чай, рассказываем о житье-бытье на материке, аксакалы цокают языками – удивляются. Потом все повторяется – про количество ишаков, про цену, про выезд в пять утра. Уж теперь-то, думаем, все традиции и каноны соблюдены. Поднимаемся на рассвете, пьем чай, ждем. Восходит солнце, и мы понимаем, что ишаков нет и не будет. Собираемся, идем в Рошт-Калу, но Леша меняет маршрут и тактику. Минуя чайхану с аксакалами, он заворачивает в первый попавший двор. Есть ишаки, хозяин? Ишаки есть. Завтра в пять утра будешь? Хозяин готов хоть в четыре. Сколько твой ишак возьмет груза? Хозяин закатывает глаза: это такой сильный ишак, такой выносливый, так много повезет, что за такого ишака нужно немножко больше денег. Нескоро и непросто, но караван сформирован. Утром трогаемся в путь. Вьюки распределены по заявленной хозяевами силе ишаков. Ближе к обеду одно из животных падает на все четыре копыта, подергалось и почило. Хозяин рвет на себе халат, причитает, что этот ишак был ему, как сын, что мы бессовестно нагрузили сверх ишачьих сил, что он теперь тоже умрет с горя, а всех остальных ишаков сейчас развьючивает и идет домой. Мы понимаем, что за ишака придется платить. Спрашиваем о цене. Она чуть меньше «Волги», но больше «Жигулей». Леша называет цену ближе к стоимости велосипеда. Начинается жестокий торг. Время идет в препиратель-

ствах и взаимных обвинениях, на дохлого ишака слетаются зеленые мухи, хозяин непоколебим. Леша закипает.

– Значит так. Мы груз снимаем, забирай своих ишаков и... – путь, по которому он рекомендует отправиться хозяину ишаков, долг и непрост. Хозяин смотрит безучастно и спокойно, как мы снимаем выюки. Случайно один из них, с алюминиевой посудой, рассыпается. У памирца алчно загораются глаза. Леша не знает, что алюминиевые миски, тарелки и кружки почему-то ценятся здесь дороже мейсенского фарфора. Но интерес владельца ишаков он замечает, а виду не подает. Скоро позиции меняются. Хозяин предлагает завезти груз за посуду, причем, погибшего и дорогого, как сын, ишака он готов забыть и списать на тяготы пути. Леша подбрасывает миски-тарелки, расхваливает их легкость и красоту, подчеркивает, что мыть алюминиевую посуду можно в ручье, потер песочком и сияет. У меня глаза лезут от изумления на лоб, я все еще не верю, что разорение нас миновало. В общем, ишак нам обошелся в пару мисок и тарелок. Урок на всю памирскую жизнь...

Хотя считается, что Кавказ – наша альпинистская родина, Памир для одесского клуба был не менее родным и интересным. В семидесятые мы там бывали чуть не каждый сезон, альпинистская карта страны украшалась новыми маршрутами и пионерными восхождениями. По традиции их называют именами первооткрывателей, и имя Алексея Ставницера

встречается в этой летописи довольно часто. Его можно найти в истории восхождений на пик Ашам, на пик Отцов, на пик Лукницкого, на гору с удивительно красивым именем – Мечта. К слову, пока Леша прокладывал самый сложный маршрут на Ашам, наша группа – Наташа Тихонькова, Саша Хлопцев, Саша Хорошев и я – прибавила к славе клуба восхождение на безымянный пятитысячник и назвала его пиком Багрицкого. Он стоит по соседству с пиком Бабеля, восхождение не уступало ему по высоте и сложности. Мы вернулись с него почти одновременно с восходителями на Ашам. Леша за нас искренне радовался. Он вообще умел радоваться чужим успехам.

У Леши было вполне обоснованное желание создать свою команду. И она начала формироваться, а это дело непростое. Все чаще они ходили одним составом: Николай Ческидов, Анатолий Королев, Мстислав Горбенко, Шура Рыбина, Петр Старицкий. Но когда оставалось «чуть-чуть», случалось то одно, то другое. При всей успешности семидесятых, они были богатыми на травмы. Альпинизм вообще спорт достаточно опасный, но на Памире нам еще и не везло с погодой. Я помню Лешино сожаление, когда главным образом ненастьем поломало все планы при восхождении на семитысячник Хан-Тенгри. При подъеме на Ашам поломал ногу Коля Ческидов. Нужно включить воображение, чтобы понять, что это значит – спустить человека с поломанной ногой с отвесных скал, потом донести его до временного лагеря, с которого обыч-

но поднимаются на гору, потом от временного – до базового. Это и физически тяжело, и опасно, так как альпинисты преимущественно ходят там, где ступало разве что копыто горного архара.

Мы снесли Ческидова в базовый лагерь, от него дальше лежал кружной путь вокруг горного озера. Сколько там набралось бы километров, не скажу. Думаю, в один день управились бы. Но Лешу осенило. Он взялся соорудить плот. Плавсредство получилось хлипкое, но Ческидова держало. Мы впряглись в него и потащили плот по берегу, завидуя репинским бурлакам, которые шли по речному песочку. Казалось, что вот этот бурлацкий путь и есть самое трудное. Но когда добрались до ущелья, откуда начинался 20-километровый путь с носилками по условной тропе до ближайшего селения, неудобства продвижения озерным берегом показали прогулкой.

Помню, как на обратном пути Леша по-хозяйски припрягал плот на берегу на всякий случай. Мне и в голову не шло, что случай этот не за горами и что он касается меня. Через несколько дней я попал под камнепад, сильно побился, и теперь уже с моим телом Леша тащил плот берегом, потом той же дорогой нес меня с ребятами до поселка, откуда уже машиною до больницы в Хороге.

Возможно, и есть альпинисты, спортивная биография которых вышита шелками, но я их не встречал. Никто не знает,

собираясь в горы, что его там ждет.

И никто не знает, что его ждет на горе, куда он так стремится. Наш клуб двадцать с лишним лет беда обходила стороной. За эти годы смерть не раз ходила вокруг каждого из нас, случилось и Леше смотреть ей в глаза. Но тут уж – кто кого пересмотрит. Каждый такой случай есть поводом задуматься, если не сказать – одуматься. И ни у кого нет права судить тех, кто посчитал, что долго испытывать судьбу не нужно. У Леши была слава и репутация альпиниста расчетливого, надежного и в то же время рискованного, иногда бесшабашно удалого. Как говорила как-то его ученица Шура Рыбина, если шанс перепрыгнуть трещину равен шансу полететь вниз, то Ставницер, конечно же, будет прыгать, а не искать путь безопасный. Но если риск превышает разумный предел, он не пойдет на него никогда. Помимо умения точно оценивать ситуацию и принимать верное решение, что приходит с опытом, у Леши была сильная интуиция, что, как известно, никаким опытом не достичь.

Сразу после экспедиции 1977 года в Горный Бадахшан неожиданно вскрылся давно созревший нарыв: конфликт интересов наших лидеров Вадима Свириденко и Алексея Ставницера. Формально этот конфликт вылился в разбор итогов экспедиции, в которой произошло два несчастных случая. В научной психологии утверждается, что существование в одном коллективе двух лидеров рано или поздно приводит к конфликту. Лешу обвинили в ряде организаци-

онных просчетов и вынесли негативное решение.

Леша принял решение уехать работать на Кавказ, как мне показалось, философически – нет худа без добра. К тому вынуждала и семейная проблема – маленького Егора мучила аллергия, врачи рекомендовали сменить городскую среду обитания на чистый воздух. А где его найти, как не в горах? Аспирантурой в сельхозинституте он не сильно дорожил. А его научный руководитель, полагаю, даже вздохнул с облегчением. В его научном сознании не помещалось, как будущий кандидат наук может ездить в солидное учреждение на велосипеде, не носить галстук и пр. Ну и, само собой, Леша полагал, что на Кавказе он сколько захочет, столько и полазит по стенам, потому что горы будут – вот они. А здесь на более-менее приличную стенку нужно из Одессы ехать или на Южный Буг, или в Крым.

Перед самым отъездом он зашел в альпклуб. Я там был единственным штатным работником – и администратор, и кладовщик, и секретарь с исполнительным директором в одном лице. За спиной у Леша болтался тощий абалаковский рюкзак. Он прошелся по коридорам, по комнатам, постоял в мастерской. Не было ни вздохов, ни сожалений. Его прощание с розовым, романтическим периодом альпинизма было без надрыва и патетики. У него не было обиды на прошлое в то время, никогда он не высказывал ее и позже. Обидчивость на сотоварищей, которые приплели к дискуссии о на-

правлениях развития клуба его мнимые и реальные ошибки в восхождениях, ему вообще была не свойственна. Не помню уж деталей, но под конец нашей беседы Леша обмолвился, что едет на Кавказ «с голыми руками», то есть без всякого альпинистского снаряжения. А без него и на Жеваховой горе делать нечего. И тогда я совершил первый и последний свой должностной проступок – открыл кладовку с клубными запасами крючьев, веревок и прочих вещей, сделал широкий жест рукой и ушел, чтобы не смущать его своим присутствием.

Я долго смотрел вслед его крепко скроенной, коренастой фигуре с оттягивающим плечо рюкзаком и думал, что и в клубе вообще, и в моей жизни наступает какой-то новый этап. Если говорить примитивно и просто – без Леша.

Он не то чтобы занимал какую-то должность в клубе, выработывал политику решений. Но его инициативность (теперь говорят креативность), его изобретательность и самостоятельность были нравственным камертоном нашего сообщества. Мне вспомнился давний, не имеющий большого значения ни для кого, кроме меня, случай.

Мой очередной день рождения совпал с клубным днем – средюю. Я старался подготовить его получше, закрутился в хлопотах и забыл об этой дате. Когда собрание завершилось, все разошлись, мы остались с Алексеем вдвоем. Он достал бутылку «Кальвадоса», почему-то очень модного в те време-

на, и о дате напомнил. «Отметим?» Я не сразу сообразил, что отметить Леша предлагает не что иное, как мой день рождения. Эта его «незабывчивость», внимание к житейским ситуациям и событиям были не просто чертой характера, а характером. Жизнь в перестроечные восьмидесятые менялась стремительно, так что Леша вернулся совсем не в ту Одессу, которую оставил.

Мы все тогда искали свое место в жизни, в переводе на обыденный – искали, как выжить.

Ни инженерские дипломы, ни научные степени и звания, ни тем более спортивные заслуги ничего больше не значили. Из нашего альпинистского сообщества первым, пожалуй, сориентировался во времени и пространстве Виталий Томчик. Он едва ли не первым из профессиональных альпинистов потерял работу. В свое время он, подобно многим, ушел с научной работы инструктором в ДСО «Буревестник». В начале сезона уехал на Памир в международный альпинистский лагерь учить ребят, а когда вернулся, увидел на двери «Буревестника» объявление – общество закрыто. Ему выдали трудовую книжку и развели руками – стране спортивные организации не нужны. Новой стране нужны были «здоровые и глупые парни», а не романтические покорители горных вершин. Тем не менее, Виталий сообразил, что альпинистским навыкам можно найти применение и в суеде городов. Река кооперативного движения, размывавшая привыч-

ные устои советской жизни, бурлила, в нее бросался, кто хотел. Риск утонуть был минимальным – закон действительно благоприятствовал энтузиастам. Томчик создал кооператив «Промальп» – оказывать высотные услуги в строительстве и промышленности. На удивление заказов оказалось много. На ремонте крыш и фасадов, мытье окон и прочих хозработках, конечно, звание «Снежного барса» не получить, но на хлеб с маслом хватало вполне.

К слову сказать, Алексей, еще работая на Кавказе, оценил сноровку и деловитость Виталия Томчика и пригласил его на очередные сборы школы инструкторов прочитать лекцию не по профилю семинара, а о создании кооперативов, принципах их деятельности и подстерегающих кооператоров неожиданностях.

После возвращения Леша, что называется, «в жизнь», мы встретились в новом альпклубе. Нашей козырной картой был спортзал с тренажером для скалолазания. Тренажер был прост – в стену вмуровали булыжники, вот за них и цеплялись, передвигаясь от угла до угла. Сейчас об этом вспоминать смешно, а тогда – прорыв в тренировочном процессе. Леша рассматривал стенку с повышенным вниманием. Повисел на ней сам. Потом говорит: «А давайте-ка мы проведем в клубе Всесоюзный семинар...» Мы заулыбались – страна в тартарары летит, кому он нужен. Но Леше замысел семинара почему-то казался важным и нужным, он взялся за его организацию сам, мобилизовал все свои связи, и начало

получаться. Думаю, здесь сработала его тонкая и острая интуиция, он смутно ощущал, что из семинара может произрасти нечто полезное и выгодное.

Работы у Леши тогда не было. Виталий Томчик пригласил в свой кооператив «Промальп», на что Леша ответил вопросом: «Что нужно будет делать?»

– Ачто придумаешь, то иделай, – ответил беспечный Томчик. – Если нужен будет первоначальный капитал, кооператив подписывается...

Леша засел изучать нормативные документы, структуру предприятия, дотошно вникал в организацию рабочего процесса. У него вообще была черта – не просто поинтересоваться новым делом, а изучить его досконально. Показавшаяся нам неуместной идея семинара неким образом сочталась в Лешином представлении с направлением деятельности кооператива. Идею проведения семинара поддержал Владимир Шатаев, заслуженный тренер СССР, имевший вес и влияние в Спорткомитете страны. Не скажу, что нам удалось провести громкое и массовое мероприятие, но что деловое и полезное – точно. Вот при обсуждении проблем технической подготовки альпинистов Шатаев и показал нам некую странную штучку. Как он сам, несколько смущаясь, сознался, что он ее поцупил в заграничной командировке на предприятии, изготавливавшем тренажеры для скалолазов.

– Вот это – зацеп. Вы в стенку булыжников натыкали, а за границей делают вот такие зацепы, мастерят стенки по пять-

десять метров высотой с покрытием под скалу и тренируются. Стенка может стоять хоть во дворе, хоть в парке. И никуда ездить не надо...

Мы с удивлением передавали зацеп из рук в руки. Дошла очередь и до Леши. Он покрутил заморскую штуковину, потом попросил у меня молоток. Просьба была странноватой, но никто на нее внимания не обратил, пока Леша одним ударом не расколотил зацеп. Шатаев решился дара речи – он этот зацеп по всей стране возил, показывая, как далеко шагнула альпинистская мысль.

– Вы не переживайте, – успокоил его Алексей. – Не разбив, мы не узнаем, из чего эти зацепы делают. А узнав, сделаем сами. Я вам через неделю таких зацепов ящик подарю...

В неделю мы не управились. Точно определить химический состав зацепа наши лаборанты не сумели. Но основные компоненты назвали. Главной составляющей там были эпоксидные смолы. Что там еще могло или должно было быть, мы додумали сами. Параллельно конструировали альпинистскую стенку, для чего организовали мозговой штурм, в котором участвовали лучшие скалолазы и тренеры. Придумали, как изготовить на основе стеклопластика основу искусственных скал – модули размером метр на метр. На этих модулях должны были крепиться зацепы. Несущие конструкции – трубы. Для их сборки нужны были особые крепления, которые тогда не выпускала наша промышленность – замки.

Лешу это нисколько не смутило – он куда-то звонил, с кем-то договаривался, скоро в комнате сидели конструкторы, инженеры, токари и слесари, которым Леша на пальцах показывал, какие нужно придумать замки. У меня до сих пор сохранились папки технической документации на эти соединения. Он неведь каким образом узнал, что под Котовском есть завод по ремонту тепловозов с приличной литейкой, уговорил их принять наш заказ.

Леша вообще демонстрировал удивительную системность – в «Промальпе» толклись химики, механики и конструкторы, технологи. Вряд ли когда на наших производствах технологические карты создавались такими темпами. Нужные смолы в наибольшей близости оказались в Грозном, тогда еще не охваченном войной. Нужные трубы – где-то в Донбассе. Зацепы самых разных конфигураций лепил по заказу Леша его брат Виктор – профессиональный скульптор. Оказалось, что Леша любит масштабность действия – он придумал установить первый искусственный скалодром на Куликовом поле, в центре города, чтобы за карабкающимися по отвесной стенке альпинистами могла наблюдать вся Одесса.

Ровно через месяц после того, как Леша расколотил «сувенирный» зацеп Владимира Шатаева, на Куликовом поле состоялась демонстрация первого искусственного скалодрома. На диковинку ехали посмотреть, желающие могли попробовать себя в скалолазании. Праздник едва не испортил

внезапный ветер – стенка сильно парусила, но Леша невесть откуда добыл кран и бетонные блоки, сооружение закрепили. Потом скалодром переключался во дворы Маразлиевской, где служил по назначению, а спустя некоторое время кооператив продал его по себестоимости одному из заводов.

Само собой разумеется, что производство скалодромов было коммерческим проектом. Не без содействия московских чиновников искусственные стенки пошли по стране. Первую мы установили в Казани, самую далекую – на Алтае, в Бийске. Всего же мы их произвели и смонтировали более трех десятков, причем, каждая последующая была лучше, интереснее. Во многом потому, что Алексей засел в научной библиотеке и изучил весь массив специальной литературы по теме – раз; потому что изучил всю информацию в патентном бюро и выудил там массу интересных решений – два; потому что серьезно работал с открытыми источниками и перенимал лучшие идеи – три. Наши последние тренажеры мало чем напоминали тот, что демонстрировался на Куликовом поле. От идеи применить по бедности для создания модуля фанеру мы пришли к созданию пластиковых скальных рельефов с углублениями и выступами, нависаниями и так далее. Смею предположить, что наши скалодромы в то время ничем не уступали западным аналогам. И нужно отдать должное Виталию Томчику – он не жалел средств кооператива на зарубежные поездки в признанные альпинистские

школы, на международные соревнования, которые, к слову сказать, все чаще проходят в Европе на искусственных стенах, и где мы многому учились.

Кооператив Томчика стал для Леша хорошей «школой капитализма». А он в ней – успешным учеником. Он прозорливо усмотрел, что власть скоро начнет кооперативное движение душить. И задолго до того, как вопреки законам и обещаниям пошла кампания против кооперативов, мы уже создали ряд малых предприятий, потом трансформировали их в СП, всякий раз опережая власть, которая никак не может понять, что гораздо выгоднее создавать для бизнеса условия, чем драть с него семь шкур. Мы не все умели, не все у нас получалось, но Леша первым сообразил, что малый бизнес должен быть многопрофильным. Наши предприятия принимали и сопровождали горных туристов, искали с немецкими орнитологами в горах Тянь-Шаня птичку серпоклюв, с ботаниками – редкий вид примулы, не забывали и промышленный альпинизм.

В начале «лихих девяностых» мы частенько ездили в Москву, которая инерционно все еще воспринималась, как всемогущий и всеопределяющий центр.

Мы в своем предпринимательстве пытались не отрываться от альпинизма. Все спортивное снаряжение выпускалось под контролем Спорткомитета и отраслевого профсоюза. У Москвы в руках были нити управления, у нас – готовность

работать. Мы были полезны друг другу...

Честно говоря, я не совсем понимал, зачем Леша брал меня с собой. Но только благодаря этим поездкам я понял, что значит заниматься предпринимательством всерьез. Он работал дни и ночи напролет. Если не вел переговоры, то висел на телефоне, ночью читал и писал проекты, круг контактов и знакомств был фантастически обширен. Москвичей не просто удивить, но даже их Лешина напористость заставляла открывать рты. Так было, к примеру, с выпуском портативных газовых баллонов для альпинистских газовых горелок. Уже весь мир ходил в горы с газовыми горелками, а мы все еще таскали тяжеленные бензиновые примусы. В конце концов, Спорткомитет решил вооружить современными плитками и нас. Но баллоны оказались весом в пять килограммов каждый. В отличие от зарубежных, вес которых был около 200 граммов. Почему? Потому что по нашим ГОСТам баллоны рассматривались как «сосуды, работающие под давлением» и по требованиям Котлонадзора должны иметь толстые стенки.

– Значит, нужно менять ГОСТ, – сказал Алексей московским партнерам. – Какой дурак будет тащить пятикилограммовую плитку в горы. И тем более, какой дурак за нее будет платить деньги.

Москвичи верили в ГОСТ, как в «Отче наш». Но Леша начал звонить, доказывать, писать письма, заказывать экспертизы, и, в конце концов, ГОСТ был изменен. И не за сто

лет, как предрекали пессимисты.

Часто, если не все чаще, бизнес-проекты уходили все дальше от альпинизма. Мы оба сожалели об этом, но такая была жизнь. В те же годы среди его партнеров появился вальяжный греческий бизнесмен, который и Алексею, и Виталию Томчику преподавал мастер-класс ведения бизнеса. Он покупал в Украине металл дешево, продавал его на западных рынках дороже, на вырученные деньги покупал продукты и вез их в Одессу. Цены были доступными. На его родной Троицкой появился магазин «Эммануэль», по имени греческого предпринимателя. Прилавки его были завалены продуктами, которые ранее нужно было «доставать». Леша чертыхался: получив партию австрийских конфет, продавщицы тут же взялись их прятать под прилавок. В образовавшейся очереди кричали, чтобы продавали не более пяти коробок в одни руки. Уверениям, что берите, сколько хотите, всем хватит, – не верили.

Скоро Леша создал свое предприятие и назвал его «Эверест». Мстислав Горбенко, первый из одесситов, взошедший на Эверест, шутил, что Леша должен помогать альпклубу за использование альпинистской символики. Мало кто знал, что с того самого времени, как он начал зарабатывать более-менее приличные деньги, он помогал чем мог собратям по альпинизму. Из прибылей «Эвереста» он еще долго поддерживал наши общие с ним предприятия по альпинистским программам, так как доходность их становилась все меньше

и меньше. Моя «гражданская» специальность, забытая мною ради альпинизма, – морские порты. Бывая часто у Леша в «Эвересте», я заметил однажды у него на столе кипу технической документации. И что-то знакомое увиделось мне на этих чертежах.

– Хочу заняться новым портом, – сказал Алексей. – Пони-
маешь, в перестроечные годы рядом с портом Южный пла-
нировали начать строительство новых специализированных
причалов, даже оборудование частично завезли. А потом,
как и везде в то время, оставили эту идею нереализованной.
А оборудование ржавеет...

– Леша, а ты знаком с работой портов? Там специфика
своя, и кастовость в управлении портами – пробить что-либо
чужаку невозможно!

– Не знаком, но я специалистов найду, – ответил Алек-
сей. – Правда, есть одна проблема. Причал планировался для
импорта насыпных грузов, а теперь ситуация изменилась, и
требуется перепрофилировать оборудование на экспорт гру-
зов!

Зная конструктивные особенности причальных перегру-
жателей этого типа, я сказал, что это невозможно!

– Если мне не веришь, проконсультируйся в Черномор-

нии проекте, – организации, специализирующейся на проектировании портов и портового оборудования, сказал я.

– Консультировался, тоже сказали – невозможно.

Прошло время, и я узнал, что Леша добился своего, изменил таки конструкцию машин, и они успешно работают! Затем вошел в строй первый из планировавшихся к пуску причалов. И был создан ТИС – стивидорная компания с собственным портовым терминалом.

Как-то при встрече я предложил Алексею Михайловичу в Крым съездить, какое-никакое восхождение совершить.

– Ты понимаешь, в моей работе сейчас адреналина больше, чем на опасном восхождении. Да и некогда. Не могу!

И вдруг, несколько лет назад Леша позвонил мне и предложил вместе поехать в Крым. Позже я узнал, что он решил организовать встречу ветеранов команды Кенсицкого, своих друзей по альпинизму из далеких уже семидесятых годов, и оплатил все расходы по этой встрече. Из одесситов Леша пригласил с собою старых своих друзей: Николая Ческидова и Анатолия Королева. Встреча была трогательной и теплой. Все постарели и выглядели не такими бойцами, как тридцать лет назад, но держались бодро, на жизнь не жаловались. Конечно, помянули ушедшего в мир иной Лео, вспомнили былое...

Неожиданно утром Леша согласился пройти на Куш-Каю – стене его молодости – маршрут. Сколько же лет прошло с

его последнего прохождения этой стены! Сколько волнений здесь пережито, мгновений счастья и разочарований! Как молоды мы были тогда: вся жизнь впереди, и какую счастливой она нам виделась в перспективе!

Третьим с нами пошел Андрей, младший сын Леша.

Подход к началу маршрута. Вот поляна у подножья скалы – здесь мы тридцать с лишним лет назад разбивали свои палаточные городки. А вот камень-великан, на котором Леша восседал, будучи главным судьей наших соревнований и проводя судейские совещания! Но пора связываться веревкою и начинать маршрут!

– Я пойду первым! – вдруг сказал, как отрубил, Леша.

– Тебе нельзя рисковать, – попытался протестовать я, – опасно, а ты руководитель огромного производства!

Для непосвященных отмечу, что первый в связке, прокладывая путь остальным, рискует сорваться и упасть на большую глубину – до предыдущей установленной им точки страховки, а затем на столько же ниже. Если точка страховки выдержит динамический удар – падение прекратится, если нет – продолжится до следующей точки. И закончиться такое падение может непредсказуемо...

– Я пойду первым! – уверенно повторил Леша. Я редко хожу вторым, с волнением я начал страховать Лешу: прошли десятилетия, и естественно, что спортивную форму без тренировок сохранить нельзя, а тренироваться Леше было некогда. Вначале неуверенно, затем все смелее и раскованнее Ле-

ша полез по скале. Тело вспоминало забытые сознанием движения! Мы с Андреем, затаив дыхание, наблюдали, как шаг за шагом Леша удалялся от нас. И скала уступила, мы прошли длинный (около 300 м) и достаточно трудный маршрут, поднялись на ее вершину.

Когда Леша не стало, вспоминая это последнее его восхождение в горах, я подумал, что всю свою жизнь, вот так же шаг за шагом, рискуя сорваться, но смело и решительно Леша прокладывал путь другим, каким бы делом он не занимался! И своим примером учил нас смелости, мужеству, настойчивости в достижении цели.

Александра Старицкая

Инженер-строитель, кандидат в мастера спорта по альпинизму

Шла последняя для Аллы и Леша кавказская зима, весной они собирались возвращаться в Одессу по весьма уважительной причине – родившийся уже на Кавказе Андрей дорос до школы. Впрочем, у Леша там еще оставались кое-какие дела, и он мог задержаться. Я как никто понимала, что такое прожить полтора десятка лет в горах, даже если ты любишь альпинизм, лыжи и прочие прелести. Лично мне хватило и одного года.

Тем не менее, никогда я не слышала даже от Аллы жалоб, сетований и горьких вздохов. О Леше и говорить нечего, дай ему работу, он и на Марсе будет, как рыба в реке. А работы у него всегда было выше самых высоких кавказских вершин. Алла с Лешей не просто приурочилась к жизни в горах, они жили, пожалуй что, даже более насыщенно и интересно, чем иные горожане. Всякий раз, когда я приезжала к ним и в Терскол, и в Шхельду или Эльбрус, Алле было что рассказать о новых знакомствах, о встречах с потрясающе интересными людьми, которые бывали у них в доме. Если бы еще Егору было где учиться, и вовсе все ладно. Но мальчику приходилось добираться до школы на перекладных, да и школы в горах известно какие. Так что его образование было самообразованием, благо, что Алла и Леша сами обладали учительским даром, а главное, конечно, книги. Удивить их какой-нибудь литературной новинкой – не пытайся, все знали и все читали. Но повторять такой же педагогический опыт с Андреем было опрометчиво.

Мы с Лешей познакомились на скалах Южного Буга. Годы были шестидесятые, мы с Аллой – студенты инженерно-строительного института. Альпинизм у нас в строительном был в моде, и мы просто не могли пройти мимо такого романтического спорта. Но у многих горная лихорадка как быстро начиналась, так же быстро и проходила. Моя оказалась на всю жизнь. И во многом благодаря Леше, которого вообще-то полагалось бы называть тогда Алексеем Михайловичем – он уже был альпинистом с именем, инструктором. Но чем он никогда не был озабочен, так это субординацией и чиновничеством.

Гранитное Побужье с обрывистыми скальными берегами было для одесских альпинистов такой себе «малой родиной». Места эти в то время были заповедными и завораживающе красивыми – порожистая быстрая река, скалистые обрывы, на которых, казалось, со всего света сбегались выгриваться ящерицы. Мастера поддерживали там форму, новички вроде нас обретали первый опыт. Леше, видимо, понравилось, как я лазаю. Умения у меня не было никакого, но опытный глаз способен и в неумехе увидеть родственную душу. А я, еще мало что смысля в направлениях развития альпинизма, тянулась именно к скалолазанию. Подниматься метр за метром по вертикальной стене с тяжелым рюкзаком за плечами было для меня интереснее, чем просто идти по тропе. Леша, убежденный технарь, потому и обратился на меня

внимание, что я ловко поднималась по стене. Он уже тогда присматривал кандидатов в свою команду скалолазов. И через два года я уже ходила с ним, маршруты становились все сложнее – вплоть до пятой категории. Памир, Тянь-Шань и Кавказ были не просто географией наших экспедиций, а настоящей жизнью.

Возвращаясь с гор, мы «отбывали» свою работу, свои обязанности, норовя всеми правдами и неправдами снова уйти в горы. Имея квалификацию инструктора и вызов из альпинистского лагеря, можно было вполне законно провести лето в горах. У Аллы с Лешей романтический спорт перерос в роман и семейную жизнь.

К слову сказать, в альпинистской среде вообще семьи складывались часто, чему есть пояснение. Какой муж (или жена), не ходивший в горы, поймет, зачем это его половина рвется каждое лето (и зиму тоже) в полные опасностей и тягот экспедиции?

Альпинизм, в отличие от иных видов спорта, не делится на мужской и женский. И здесь нужно отдать должное Лешину толерантному отношению к женщинам в команде. Между прочим, это гораздо важнее, чем может показаться на первый взгляд. Когда вы в одной связке поднимаетесь по стене с ночевками, когда коротаєте ночь, сидя плечо к плечу на узкой полочке, когда вы сутками друг у друга на виду, живете, что называется, глаза в глаза, то согласитесь, что в «одно-

полой» команде жизнь обстоит проще. Ну и, само собой, что мужчинам, как ни крути, а приходится быть джентльменами и не только при распределении нагрузок. Женщину, конечно, можно по формальным признакам поставить последней в связке, чтобы она выбивала и тащила крючья, но так практически не бывает. В нашей среде было принято не распускать языки. Если молодые люди забывались, их быстро ставили на место. Иногда жестко. Как-то Алла сделала замечание молодому человеку, заступившему за красную черту в лексике, потом еще одно. Потом предупредила – за следующий мат одену казан на голову. И немедленно так и поступила – девушка была еще с тем характером.

Когда Леша с Аллой уехали на постоянную работу на Кавказ, почти каждое лето я получала от Леши, как начальника учебной части, приглашение поработать инструктором.

Поэтапная, шаг за шагом, альпинистская подготовка была советским изобретением. Упаси Бог сказать, что она была плохая. Уровень наших альпинистов был высок, и когда открылось окно в мир, наши начали ездить на соревнования в другие страны, их ценили очень высоко. Но Леше хотелось сделать альпинизм массовым, открытым. И именно такие методики подготовки он и создавал, такие маршруты разной степени сложности разрабатывал и, естественно, инструкторов подбирал под свою программу.

Стоит ли говорить, что во всех лагерях, где они жили, был спартанский? Правда, Леша сумел создавать комфорт из

ничего, все было обустроено и приспособлено. А поскольку для семьи все, что называлось в те годы «вещизмом», было третьестепенным, то создавалось впечатление уютного домашнего очага.

Кстати сказать, они и в Одессе не увлекались обстановкой. Квартира на Троицкой была скорее открытым домом для друзей и соратников, в большой комнате лежало экзотическое бревно, усевшись на котором можно было вести демократические споры о чем угодно душе. Однажды одна наша знакомая сняла комнату на Троицкой как раз напротив Ставницеров. При встрече она рассказывала о странной квартире напротив – вечная толчея, а поскольку окна без занавесок, то все видно. Как штаб какой-то...

Мы все в те годы жили по советским стандартам, вроде и все есть, и на самом деле ничего нет.

Леша с Аллой тоже не выделялись достатком. Кое-как семейный бюджет поправлялся тем, что Леша изготавливал альпинистское снаряжение, стандартное было никудышним. А Алуня шила альпинистские куртки и «ноги», она вообще была замечательная рукодельница. Алла могла появиться в необычном пальто-пуховике, в котором никто не мог заподозрить «индивидуальный пошив», или в сногсшибательном кожаном плаще. Фасон необычный, броский.

На традиционное: «Где достала?» – ответ с туманом. Нам с Валею Королевой со смехом рассказала, что смастерила

плащ из старых курток. Если мне случалось бывать на Кавказе зимой, мы с Аллой непременно устраивали себе лыжный праздник. Кататься она любила и умела. Леша, к слову, тоже был заядлым лыжником. Но для него главное было скорость. Никакого страха перед падением, дайте склон покрыва и вперед. Он так и на машине ездил, летал от светофора к светофору. И не потому, что спешил, просто был рискованный человек.

В ту последнюю зиму мы с Аллой и детьми поехали кататься по ущелью Адырсу в альпинистский лагерь Уллу-Тау. Стояли трескучие для Кавказа морозы, в ночном небе висели такие мохнатые звезды, которых не увидишь в долинах. Мы любовались звездами, горами, снегами. Подзарядившийся нашими эмоциями Андрей как-то не по-детски воскликнул: «Это же моя родина! Когда же я еще ее увижу?»

Мы посмеялись, зная не зная, какие нас ожидают перемены в самые близкие годы. В перестроечные и последующие годы никому не нужны оказались ни альпинизм, ни альпинисты. Мы все искали себе место в новой жизни. Леша занимался всяким бизнесом, видимо, успешно. Но в его ироничных, чуть насмешливых и всегда веселых глазах теперь поселилась грусть.

Но что в нем не изменилось – это готовность помочь товарищу, знакомому, другу. Если на вскидку, то это была главная, определяющая черта его характера. Леша был надежен, как скала в горах.

Он таким оставался, когда горная жизнь стала перевернутой страницей биографии. Леша брал к себе на работу товарищей по горам, не особенно, как мне кажется, заботясь об их квалификации. Я помню, как Валя Королева, тренер по большому теннису, оказалась без работы и по Лешину приглашению пошла к нему на какую-то важную должность в только открывшийся супермаркет «На Троицкой». Шла в панике, так как раньше в магазине бывала только покупателем. Но что делать, если ты больше никому не нужен? И ничего – справлялась. Потом, правда, Алуня ее сманила в свой магазин «Окно в Париж», название это придумал Андрей – первый магазин в Одессе, где, бери не хочу, лежала вся заграничная косметика и парфюмерия.

Есть истина – восходя на Гору, никогда не знаешь, что увидишь оттуда, что тебя там ожидает.

Точно так же не знаешь, что тебя ждет внизу. Возвращение семьи с гор совпало с крутыми переменами в стране, в судьбах, в душах. Но, помимо всего – для всех общего, сначала Алле, а потом и Леше пришлось пройти через испытания, которые потребовали огромного личного мужества, терпения и, если хотите, смирения. Мы, самые близкие подруги Аллы, до самого последнего часа не знали, как борется со смертельной болезнью Алла. На все расспросы ответ был – все в порядке, просто устала. Точно так же вел себя и Леша. Человек открытый к дружбе, к общению, он, как мне кажется, хотел до последнего часа быть вместе с теми людьми, ко-

торые были ему дороги и с которыми печально расставаться.

Абрам «Асик» Мозесон

Заслуженный мастер спорта по альпинизму

Воскресное раннее утро. Телефонный звонок из Одессы: ночью в Киеве умер Леша Ставницер. Позднее узнаю, что по дороге в Киев ему стало плохо, его отвезли в больницу, оперировали, но он умер. После ужасного известия в голове роятся воспоминания.

В 1966 году я впервые участвую в одесском сборе на Кавказе. До этого были целина, членство в Казахском альпклубе. Здесь все другое. Приглядываюсь, обращаю внимание на Лешу – он в прекрасной физической форме, немногословен, сдержан, не эмоционален, что для меня непривычно – одесит ведь. У нас выход в высокогорную зону. Палатки на леднике, объекты восхождения рядом. Группы на восхождениях, у Леша день отдыха. Начальник сбора В. Я. Лившиц посылает его с товарищем подготовить завтрашнее восхождение на Башкару – познакомиться с маршрутом, может, провесить пару веревок. Когда мы возвращаемся с горы, выясняется, что от «разведчиков» никаких известий, и В. Я. посылает меня с Колей Стеценко посмотреть, где они и что делают. «Вместе и вернетесь», – говорит он. Подходим к маршруту.

Голоса слышны, людей не видно. Перекрикиваясь, пытаемся увидеть их на пути завтрашнего восхождения – никого. С ужасом обнаруживаем Лешу с товарищем на скальной стене высокой степени сложности, вдалеке от маршрута. Сейчас они спускаются, но сломался молоток для забивки крючьев, есть проблемы, но все будет хорошо. Позднее Леша рассказывал, что впервые услышал, как я ругаюсь, и понял, какую глупость они совершили. На разборе он объяснил, что, поглядев на предполагаемый путь подъема, решил, что ошибся, т. к. там сильно легко, а поскольку опыта было еще немного, а здоровья – наоборот, то он и выбрал стену посложней.

Более подобные казусы не повторялись. Напротив, занявшись альпинизмом профессионально, будучи начальником учебной части лагеря, Леша в совершенстве овладел искусством выбора маршрута в горах, а позднее и в гражданской жизни.

В 1968 году Леша – один из участников Одесской школы инструкторов. Теоретическая подготовка проведена в Одессе, учебно-методический сбор на Кавказе. Это было прекрасное время: занятия были в радость, каждый из нас по очереди был и преподавателем-инструктором, и участником-новичком, мы легко воспринимали наставления наших руководителей и, в конце концов, сдали экзамены, получив звание инструкторов альпинизма. Незадолго до этого у нас в гостях побывала моя знакомая из Одессы со своими друзьями-метеорологами, которых мы прекрасно приняли.

Жили они на Чегете и, конечно, пригласили нас к себе, в кафе «Ай». В выходной день Леша, Виталий Нелупов и я отправились к ним в гости. Нас уже ждали полуспортивное застолье, местные жители, научные работники. Нас со всеми знакомят, угощают, приглашают. Так мы попали на верхнюю метеостанцию. Вышел босиком на снег один из метеорологов с кружкой спирта в руках и предложил по глотку за знакомство. Разговорились, расхвастались. Он рассказал, что глиссирует босиком по снегу. И вдруг Леша говорит, что в этом нет ничего особенного, снимает обувь и демонстрирует то же самое.

Так же мгновенно он присоединяется к нам, когда после тренировочного восхождения, ожидая остальных участников, я и Коля Ческидов прыгаем со скалы на снежную перемычку, соревнуясь, кто сделает это с большей высоты. Сегодня мне кажется, что он использовал любую возможность проверить себя. Вернувшись с Чегета, узнаем об аварии на Южной Ушбе с японскими альпинистами, и мы, весь одесский сбор, на ночь глядя, отправляемся на спасработы. По их окончании все вернулись в лагерь.

Виталий, Леша и я сопровождаем доктора с пострадавшим в Местию, в больницу. На обратном пути Леша подвернул ногу, и мы долго добирались втроем до родного «Эльбруса». Конечно, мы его разгрузили, но путь через перевал

был для него очень нелегко. Он стоически переносил боль в поврежденной ноге. Наверняка, так же мужественно вел он себя и в последние годы своей жизни.

Вскоре после окончания института Лешу призвали в армию. Через короткое время его часть участвовала в съемках «Войны и мира», и он защитил собой своего командира от взрыва заряда. Его премировали внеочередным отпуском домой. Позднее Лешина готовность помочь другим нашла прекрасное воплощение в его благотворительной деятельности. Скромно, с достоинством, не афишируя, он оказывал необходимую помощь многим в нашем городе.

В 70-х Леша кардинально меняет свою жизнь – оставляет Одессу и уезжает работать на Кавказ. Это поступок! На десяток лет горы становятся его профессией. Став начучем в «Шхельде», Леша приглашает меня поработать у него с разрядниками. И хотя меня уже ждут в «Эльбрусе», соглашаюсь с его доводами и еду в «Шхельду». С интересом наблюдаю его жизнь. Нормальная квартира, даром что в горах, много книг, в т. ч. и последних – привозят участники и инструктора, зная его страсть, фонотека; занятый своими делами Егор, маленький Андрей и огромная собака – почти всегда вместе. Оба уверяют меня, что пес добрый, но проходить страшно. В лагере хорошая спортивная атмосфера, поощряются восхождения инструкторов – это привлекает молодых. Стиль руководства – сдержанно-деловой, хотя со многими хорошо знаком. Расслабляется только дома. Скучает по Одессе.

Делится планами и проблемами. И никаких жалоб, хотя оснований хоть отбавляй. Позднее, став крупным бизнесменом, сетовать он будет только на недостаток инициативных, знающих специалистов. Решение этой проблемы он найдет, предоставляя таким людям благоустроенное жилье, построенное специально для этих целей. Практически он действовал в полном соответствии с новейшими рекомендациями по научной организации труда. Я сказал ему об этом. Жизнь заставила, ответил он. Когда, уже живя в Германии, я приезжал в Одессу, Леша обычно узнавал об этом и договаривался о встрече. Интересно было просто пообщаться, «поговорить за жизнь». Оказалось, ему нравятся Сорокин и Пелевин, он читает русских философов и мемуары, знает и использует в работе новейшие рекомендации науки управления. Встречались мы и в Мюнхене. Какое-то время он даже жил у нас вместе с Леной. Тогда мы и познакомились.

Леша доверял Лене во всем: что есть-пить, что надеть, куда пойти-поехать. Приятно было видеть ту любовь и заботу, которой она его окружила. Эти же отношения прослеживались и в их новом доме. Все было сделано с учетом Лешино-го вкуса, пристрастий, увлечений. Ему было комфортно там.

В августе прошлого года мы были у него в гостях. Вместе с Леной они с удовольствием познакомили нас со своим хозяйством, делились планами, договаривались о встречах...

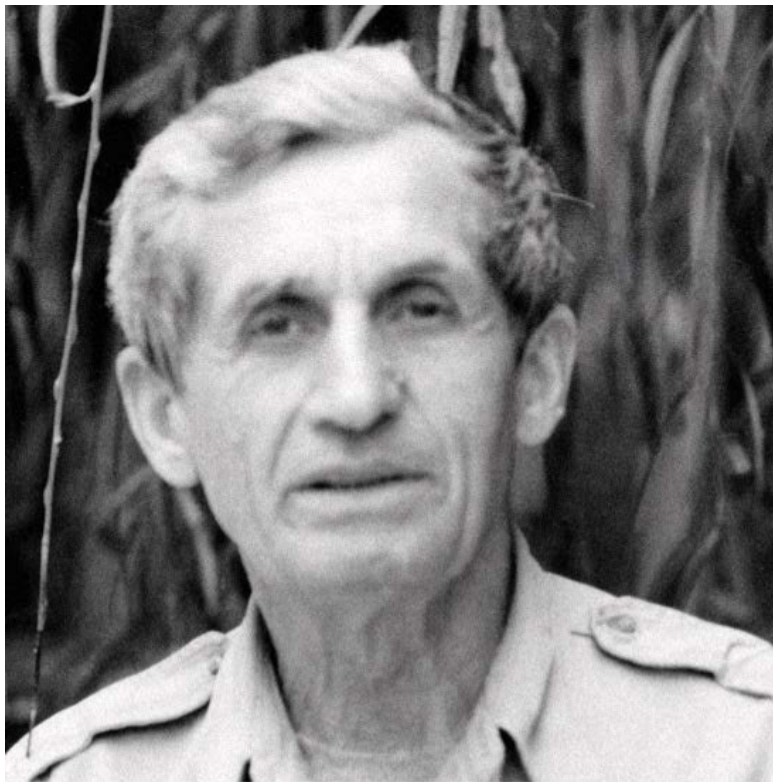
Еще эпизод. В Мюнхене Леша идет на официальную

встречу-переговоры в банке. Одет удобно и просто – рубашка, вязаная кофта, полуспортивная обувь. Принципиально отлично от существующего стандарта деловой одежды. Отмечаю это. Рассказывает: в Киеве был как-то в «высоких кабинетах»; одет так же; спрашивают – что, костюма нет? Думаю – в костюме буду, как все, а так запомнят именно меня – не по форме, а по содержанию. Своим отношением к себе, людям, работе, окружающей жизни он заслужил такую память. Мы почувствовали это, когда город прощался с ним.

«Будем же их помнить постоянно, как они бы помнили про нас».

Мюнхен, март 2011

Владимир Мамчич

«Снежный барс», кандидат в мастера спорта по альпинизму

Нас с Алексеем Михайловичем, с Лешей, книги роднили не меньше, чем горы. Он вообще выделялся начитанностью даже среди читающей альпинистской публики. В экспедициях мы не обминали ни одного книжного магазина и в городах, и в горных селах, так как по разнарядке туда отправляли литературу, за которой мы убивались в Одессе. Однажды нам сильно повезло в Душанбе. Там в «Академкниге» на полках тосковали книжки из серии «Литературные памятники». Мы их скупили на все имевшиеся деньги, но помимо этого еще и заключили с дирекцией негласный договор – из всех новых поступлений они будут нам посылать в Одессу по четыре экземпляра. Игорь Оробей, Николай Ческидов, Алексей и я выручали книжную торговлю Таджикистана не только приобретением «памятников» – в нагрузку к ним прилагалась еще и литература таджикского политиздата.

В годы зрелые, когда интерес в собственной библиотеке сужается к одной-двум полкам, Леша дал мне ключ от квартиры, доверив привести собрание книг в заранее оговоренный порядок. Я был рад видеть, что некогда подаренные мною Леше книжки занимают свое место. В частности, выуженная мною из бука на Греческой достаточно редкая теперь вещь – речи А. Вышинского на людоедских процессах тридцатых годов. Я сопоставил добротный строй его «литературных памятников» со своим и подумал, что, если бы их соединить, получилось бы впечатляющее собрание. Потом Леша мою

готовность передать свою часть книг для полноты его серии оценил...

Кстати, всеядным библиофилом он не был. Как-то в порыве доброты я предложил ему прижизненное издание Льва Толстого. Леша отказался – душа не дрогнула. А вот за академическим собранием Александра Сергеевича, к которому он благоволил, мы охотились долго. И даже когда наш бук власти выдавили из Греческой площади на улицу Новосельского, это на регулярности наших посещений не сказалось. Увы, народ сдавал все, что угодно, но не Пушкина. Поэтому сторожить пришлось долго, но, в конце концов, настойчивость была вознаграждена.

Я не думал, что придет время, когда нам придется сосредоточиться на совсем другой литературе. Первым это пришлось сделать мне. В конце девяностых врачи настоятельно рекомендовали мне операцию по замене тазобедренного сустава. Иначе – недвижимость. Если это говорят человеку, который в 46 лет пробежал по Поясу Славы 100 километров за 8 часов и 9 минут, то что он должен думать и чувствовать? Под нож я ложиться не хотел, а боль требовала принимать решение, думать. И я начал постигать медицинские премудрости, не веря, что мировая наука ничего не придумала, кроме как кромсать плоть и кости. И в журнале по собаководству вычитал интересную и полезную информацию и придумал, как помочь себе. Леша эту историю знал. Теперь изобретение ветеринаров по лечению суставов стало

медицинской практикой, глюкозамин и хондроитин можно купить в любой аптеке. Но это теперь. А тогда не только Леша удивлялся моей методике лечения, но и серьезные доктора. Я же вывод из своей истории сделал окончательный и неоспоримый: никто, кроме нас самих, нам не поможет. Никто не знает, на что мы способны, как можем мобилизовать свою волю. Путешествие по медицинскому книжному миру убедило меня и в том, что воля и характер значат не меньше, если не больше, чем самые эффективные лекарства.

Под конец лета 2010-го мы встретились с Лешей в кафе «Фанкони», повод был печальный – в горах погибли наши друзья. Он такие события переживал, как собственное горе, и всегда находил возможность помочь семье. Так было и тогда. Потом в разговоре спросил, как я борюсь с болью, послушал. И как-то спокойно, если не буднично, он сообщил мне свой страшный диагноз и сказал, что врачи ему отвели жизни несколько месяцев.

«Они мне это и четыре года назад говорили, но в этот раз, пожалуй, не преувеличивают. Я понимаю, что судьбу не обманешь, но чтобы завершить все начатое, мне нужно года полтора».

Мы прожили в альпинизме немалую часть своей жизни, и я знал – Леша человек сильный, мужественный и находчивый. Не обладай он этими качествами, вряд ли имя Ставни-

цера стало бы известным всему нашему профессиональному сообществу. Поэтому я был уверен – он сможет. Не поддаться болезни, противопоставить ей волю и есть победа.

Я находил ему книжки людей, которые показали пример противостояния недугу. Это был их, индивидуальный опыт, его нельзя было перенести в свой арсенал механически, но этот опыт учил, как не сдаваться, не отступать до самого последнего вздоха. И я видел, что Алексей Михайлович борется за свои полтора года упрямо и успешно. Леша нашел свою тропу, свою методу в борьбе с болезнью. Думаю, во многом его дух крепился благодаря Лене.

Пожалуй, с августа 2010-го наше общение было более регулярным, чем в самые лучшие времена. Его житейской мудрости и мужества хватало на то, чтобы не поддаться вполне пояснимому в такой ситуации отчаянию, страху перед неизбежностью. Он никогда не забывал наше альпинистское братство, но, как мне кажется, в те месяцы особенно чутко реагировал на чужие проблемы и, как всегда, старался помочь. В последнее время ТИС отнимал у него все время, он не ходил в горы и даже на традиционных средах в Альпклубе был редким гостем. А теперь-то и открылись возможности, о которых мы при Союзе и мечтать не могли. Хочешь в Гималаи, в Каракорум, в Анды – счастливого пути. Но вопреки пословице «сам не гам...», Леша был щедрым на помощь альпинистам, которые в горы ходили или тосковали по горам. К 60-летию кавказского лагеря «Эльбрус», с кото-

рым была связана и часть его жизни, Леша сделал подарок всем нашим ветеранам. Он посадил нас с женами в комфортабельный автобус, позаботился о нашем проживании и отправил на десять дней на Кавказ. Автобус все это время был при нас, мы ездили по своим старым базам, вспоминая старые маршруты и прощаясь с вершинами уже издали. Такой вот царский подарок он нам сделал. К слову, это не был, как говорят, порыв души. Традиционно пару раз в году Леша собирал нас в каком-нибудь ресторане или кафе без повода, просто так – посидеть, повспоминать, послушать друг друга.

Осенью 2010 года из Германии приехал наш товарищ-альпинист Асик Мозесон с женой Вале́й. Леша пригласил нас к себе в Визирку, наказав обязательно взять по пути Любу Альперину, овдовевшую несколько месяцев назад – ее муж и наш друг погиб на Кавказе, история была драматичная, и мы все ее очень переживали. Мне было чрезвычайно интересно, как Леша прижился в Визирке. Дело в том, что в конце XIX века туда с Херсонщины переехали мои предки, там родилась моя мама. Оказалось, что прижился – слово неточное. Это село стало ему если не родным, то близким. Он сделал для него больше, чем самые патриотичные визирчане в складчину. Он знал, кто где живет и кто в чем нуждается, был полон планов, как сделать село не просто местом проживания, а комфортной средой обитания, из которой не уезжают при первой же возможности. Он очень интересно об этом говорил, и у меня в душе зажила надежда, что он от-

воюет себе столько жизни, сколько нужно. Те авторы, которых я ему советовал читать и которым следовать, в один голос советовали бежать от проблем, от стрессов. И я ему тоже говорил – езжай в Непал, там мудрецы и знахари, там иной мир и иной ритм жизни, там на тебя смотрит вечность. Леша слушал и кивал головой, соглашался. И было видно, что никуда он не поедет.

Лена пояснила это просто. Вот у матери есть дети, говорила она, они растут, болеют и озоруют, учатся. И вдруг мать заболела. Ей говорят, что хорошо бы для здоровья уехать от них. Не совсем даже, а на время. Уедет? Вот такая примерно у Леша ситуация с ТИСом. И что тут добавить еще?

Каждый приторачивает к седлу свою судьбу.

Вершина

Самой трудной высотой в жизни Алексея Ставницера стал ТИС

Как и в покорении горных вершин, Алексей Михайлович показал личным примером возможность

подобного восхождения. Вместе с единомышленниками он создал крупнейший частный порт в Украине и одновременно благотворительный фонд, возродивший село Визирка на берегу Аджалыкского лимана.

Олег Кутателадзе

Сооснователь ООО ТИС, глава наблюдательного совета ООО ТИС

Я до сих пор помню впечатление от нашей первой встречи. Стоял уже не жаркий август. Мы условились о встрече с Виталием Томчиком, председателем кооператива «Промальп», на Маразлиевской. Офиса у него практически не было – угол с парой столов в какой-то лаборатории, поэтому он ждал нас на улице. Рядом с Виталием, не прячась в тень, стоял мужчина, смотревший на нас с улыбкой, в которой была и приветливость, и пытливость, и настороженность, – что, мол, за граждане и зачем пожаловали? Виталий представил его как своего партнера, альпиниста, вернувшегося с Кавказа.

Имя Алексей Ставницер мне ничего не говорило. Но что партнер не шашки передвигает, было и так видно – крепкие, накачанные бицепсы не скрывала даже футболка.

Я еще подумал: не у каждого такие ноги, как у него руки. В Алексее чувствовались спокойствие и уверенность. По тем временам качества редкие. Что «вернулся с Кавказа» – это не возвращение из туристической поездки, я узнаю гораздо позднее.

Теперь девяностые называют лихими, хотя они, скорее всего, были шальными. Граждане огромной страны, еще вчера супердержавы со всеми вытекающими гарантиями и правами, искали свое место в жизни. Спасательным кругом для многих стало рожденное еще в СССР кооперативное движение. Его наиболее уязвимым местом была юридическая безграмотность первого поколения бизнесменов. Она поясняет-

ся всей прежней советской жизнью, в которой слово «бизнес» было ругательным, оскорбительным и обвинительным, так как партия и следователь определяли, что законно, а что преступно. Власть кооперативное движение разрешила, но тут же и наставила массу силков. Чтобы разобраться в завуалированных ловушках, нужно было не только читать Закон о кооперации, но и знать законодательное поле вообще. Вот этим – правовым просвещением кооператоров, оказанием им юридической помощи – мы и занимались в Фонде доктора Гааза, первой в Одессе благотворительной организации. А кооперативы делали Фонду посильные взносы для оказания помощи нуждающимся. Как раз о таком сотрудничестве с «Промальпом» и шла речь на встрече.

Кооператоры в то время были предоставлены сами себе, их самоорганизация шла естественным, как и во всем мире, путем. Общество, взращенное на принципах уравниловки, смотрело на них, как сквозь планку винтовочного прицела. Страна долго не могла оправиться от шока, когда один из московских кооператоров пришел в райком с чемоданом денег платить партийные взносы – что-то около ста тысяч рублей. Получалось, что коммунист честным путем может загребать такие деньжищи, которые не снились не только инженеру, но даже и секретарю обкома! И то, что честно, было страшно и загадочно. Кто не дурак, понимал, что партийная логика неизбежно подведет власть к такому же решению кооперативной «проблемы», которое она приняла когда-то

и по отношению к НЭПу. К слову сказать, с тем самым партийцем, который честно решил отдать КПСС взносы на сто тысяч, наши дороги потом пересекутся.

После знакомства мы с Алексеем Михайловичем встречались редко и случайно, так как занимались разными делами. Но кооперативное сообщество жило по одним правилам, с одинаковыми проблемами. Общим для всех занятием было «хождение в Каноссу», иначе назвать обивание порогов в киевских кабинетах за разрешениями разного толка назвать трудно. Чаще всего туда ездили за лицензиями. Это были наши страдания и легальный бизнес столичного чиновничества. Хотя, нужно признать, в те годы жадность их еще не ослепляла. Вот в одной такой командировке в столицу мы и столкнулись с Алексеем в конце 91-го в поезде. К тому времени он уже создал свое предприятие – «Эверест».

Название напомнило мне о его принадлежности к альпинизму, и, кажется, именно тогда, в поезде, он рассказал мне свою кавказскую одиссею, излагая ее достаточно иронично. А лицензия Алексею нужна была на экспорт металла, чему я нисколько не удивился. Через одесские порты тогда что только не отгружали, мне и самому как-то случилось отправлять в Стамбул никель, о существовании которого я ранее знал только из таблицы Менделеева.

Моим занятием в то время было юридическое сопровождение фирмы «Примэкспресс». Она занималась туристиче-

ским бизнесом, но не чуждалась и экспортных операций, кое-какие связи для получения лицензий у нас имелись, и этими связями мы поделились с Алексеем Михайловичем. Так в нашем знакомстве был сделан первый шаг к сотрудничеству. Но прошло немало времени, прежде чем был сделан второй. Думаю, тут уже играл роль не случай, а закономерность.

Создав «Эверест», общество многопрофильное, если не сказать всеядное, Алексей нутром чувствовал зыбкость, неопределенность правового поля предпринимательства. Его без всяких натяжек можно назвать полем минным, так как в любой момент к вам мог прийти проверяющий и найти сто нарушений, ссылаясь хоть на старые советские инструкции – иные из них имеют силу и до сих пор! – или на новые, известные только контролерам. Поэтому обществу нужен был не просто юрист, с этим в «Эвересте» было все в порядке, важно было выстроить систему юридической защиты бизнеса. Важно было уловить тенденцию, логику чиновного нормотворчества, чтобы вовремя выскользнуть «за флажки», изобретательно расставляемые властью. К примеру, с опережением перерегистрировать кооператив в совместное предприятие, найти наименее уязвимую форму хозяйствования для фискальных органов. Я готов был консультировать «Эверест», но не работать в нем. Тем более, что к тому времени мы все, и Алексей Михайлович в том числе, заболели идеей порто-франко.

Все, кто знал эту страницу одесской истории или кто слышал о ней даже через пятое-десятое, оказались объединены надеждой. На рубеже 93–94 годов началось воистину массовое движение одесситов за получение статуса вольной гавани. И как профессиональному юристу мне выпала удача разрабатывать нормативную базу Свободной экономической зоны. Разумеется, она не могла быть повторением *portu franco* XIX века, более того, она не могла копировать даже свободные экономические зоны Китая или соседней Констанцы. Нам предстояло искать свою модель, и в этих поисках кипели нешуточные страсти. Теперь они одними забыты, а другим неизвестны вовсе, поэтому напомним главное.

Движение за создание Свободной экономической зоны возглавил председатель Жовтневого районного совета Эдуард Гурвиц. А поскольку он произрос из кооператоров, то и опирался в своих политических опытах на кооператоров. Говоря современным языком, на средний класс. Алексей же, пересекаясь еще с тем Эдуардом Гурвицем, который был председателем «Экополиса», оказался среди активистов движения. Хотя у Алексея и была репутация человека дистанцирующегося от бурлящих во власти страстей, было бы ошибкой считать его аполитичным. Его отношения с будущим мэром Гурвицем сложились и обрели некую системность в переломный для страны период – во время президентской кампании 1991 года. Алексей Михайлович поддерживал кандидатуру Вячеслава Черновола, причем, поддер-

живал активно. Выросший в семье, гонимой сталинским режимом, испытавший и на себе костоломность тоталитарного строя, он один из немногих в бизнес-среде понимал, что честного, свободного от коррупционной коросты бизнеса без демократии не бывает.

Идеология Свободной зоны с экономикой Украины конфликтовала, как вода с огнем. В частых совещаниях по поводу СЭЗ, в поездках в столицу и встречах с чиновниками разных рангов и уровней мы с Алексеем Михайловичем и познакомились по-настоящему, и признали друг в друге родственные души.

Как ни странно, идея СЭЗ в Одессе заставила встрепенуться не только отечество, но и за границу. В адрес никому доселе неизвестного Гурвица пошли предложения по инвестиционным проектам. Один из них – от депутата парламента Австрии – касался создания в рамках СЭЗ цементного терминала. Гурвиц об этом предложении обмолвился как-то мимоходом, и, скорее всего, оно кануло бы в Лету, как и многие другие, если бы не всплыла фамилия москвича, рекомендовавшего парламентария как делового и надежного человека. Это и был тот самый партиец, что заставил вздрогнуть всю страну уплатой ста тысяч партвзносов.

Когда мы начали интересоваться идеей цементного терминала, одним из первых возник вопрос, где он мог бы располагаться. И дорожка поисков решения привела нас на ГП

«Лиман» – комплекс по перевалке фосфоритов в дальнем закутке порта Южный.

Мы с Алексеем Михайловичем тогда мало что понимали в стивидорном бизнесе, но даже нас поразило, что новехонькое предприятие стояло всеми забытое и никому не нужное. Разве что порт Южный, благодаря хозяйственности тогдашнего начальника Владимира Иванова, самотужки достраивал причал. Их там по проекту было два: 16-й и 17-й. Один построили еще при Союзе вместе с первой очередью комплекса, а второй бросили в состоянии полуготовности и передали на баланс порта. Решение это было ошибочное, так как дележка имущества волевым решением противоречила не только логике, но и законодательству – терминал и причал составляли единое целое, определяемое законодателем как имущественный комплекс. Но кто тогда об этом думал?

Что же это было за ГП «Лиман» с такой несчастливой судьбой? Ответ важен не как экскурс в историю, а для понимания логики становления и развития ТИСа. По замыслу союзного правительства, государственное предприятие «Лиман» должно было решить проблему обеспечения житницы страны Украины минеральными удобрениями. Перевалочный комплекс по приемке африканских фосфоритов, строившийся в дальнем закутке Аджалыкского лимана, был первым из звеньев масштабной программы. Отсюда фосфориты должны были идти в Березовку, где предполагалось строи-

тельство химкомбината. В отличие от иных советских проектов, «Лиман» строился, как говорят, по уму. Его проектировала немецкая фирма «Крупп ПФХ», она же возводила комплекс «под ключ», осуществляя и поставку оборудования. Нашими руками и усилиями осуществлялись разве что земляные работы, масштабы которых поражали воображение. Практически изменился прилиманский ландшафт, от холмистых берегов не осталось и следа. Сложно оспаривать гулявшую в печати легенду, что в ГП «Лиман» были вложены несметные миллионы инвалютных рублей. Тем более, что мало кто понимал механизм формирования стоимости таких объектов. Было принято к большим стройкам приторачивать, как ясак к седлу, десятки объектов соцкультбыта, инфраструктурных проектов. И к «Лиману» тоже привязали, что только могли, вплоть до рыбозаградительной станции на Днестре в Беляевском районе. Так что «Лиман» на берегу Аджалыка и «Лиман» в версии Совета Министров СССР – большая разница. То, что стояло на берегу и могло работать, стоило раз в десять меньше, чем значилось на бумаге. Хотя и стоило немало: станция погрузки вагонов, от которой тянулась галерея с транспортерами к огромному крытому складу на 80 тысяч тонн, причалы, судоразгрузочная машина, административный корпус, столовая и бытовки. На площадке в ящиках лежало оборудование для второй очереди комплекса, который так и остался в чертежах. И хотя в дальнем углу еще шумели камыши, производственная территория была

в основном построена. К слову, не знаю, почему, но камышовые чащи облюбовали лисы, и не раз бывало, что во время показов «Лимана» потенциальным инвесторам они выглядывали на голоса и, как бы сомневаясь в серьезности намерений визитеров, показывали хвост.

Попутно замечу, что и порт начала девяностых, и все прилиманье были пустынной степью с такими же пустынными берегами. Припортовый завод казался заброшенным сюда какой-то космической силой, и его вот-вот поглотит выжженное солнцем пространство. Земли окрестных колхозов подступали к Аджалыку и традиционно колосились хлебами, светились подсолнухами. Но потом начался дележ колхозных сокровищ, столь же бездумный, как и коллективизация, и поля захирели, заросли бурьянами. Как-то по пути на «Лиман» мы поехали с Алексеем по новой николаевской трассе, свернули в Визирку, еще не предполагая, что она окажется в недалеком будущем нашим подшефным селом, остановились в центре. Паутина запустения уже покрывала этот некогда богатый колхоз, который селяне все еще считали живым и надеялись на его воскресение. Из того, что люди или путались, или вовсе ничего не знали о владельцах земельных паев над лиманом, мы сделали правильный вывод – захапали их предприимчивые и далеко вперед смотрящие люди. От Визирки до юженской трассы машина переползала ухаб за ухабом, что потом надолго отбило нам охоту ездить через

село.

ТИС сегодня

Самый длинный контейнерный причал (480 м) в стране, оснащенный крупнейшими на Украине причальными (вылет стрелы – 55 м, портал – 30 м, грузоподъемность – 65 т) и тыловыми (высота складирования – 6 ярусов, ширина 7 рядов) контейнерными перегружателями производства компании ZPMC.

В первые приезды мы с Алексеем ходили по территории и удивлялись, почему комплекс не работает. Все двери, ворота и калитки были или заварены, или взяты на крепкие запоры – чтобы не разворовали. Судоразгрузочную машину обжили чайки и, судя по обилию помета, давно.

– Да лет пять уже все на замке, – просветил нас один из сторожей. Как потом оказалось, дипломированный инженер, спасавшийся от безработицы в сторожах и не терявший надежды, что рано или поздно комплекс заработает. Вообще за законсервированным предприятием присматривало около двух десятков человек. Остальной персонал «Лимана» пребывал в неопределенном состоянии – в штате, но без работы. От этого же дипломированного сторожа мы услышали не митингово-газетную версию, как «зеленые» спасли Одессу от вредоносного терминала, а как бы изнутри, от рядовых

граждан, во имя которых экологические патриоты и не пустили «Художник Моор» с грузом фосфоритов к причалу.

История с этим судном давняя, 89-го года. «Лиману» предстояло принять первую партию фосфоритов, а немцы готовились отработать на ней технологию. Химические заводы в Сумах, Черкассах, Ровно и Калуше, в Лисичанске и Днепродзержинске ожидали дефицитное сырье. В сущности, выживание всей химической промышленности Украины было поставлено в зависимость от успешной работы «Лимана». Но едва судно замаячило на рейде, как одесские «зеленые» захватили причал и заявили – только через наши трубы. Тиражировалась информация, что комплекс – дьявольская придумка для отравления Одессы, что североафриканские фосфориты радиоактивны и вкупе с Чернобылем погубят народ, что комплекс умертвит не только Аджалык, но и до самой Одессы отравит черноморские воды. Истерия с каждым днем набирала градусы, и власть попятилась – как раз шли первые свободные выборы, выгоднее было оседлать протестную волну, чем противостоять ей. Вскоре даже на открывшемся съезде народных депутатов СССР, который в те годы граждане смотрели с большим интересом, чем мексиканские сериалы, один из избранников от Одессы озвучил сенсационную новость о вредности «Лимана» и глупости самого проекта.

Между тем, все было с точностью «до наоборот». «Крупп», немецкая фирма с богатой биографией и хорошей

репутацией, спроектировала не просто безопасный перегрузочный комплекс, но лучший в Европе. Он мог стать для «Крупна» своеобразной визитной карточкой, демонстрацией технического прорыва в XXI век. В отличие от Союза, европейские страны слово «экология» выучили давно и понимали социальность его значения. Потом, когда мы познакомимся с немецкими инженерами, возобновим с ними сотрудничество, они расскажут, что во время шабаша «зеленых» один из немецких наладчиков заплакал от обиды, что такой совершенный немецкий труд так оскорбляют...

По жесткости экологической безопасности комплекс в пять раз превышал европейские нормативы. Галерея и склады были напичканы датчиками и сигнализаторами, все герметично. Огромный склад для химической продукции обладал защитой от коррозии, полностью автоматизирован. В кабинах машинистов даже предусматривалось повышенное давление, чтобы туда не просачивалась пыль. Ну, и так далее.

Владимир Григорьевич Иванов, с которым мы повстречались, на наши восторги вылил ушат ледяной воды – было бы запустить комплекс просто, уже давно к рукам прибрали бы. А так все в округе приватизировали, а от «Лимана», как черт от ладана. И, загибая палец за пальцем, начал перечислять проблемы. Пальцев на руке не хватило. К начальнику порта мы пошли знакомиться неслучайно. Комплекс был привязан к Южному, как пуповиной: тепло и водоснабжение, электро-

энергия, связь и еще десятки элементов жизнеобеспечения зависели от порта. Поэтому важно было убедиться, что сотрудничество, если оно состоится, не будет против интересов портовиков. Иванов нас успокоил – порту и своей головной боли достаточно.

Мы ездили на «Лиман» не один раз и не сразу поняли, на какую гору собираемся взобраться. Идея цементного терминала как-то потускнела, но не потому, что была технически неосуществима. Когда мимо нас прогнали к причалу стадо коров, которым предстояло совершить первое и последнее в своей жизни морское путешествие в Турцию, чтобы вернуться в отечество кожаными пальто, мы убедились – грузить здесь можно, что угодно. С 16-го причала шел на экспорт металл, наиболее ходовой тогда товар.

Хотя Алексей и не доучился в аспирантуре сельхозинститута, но хорошо понимал, что значит для Украины рынок минеральных удобрений. Нужно отдать ему должное: он всегда видел проблему широко, комплексно и перспективно. Мы не строили воздушные замки... Хотя нет, таки строили, более того, рисовать грядущие «Нью-Васюки» довелось мне.

В Министерстве промышленной политики, куда мы обратились с предложением возрождения ГП «Лиман», нас долго не могли понять. Какой лиман? Какие фосфориты? Принимавший нас чиновник провел нас к руководителю управления Валентину Куличенко, который как раз собирался перебираться в кабинет заместителя министра. Он тоже о пере-

данном Украине после раздела Союза «Лимане» ничего не знал.

Если басню сокращать, то именно благодаря нам «нашлось» стратегическое для Украины предприятие. Начался поиск путей его реанимации. По самым скромным подсчетам нужно было около десяти миллионов долларов вложений, чтобы терминал запустить. Для украинской экономики тех лет – огромные деньги. Мы предложили Министерству сценарий реанимации предприятия – создается СП с нашим участием, главный дольщик – государство, нашей заботой и ответственностью становится поиск инвесторов и запуск терминала. Думаю, проект шел бы тяжело, если бы не содействие Руслана Боделана. Он занимал тогда должность председателя Одесского областного совета и возглавил Подготовительный комитет по созданию Свободной экономической зоны. Многоопытный аппаратчик Руслан Борисович умел разговаривать с киевскими чиновниками и, в сущности, стал крестным отцом «Трансинвестсервиса».

Нас, как новых управленцев, представлял рабочему коллективу заместитель министра Министерства промышленной политики Валентин Куличенко. Алексей Михайлович решил, что, хотя он и возглавляет ТИС, выступить перед рабочими лучше мне. Собрание проходило в красном уголке и было достаточно людным. С работой тогда было непросто, а с хорошей работой – тем более, поэтому люди хотели знать, что их ждет сегодня, завтра, через десять лет. И мне при-

шлошь широкими мазками рисовать будущее ТИСа, больше опираясь на фантазию, чем на реалии. В моем рассказе строились новые склады и причалы, пустынные берега обрастали новыми предприятиями, к ТИСу в очередь стояли на далеком рейде суда, рабочие получали зарплату, которой завидовали соседи, социальная защита была лучше советской и пр. Глаза Алексея Михайловича искрились, и я предполагал, что после собрания он не преминет поехидничать над моими «Нью-Васюками». Но он сказал абсолютно серьезно – вот так примерно мы и будем развиваться.

Вероятно, необходимо сделать отступление от темы, чтобы прояснить существенное обстоятельство, которому были посвящены десятки, если не сотни, публикаций и выступлений о ТИСе с разных трибун. Их стержневой сюжет прост и понятен. Вот, мол, стоял дорогостоящий комплекс, который вряд ли построил бы своими силами любой бизнесмен. Да, заброшенный, забытый и невостребованный. Но государственная, а следовательно, народная собственность. И тут приходят дельцы с торбой денег, невесть каким путем добытых, а скорее всего, наворованных, прибирают государственную, а следовательно, народную собственность к рукам и жируют.

Первое уточнение: государственное предприятие и народная собственность совсем не одно и то же. Как говорят в нашем городе, это две большие разницы. Народная соб-

ственность – понятие инерционное, больше пропагандистское, чем экономическое, никогда не имевшее реального наполнения. Этот фантом, пропагандистский рудимент прошлой жизни, исчез в процессе приватизации, которая, как заметил один из ее идеологов, «навсегда похоронила надежды народа на справедливость». Но и государство, и народ вообще без справедливости в отношениях – дикость, что-то промежуточное между животным миром и первобытными племенами. Получив на рынке ваучерной приватизации промышленные предприятия по цене, далекой от реальной, новые собственники, преимущественно партсовноменклатура, вчерашние цеховики и расправивший плечи криминал по умолчанию обязывались взять на свое содержание и всю социальную сферу страны. Что из этого получилось, мы все знаем. Это необходимое пояснение, так как ТИС никакого отношения к «сладкой приватизации» не имел. Поменяв название, ГП «Лиман» оставалось по существу государственной собственностью, которая управлялась совместным предприятием, а прибыль от деятельности (до которой еще было ох как далеко!) делилась соответственно долями. Тем не менее, Алексей Михайлович на том, первом собрании сказал присутствующим – главным приоритетом нового предприятия всегда будет человек.

Забегая далеко наперед. Когда Алексей Михайлович ушел, мы решили частью его последнего пути сделать проезд по терминалу. Он свое детище не просто любил, он им

жил. И, отлучаясь по делам хоть на день, хоть на неделю, он, возвращаясь, ехал не домой, а на терминал. У него был свой маршрут объезда, за много лет к этой «странности характера» все привыкли. И мы решили повторить эту дорогу, никого не предупреждая, без остановок и церемониальных процедур. Но и тайны, разумеется, из этого не делали. Проезд на скорости не получился. Вся дневная смена – сотни людей! – исключительно по своему разумению нравственно-го долга вышла попрощаться с Алексеем, сказать свои слова благодарности, и уж совершенно неожиданно обозвались гудками тепловозы и стоявшие у причалов суда.

Общеизвестно, что в нашей державе умеют изображать радость встреч и любовь к начальству. Скорбь и уважение нигде в мире имитировать не научились. Искренний порыв проститься с Алексеем Михайловичем и был свидетельством того, что он ни на йоту не отступал от провозглашенного им в начале пути принципа справедливости. Каждый сотрудник ТИСа знал, что его благополучие и благосостояние зависит от успешности предприятия. В стране найдется не так много частных предприятий, где принципы советского социализма оказались замещены политикой социальной защиты человека. Социальные программы ТИСа стоили дорого, счет шел на миллионы. Предприятие платило за обучение детей, за лечение, помогало с приобретением жилья, вкладывало немалые средства в образование, строя но-

вые школы, ремонтировало дороги и детские садики, клубы, церкви. Как обычно поступают «новые капиталисты»? Вот мы встанем на ноги, разбогатеем, а уж тогда будем заниматься благотворительностью. Позиция Алексея Михайловича была альтернативной – помогать сразу, сегодня и сейчас, потому что у человека одна жизнь, и он вправе прожить ее достойно, не откладывая ничего на потом. К нам приходили и уходили инвесторы, не всем нравилась наша социальная политика, но таковы были наши незыблемые принципы и таковы были условия вхождения в партнерство.

Нашей первоочередной целью был запуск комплекса. Фонд государственного имущества отвел для этого весьма конкретный и жесткий срок – два года. Но легко сказать – запустить. Первая очередь строилась как импортная, то есть мы могли выгружать суда с насыпными химическими грузами. Но в том и дело, что никакого импорта не было. Перед нами стояла сложнейшая инженерная задача – преобразовать импортный комплекс в экспортный. Немецкие специалисты, проектировавшие и строившие первую очередь, уверяли – реверс невозможен, неосуществим. Нам с Алексеем спорить с крупновскими инженерами было неудобно. Мое чисто гуманитарное образование и его тоже далекое от технического усложняли диалог на равных. Во всяком случае – пока.

Переговоры – это не соревнование знаний, а состязание интеллектов.

Я не знаю, как и когда Алексей получал необходимые технические знания, но скоро за столом переговоров он свободно оперировал инженерной терминологией, демонстрируя глубинное понимание проблематики. Так что если партнеры, полагаясь, что перед ними сидит кооператор с опытом оптовой торговли, начинали сыпать терминами, ответ был немедленным и адекватным. Алексей никогда не позволял ставить нас в роль просителей, бедных родственников и пр. И очень недипломатично, если не сказать жестко, реагировал даже на намек некоего превосходства. По этой причине, к слову сказать, едва не сорвалось еще на начальной стадии наше сотрудничество с «Норск-Гидро», о чем речь впереди.

Теперь об убежденности. Меня поначалу удивляла уверенность Алексея Михайловича, когда он отстаивал или предлагал реализовать какую-либо инженерную идею. В частности, когда шла речь о реверсе терминала, он доказывал, что это возможно. Как-то после очередного раунда переговоров я спросил у него: быть может, то, чего мы так хотим и что нам нужно, действительно неразрешимо? Он как-то весело фыркнул и сказал, что на свете не так много технически нерешаемых задач. И реверса нашей импортной линии в этом списке точно нет.

– Если это не сделают немцы, это сделаем мы, – сказал он без тени сомнения. – Просто им выгодно строить еще один терминал, экспортный. Будь это выгодно и нам, можно было

бы договариваться. Но тут интерес разный.

И чтобы окончательно развеять мои сомнения, уверил, что молодые тисовские инженеры имеют соображение, как решить проблемы с реверсом. Так что свету – не только в немецком окошке.

Позже, когда мы сообща съедим не менее пуда соли, я открою едва ли не главную черту характера Алексея: в его лексиконе не было слов «нет, невозможно, неразрешимо» и прочих. Он никогда не искал обоснований и пояснений, почему проблему нельзя решить. Он начинал с того, как ее решить быстро и с наименьшими затратами. Так было не только с реверсом. Развитие ТИСа, превращение его из маломощного «Лимана» в крупнейшую стивидорную компанию Украины во многом поясняется тем, что Алексей, определив цель, шел к ней прямым путем, не обращая внимания на «револьверный лай» мелкого чиновничества. Его логика была проста. Наш проект государству выгоден? Мы нарушаем интересы государства, народа? Если нет, то какие сомнения? Вперед!

Привыкшие к совковой зарегулированности, привыкшие к тому, что без их чиха и соизволения никто ничего делать не мог, чиновники немели от такой дерзости. Они во все лопатки запоздало кидались совать палки в тисовские колеса, но это Алексея мало беспокоило. Дело сделано. Беспокоило это первое время, как это ни странно, управленческий персонал и даже рабочих. В каждом из нас еще сидел послушный советский человек, робевший от грозного оклика выше-

стоящего начальника. Примеров, как начальственный произвол пускал под откос успешные производства, было много. Поэтому рабочий коллектив и воспринимал наезды болезненно, ТИС ему нравился стабильностью, кадровой политикой, социальными программами, зарплатой, наконец. Не погубят ли? А чем крепче предприятие становилось на ноги, тем больше становилось охотников прибрать его к рукам. Вообще становление, развитие нашей земли терминалов, как потом будут называть ТИС, напоминало плавание против течения. Любое промедление или неверное решение грозило унести нас вниз. Но Алексей Михайлович как-то очень быстро и без помощи психологов со стороны ситуацию со страхами сломал. Логика его убеждений была проста и стояла на украинских законах: если мы хозяева своего предприятия, то кому лучше знать и понимать, что нам делать, как развиваться? Если мы что и сделаем в убыток, то ведь в убыток себе, не государству. Так что неистовство чиновной своры нам не указ. Наша сила в сплоченности. И, может, впервые в новой истории Украины на приватном, работающем по рыночным правилам предприятии рабочий коллектив оказался рядом с руководством предприятия. Вопреки старым идеологическим канонам, так как руководство было буржуазным по сути, капиталистическим, а следовательно, и враждебным для трудового коллектива.

Но все это будет потом, а в этой части моего рассказа ТИС еще слаб и бессилён, незащищён и уязвим, как всегда и бы-

вает с новорожденным.

Поиск средств на реанимацию комплекса привел нас к тем самым австрийским бизнесменам, которые проявили интерес к инвестированию в цементный терминал. Оказалось, цемент – это один из сценариев их инвестиционной политики, перевалка химических грузов, согласились они, не менее интересно. Родилось совместное украинско-австрийское предприятие, вполне в духе тогдашней моды, так как присутствие в фирме иноземного партнера поднимало статус, прибавляло солидности и доверия.

В обещания австрийской стороны поверило и Министерство промышленной политики. Страна (наконец-то!) поняла цену и значение перегрузочного комплекса, и Фонд госимущества предупредил строго – пуск не позже 98-го года. Никакие причины и форс-мажоры во внимание взяты не будут. Возможно, я не достаточно хорошо владею информацией о девяностых, но таких примеров, как наш, чтобы государство не продало – хоть за деньги, хоть уступило на иных условиях – дорогостоящее предприятие, а отдало его в управление, можно сосчитать по пальцам. И логика решения Фонда понятна. «Лиман» стоял, в его заводях цвела вода и пахло разрушением.

Удастся запустить предприятие в назначенный срок – отлично. Не удастся – с вещами на выход, господа неудачники, так как фактическим владельцем комплекса оставалось государство.

При этом у Фонда не болела голова, где взять средства, чтобы платить людям зарплату, содержать все еще не работающий комплекс, платить по счетам порта за свет, за связь, за воду и так далее – пожалуй, только за воздух с нас не брали. Причем, портовское руководство как-то в одночасье прозрело, что у них под боком закопошился конкурент. Счета с каждым месяцем приходили все солиднее.

Как новоявленные капиталисты без капитала выкручивались – рассказ занимательнее сказок Шахерезады. Начав рядовым сотрудником в кооперативе Виталия Томчика, Алексей Михайлович не потерялся в бурном течении лихих девяностых. Деловая сметка, предпринимательская интуиция стали основой того, что его «Эверест» оказался достойным своего имени. В кое-как приспособленном под офис подвале на Екатерининской рядом с Пале-Роялем кипело.

Кто как будет называться в штатном расписании – черт с ним. Но на финише переговоров норвежцы предложили такой сценарий развития предприятия, который противоречил нашей позиции кардинально. Примерно это звучало так. Все построенное при Союзе фирмой «Крупп-ПВХ» никому не нужно. Мы строим новый экспортный терминал, он будет стоять рядом. Если будет импортный грузопоток, хорошо, пригодится и немецкая работа. Проект и заказ оборудования для нового терминала «Норск-Гидро» брала на себя. Наши резоны, что оборудование для второй очереди уже

есть, что оно лежит в ящиках на терминале, норвежцы как бы не слышали. Что тисовские инженеры работают над реконструкцией первой очереди, чтобы она стала реверсной, не слышали. Правда, стратегия договором не обуславливалась, и это нас успокоило – должен ведь трезвый ум взять верх над амбициями? Тогда я считал, что проявляю чудеса терпения, удерживая Алексея, готового прервать переговоры. Я исходил из того, что мы уже в цейтноте, что без партнерского капитала покатымся в пропасть. Алексей возражал: при таком отношении к делу и к партнерству мы все равно покатымся в тартарары. И однажды, когда представитель «Норск-Гидро» как сквозь зубы процедил очередное требование, мелочь по сравнению с предыдущими, Алексей поднялся и сказал, что переговоры закончены. Мы откланялись. Видимо, норвежцы к такому повороту событий были не готовы.

До вылета домой у нас оставалось какое-то время, мы гуляли по северной столице вполне благополучной страны, которая давным-давно не знает войн и революций, граждане которой просто живут, не представляя, что за нормальную жизнь нужно бороться.

Я уговаривал Алексея все же подписать кабальный договор. Тем более, что «Норск-Гидро» посчитала возможным снять свое последнее предложение, от которого и впрямь ничего не зависело. Но Алексей Михайлович упрямылся – нуж-

но искать иного инвестора.

Если положить руку на сердце, то поведение и чрезмерная амбициозность «Норск-Гидро» была в стиле времени. Не только такие крупные фирмы, как «Норск», а и заурядные по масштабам компании вели себя в Украине, как конкистадоры с индейцами. Только что не меняли стеклянные бусы на золото. Это была черная полоса унижения национального достоинства, и тяжелее всего приходилось тем, кто имел это достоинство. Чудеса терпения и толерантности во время переговоров на самом деле проявлял не я, а Алексей Михайлович. Вся его предшествующая жизнь выковала, закалила и отточила в нем характер лидера. Привыкший в прежней, горной жизни к экстриму как норме, к действиям решительным, меряя ситуации не аршином выгоды, а исходя из нравственных норм, он должен был скрутить на этих переговорах себя в бараний рог, чтобы не прервать их в первый же день.

Когда у меня не оставалось ни единого аргумента, чтобы переубедить его, я вспомнил о заносчивом юристе «Норск-Гидро», который, как от надоедливой мухи, отмахнулся от моего замечания, что с процедурными нарушениями договор будет недействителен. Речь шла о том, что договор должны подписать «Норск-Гидро», Фонд от имени государства и ТИС. Юрист-зазнайка считал, что с украинской стороны достаточно и одной подписи. И меня осенило...

Думаю, если бы наши отношения с «Норск-Гидро» строи-

лись действительно по-партнерски, на равных, если бы у назначенного от «Норск-Гидро» руководства было поменьше спеси, а больше уважения, понимания нашей специфики и если бы, наконец, шла интенсивная работа по реанимации терминала, формальная зацепка никогда не стала бы яблоком раздора. Но было то, что было. Комплекс под норвежским патронатом стоял год, стоял два точно в таком же виде, как и до нас. Двери калитки мы, конечно, разварили, помалу сформировали трудовой коллектив, но взятые на себя обязательства по запуску терминала норвежцы выполнять не спешили. Мы перебивались случайными заказами, перегружая, что придется.

Этот начальный период, как мне представляется, выковал из Алексея Михайловича такой тип руководителя, который потом стоял, как крепость, под натисками извне. Два с лишним года, пока дирекция от «Норск-Гидро» в основном занималась обустройством своего быта, Алексей готовил ТИС к автономному плаванию в самостоятельную жизнь. Он создавал тисовскую, независимую от порта инфраструктуру предприятия. В этом, на первый взгляд, необходимости не было. Экономически даже выгодно было пользоваться портовской связью, теплоснабжением и прочим. Но только на первый взгляд. И дело даже не в стоимости услуг. При каждом удобном случае порт давал нам понять, кто в доме хозяин. Мы могли внезапно остаться без света, без связи. Ме-

лочные эти конфликты разрешались при помощи начальника порта, но постоянно ходить в жалобщиках – удовольствие малое.

Высокомерное сомнение норвежских партнеров, что «директор магазина» сможет эффективно управлять комплексом, жизнь оценила сама. И думаю, вряд ли кто из присланных компанией специалистов-контролеров сумел бы сделать эту работу лучше.

Норвежская дирекция, которую возглавил Мишель Дельвиль, больше осуществляла контролерские функции, управлением терминалом практически не занималась. Считалось, что инвестор озабочен перспективой. Нам же, как знающим и понимающим «украинскую специфику», отводилась роль согласования документов, получения разрешений и прочая. Главный документ, который нам предстояло согласовывать, был проект строительства второй очереди терминала. Но сроки уплывали, а проекта все не было. Возлагалась на нас и еще одна проблема. Это получение разрешения Национального банка на хранение норвежской инвестиции за границей. На общепонятном языке это значит вот что. Наши партнеры действительно перевели на счет ТИСа оговоренную договором сумму. Этим они доказали, что деньги у компании есть. Но чуть не на следующий день «Норск-Гидро», вопреки практике валютного регулирования, эту инвестицию вывела на свои зарубежные счета. Считалось – на время, оказалось – навсегда. Украина осталась с носом. И нам выпала горькая

доля регулярно ходить в Национальный банк и выпрашивать продления на пребывание денег за границей.

Свою позицию «Норск-Гидро» поясняла тем, что там, за рубежом, деньгам ничего не грозит. Банк надежный. Никаких историй с авизо, со взломом счетов. А Украина – страна молодая, нестабильная, всякое может случиться. А главное ведь, чтобы инвестиция дала эффект? Не сгорела в случайном пожаре. Да и расчеты с зарубежными партнерами так вести проще...

Скрепя сердце Национальный банк нарушал свои же инструкции и «в порядке исключения» разрешения выдавал. Но всякий раз предупреждал – в последний раз. Мы понимали, что хранение такой суммы в зарубежном банке дает немалую прибыль по процентам, что норвежцы поступают, мягко говоря, не по-партнерски. Мы на ТИСе сэкономили каждую копейку, перебиваясь случайными заработками. К слову, шепетильный в расчетах Алексей Михайлович с первого дня сотрудничества с «Норск-Гидро» постановил, что мы живем на свои деньги, за свои ездим в командировки и так далее. Предложение компании выплачивать ему «достойную зарплату» было вежливо отклонено.

Хотя по договору у нас с инвестором и были равные права на определение стратегии ТИСа, норвежцы упрямо держались линии на строительство нового терминала рядом со старым. Оборудование для него заказывали без нас, хотя про-

екта, как я говорил, все еще не было. Из документов, которые оказались нам доступны, нетрудно было уяснить, что новое предприятие будет большим шагом назад в сравнении с немецким проектом – в первую очередь, по экологической безопасности, по инженерным решениям. Главным козырем инвесторов было – так дешевле. Похоже, мы окончательно заговорили на разных языках. Согласиться на строительство второй очереди, которая после 12 договорных лет превратится в морально и физически устаревшее железо, было бы крайне неразумно. Фонд госимущества придерживался такого же мнения.

Без малого два года «брака по расчету» с норвежским партнером были для нас периодом познания своего предприятия. Познания – не что где лежит и какой мощности, а понимания значимости роли терминала в народнохозяйственном механизме. Пока он стоял, химическая промышленность его в расчет не брала. Но едва начал воскресать, ведущие предприятия по производству минеральных удобрений начали проявлять к ТИСу интерес. У всех был один вопрос: когда заработает экспортная линия? Этому было объяснение. Экспорт удобрений был формой выживания заводов, так как разруха в украинском селе свела потребление удобрений нашими земледельцами к нулю. Непаханные черноземные просторы были обычным пейзажем Украины. Спрос на удобрения на мировом рынке стоял высокий, но в стране не было ни одного современного терминала. Удобрения грузили по так

называемому прямому варианту – поднимали вагон над трюмом и переворачивали. Сколько при этом «эликсира плодородия» сыпалось на землю и в воду, лучше не думать. Изучая конъюнктуру рынка, Алексей объездил почти все черноморские порты. Помнится, он вернулся из соседнего портового города и рассказывал, что всего за сезон на причале, где грузили удобрения по прямому варианту, рельсы оказались разъедены так, что их пришлось срочно менять. Он был убежден – грузопоток на ТИС сформируется в короткое время. В частных беседах руководители химкомбинатов осторожно высказывали готовность участвовать в реконструкции терминала. Но возникало препятствие – ТИС не мог привлечь никого в качестве партнера без согласия «Норск-Гидро». А «Норск-Гидро» о новых участниках общества и слушать не хотела.

Алексей Михайлович был одним из первых, кто защитил честь и интересы страны. Без демонстраций, без криков, без биения себя в грудь в припадках патриотизма и энтузиазма.

Пользуясь правилом партнерского равноправия в управлении терминалом, он, не спрашивая согласия наших норвежских инвесторов, развернул действенные работы по реверсу комплекса фосфоритов. Он и потом всегда придерживался такой тактики – ни у кого и никогда не спрашивать разрешения, если это не было предписано законом. Норвежская сторона была категорически против. Почему? Выскажу свое предположение.

Построив за свои деньги вторую очередь, «Норск-Гидро» таким образом делила историю ТИСа на две части. На первую неудачную – вот она стоит и ржавеет без пользы, и вторую – успешную. Таким образом, все, что было сделано ранее – многолетним трудом и немалыми средствами по строительству территории и причалов, прокладыванию железнодорожной ветки и подъездных путей, содержанию комплекса в годы консервации, формированию инженерного персонала и рабочего коллектива, созданию своей инфраструктуры и еще много чего, – все это становилось как бы малозначущим и третьестепенным обстоятельством, что было неправдой.

Отношения с «Норск-Гидро» зашли в глухой тупик. Последней каплей в чаше терпения стал отказ норвежской стороны выполнять требование Национального банка перевести инвестиционные средства в Украину. Отказ стоил дорого – ежедневно на ТИС накладывался штраф в сумме 45 тысяч долларов. Сумма росла, как катящийся по склону снежок. Как писало одно уважаемое издание, «норвежская сторона сделала все, чтобы подставить своих партнеров под штрафные санкции». Неуступчивость норвежцев не оставила нам выбора – в феврале 97-го компания «Норск-Гидро» была исключена из общества на внеочередном собрании участников.

ТИС, чтобы не вступать в денежную тяжбу с «Норск-Гид-

ро», сразу же вернул бывшим партнерам все деньги, которые они вложили в ТИСовские программы. Эту страницу биографии мы посчитали для себя перевернутой. Но норвежцы считали иначе. Они были возмущены. Как это какая-то компания-букашка осмелилась замахнуться на гиганта? «Норск-Гидро» объявила тотальную войну ТИСу и лично Алексею Ставницеру. Тип войны был нам незнаком. Думаю, что и для Украины это был новый опыт. Располагая неизмеримо большими ресурсами и опытом, «Норск-Гидро» начала мощную информационную атаку. Что-то вроде Сталинграда и Курской дуги вместе взятых. Подчеркну: целью было не восстановление прежних отношений, не поиск компромисса, а «выжженная земля».

Осенью 97-го на теплоходе «Тарас Шевченко» «Норск-Гидро» проводила пресс-конференцию. Поводом для ее проведения, как заявил представитель компании Отто Гренли, послужила публикация в московских «Известиях», где, по его мнению, в искаженном виде были представлены отношения «Норск-Гидро» с украинскими партнерами по ТИСу, непрофессиональное отношение к делу которых и привело, в конце концов, к разрыву сотрудничества, причем, с грубейшими нарушениями законодательства. Таким образом, нанесен моральный ущерб не столько «Норск-Гидро», сколько Украине, так как серьезно страдает ее инвестиционная привлекательность. После более чем часового изложения сути дела спикер «Норск-Гидро» заявил, что решение собрания

участников будет обжаловано в украинских судах. Если же справедливость не будет восстановлена, Украину ждет международный суд. И уж там... В соседнем с пресс-конференцией зале, как это часто бывает на подобных мероприятиях, уже были накрыты столы и официанты с накрахмаленными салфетками через руку стояли наготове.

Рыцари пера и микрофона явно были расположены к иностранной компании. Многие из них совсем недавно не за свой счет побывали в Осло, посетили штаб-квартиру «Норск-Гидро» и воочию убедились, какая это мощная и справедливая компания, о чем рассказывали своим читателям, как-то не очень осмотрительно заявляя, что они беседуют или ведут репортаж из Осло. Они вплетали в свою повесть красную нить: как «Норск-Гидро» согласилась сотрудничать с никому неизвестным ТИСом и какую черную неблагодарность он проявил. Словом, степень взаимопонимания журналистов и норвежской стороны должна была стать за дружеским столом еще выше. Но совершенно неожиданно гладкий сценарий нарушился неизвестным журналистскому сообществу человеком. Он молча простоял позади всех всю пресс-конференцию и теперь заявил, что господа журналисты могут выслушать и другую сторону – сторону ТИСа. Неизвестный был Алексеем Ставницером.

Позже норвежские представители и возмущались поступком Алексея, и отдавали должное его находчивости. Прий-

ти на чужую пресс-конференцию, считали они, – нахальство. Хотя, по европейским нормам, это этично и правильно. А вот что Алексей воспользовался случаем и опроверг норвежскую версию – это, считали они, смело и находчиво.

Небрежение богатого инвестора достоинством украинского партнера, как говорено выше, не было чем-то из ряда вон выходящим. Но впервые такой инвестор начал информационную войну. Пожалуй, не было в Украине солидного издания, которое бы не рассказало об инвестиционной драме. Газетные страницы пестрели заголовками вроде того, что инвестиционный портрет Украины покрывается трещинами, что авторитет Украины падает в мировом сообществе. В общем, приговор был суров и обжалованию не подлежал. Свою украинскую сторону журналисты выслушать не посчитали нужным, чем поясняется позиция ТИСа, не интересовались. Самые благожелательные публикации были с большим вопросительным знаком: если договор заведомо кабальный, зачем же его подписали? Надо же было национальную гордость иметь!

Я пропускаю страницу многолетней судебной тяжбы с «Норск-Гидро», закончившуюся в международных судебных инстанциях в нашу пользу. Я искренне сожалею, что она была. Думаю, руководство «Норск-Гидро» вряд ли премировало своих специалистов, отказывавших в доверии к «директору магазина» Алексею Ставницеру, поскольку, начав са-

мостоятельную работу с перевалки около 500 тысяч тонн в 1998 году, ТИС преодолел рубеж в 17 миллионов тонн. Это яговорю без злорадства или упрека, скорее, с сожалением.

Не скажу, что репутация «Норск-Гидро» в мире от развода с ТИС пострадала. Но что компания свою информационную войну не выиграла – факт. Публикации первой волны действительно были против нас. Но Алексей не дал шанс угаснуть вниманию к ТИСу. Он принудил журналистское сообщество говорить о предприятии, создавая информационные поводы: то ТИС нашел инженерное решение, как осуществить реверс терминала; то без кабальных условий в общество вошел «Федкоминвест» – монакское предприятие с российскими корнями (фамилии его владельца Алексея Федорычева было достаточно, чтобы пробудить журналистский интерес); то возобновилось сотрудничество ТИСа и «Крупп-ПФХ». Ржавевшие годами подъездные пути к терминалу засверкали – помалу, исподволь начала увеличиваться перевалка грузов. Но самое главное, что ТИС таки уложился в поставленные Фондом сроки и бывший фосфоритный комплекс начал работать на экспорт. Журналисты «возвращались к напечатанному» и к их чести переосмысливали и свои прежние оценки конфликта, и по-новому смотрели на неожиданную новость – ТИС. Неожиданную, так как при незыблемой норме, что порты должны быть государственной собственностью и никак иначе, странным образом в Южном стремительно строилось частное стивидорное предприятие.

И мало того – работало лучше государственных портов.

ТИС развивался по своей собственной стратегии. Она никогда нигде не объявлялась и была проста – угадать потребности завтрашнего дня. Уже когда мы прочно стояли на рынке перевалки химических грузов, не имели недостатка в клиентах, Алексей Михайлович озадачил участников общества предложением построить зерновой терминал. Украина тогда весьма робко заявляла о себе как экспортере зерна, и мало кто поверил в амбициозное заявление премьер-министра В. Ющенко о повышении урожайности зерновых до 40 миллионов тонн. Столько при Союзе Украина получала только при самом благоприятном стечении обстоятельств. Современных терминалов для экспорта зерна у нас не было, в лучшем случае работали по тому самому пресловутому прямому варианту – с колес. Идея Алексея была – учесть опыт работы с минеральными удобрениями, построить зернохранилище, чтобы накапливать большие партии зерна, фрахтуя под него многотоннажные суда. В этом случае цены на перевозку были более привлекательны для зернотрейдеров. Обстоятельство немаловажное, так как мы прекрасно понимали, что появление нового конкурента на зерновом рынке никто аплодисментами встречать не будет. Согласовав строительство с надзорными инстанциями, мы построили зерновой терминал в рекордно короткие сроки – что-то месяц с хвостиком. Таких скоростей портовое строительство не зна-

ло. Увы, нам не аплодировали и не поздравляли с удачей. Захлебываясь от гнева и возмущения, железнодорожное ведомство вопрошало: как это – строили, а их не спросили, можно ли везти в Южный зерно? Едва ли не впервые в истории независимой Украины железнодорожное ведомство объявило конвенцию на грузы в адрес ТИСа, попросту говоря – наложила запрет на наш грузопоток, выторговывая для себя «дополнительные условия» к существующему договору. Ларчик этот с простым секретом – работая по старинке, переворачивая вагоны над трюмом, мы использовали бы подвижной состав как своеобразные склады на колесах. Выгрузка шла медленно, за «простой вагонов» полагалось платить. Это были абсолютно дармовые деньги, и руководство Одесской железной дороги тех лет терять их не хотело. Я специально подчеркиваю – тех лет. Потому что жесточайшие конфликты с железной дорогой, как ни странно, носили личностный характер. Исходя из принципа, что «частник» работает на себя, а дорога – на государство, руководство дороги доставило немало хлопот и нам, и себе. Оказалось, что неразрешимость и постоянство конфликтов исчезли, едва сменилось руководство дороги.

Так же быстро, как и зерновой терминал, ТИС строил причалы, угольнорудный терминал, контейнерный терминал, склады для открытого и закрытого хранения грузов. В Украине не было равного ТИСу предприятия по портово-

му строительству. И трудно сказать, куда бы завела Алексея страсть к строительству, если бы у государства не было своей страсти – волокиты с согласованиями. Это парадокс, но согласования у нас отнимали больше времени, чем строительство.

У Алексея было особое, я бы даже сказал интуитивное чувство перспективы бизнеса. Развитие было для него важнее сиюминутной выгоды, важнее того, ради чего и зарабатывают деньги, – спокойствия и комфорта. Он точно просчитал ситуацию, когда Фонд госимущества оказался готовым уступить свою долю в обществе. И это было правильное, экономически выгодное решение. Денег мы зарабатывали немного, для государства – и вовсе копейки. Назначенная Фондом сумма с лихвой покрывала дивиденды на много лет вперед. Наша выгода была не в деньгах – мы становились полноправными хозяевами.

Сегодня ТИС занимает первое место в Украине среди портов по перевалке сухих грузов (2012 год) предприятия. Без покровительства Фонда сложнее было вести переговоры с чиновниками. Впрочем, не только переговоры.

Клановое, криминально-олигархическое устройство государственной власти стало общим местом рассуждений о судьбах и перспективах Украины. Но мало кто додумывает до самого доньшка, что представляет собой это устройство на самом деле, как выглядит в реальной жизни. Вот вам пример.

Уже за пределами нулевых, когда вроде как забили осинвый кол в могилу кучминского режима, на территории ТИСа появляется микроавтобус. Можно было бы посчитать, что он заехал случайно – рядом трасса. Но пассажиры явно иностранного вида как-то очень внимательно рассматривают уже готовую стройплощадку в конце лимана. Сопровождающий их мужчина, один из руководителей Минтранса, делает широкий жест и спрашивает: «Нравится?» Если нравится, начинаем переговоры. Кто-то из гостей осторожно уточняет, действительно ли эта территория свободна. Похоже, здесь кто-то работает. Да и по соседству какое-то явно живое предприятие – корабли у причалов, на угольных складах люди работают...

– Да не обращайтесь внимания. Это тут какая-то тиса шебуршит. Мы с ней скоро разберемся, – отмахивается чиновник.

Ситуация непридуманная, именно так все и было в реальной жизни. Клановое устройство власти предполагает, что нет «ничейных» предприятий, фермерских хозяйств или средств массовой информации. Принадлежность к клану – опознавательный знак. Кто вне клана, тот потенциальная добыча охотников за ничейным имуществом. И пока ТИС нужно было создавать, он и не вызывал аппетит у охотников. Но только прочно стал на ноги, как тут же появились граждане с алчными глазами. Они немедленно предлагали стать нам «крышей» всего там за треть или даже четверть акций, они

недоумевали, как это мы ничьи и чьими-то быть не желаем. При каждой смене правительства появлялись новые ходоки, и после каждого такого визита ТИС занимал круговую, глухую оборону и сражался за право жить. Алексей, как руководитель, всегда принимал первый удар на себя. Каждый раз сражения за свое детище были все ожесточеннее, всякий раз в них втягивались силы все крупнее. Такое напряжение не могло не сказаться на здоровье. Последняя война с портом грянула, когда он уже был тяжело болен. А нашему противнику, пожелавшему проглотить не долю, а весь ТИС целиком, покровительствовали иерархи высшей власти в государстве.

Быть независимыми – принципиальная и жесткая линия Алексея. Мы росли без «крыши», без грязного капитала, с первой перегруженной тонны работая «по-белому», то есть, честно ведя бухгалтерию и честно платя налоги. Непомерные.

Государство их устанавливает по той же логике, по какой канувшая в Лету советская власть назначала копеечные зарплаты в торговле и общепите, прекрасно зная, что остальное они доворуют. Работа «по-белому» была невыгодна, в первую очередь, нам, но больше всего злила проверяющие и контролирующие органы. С оскорбленными и обиженными лицами, они искали и не находили ухищрений и нарушений,

следовательно никаких откупных им не полагалось. С великой изобретательностью каждая проверка что-то придумывала, высасывая из пальца нарушения, – пусть хоть на пятак. И всякий раз мы доказывали, что и на пятак не виноваты и платить его зазря не будем.

Самое тяжелое, самое изматывающее соперничество – не в рыночной конкуренции, не в поиске новых схем и технических решений, а в состязании.

Олег Сологуб

Главный инженер ООО ТИС

Смотрины «Лимана» были делом привычным – приедут клиенты с мигалками, с милицейским сопровождением, походят, поцокают языками, побеседуют попутно с народом, как свои люди. И только пыль за колесами. Возможно, поэтому я и не сохранил впечатление от первой встречи с Алексеем Михайловичем в роли визитера, они для меня все были на одно лицо. Мы вообще относились к этой публике скептически мягко говоря. Мы – это первый кадровый набор на «Лиман», из которого даже к середине девяностых мало кто остался. Ни работы, ни зарплаты. Почему сам не ушел – до сих пор удивляюсь. Запомнил я нового хозяина терминала, когда он уже вошел в свою роль. Кстати, очень быстро. Запомнился, в первую очередь, полным несоответствием моему представлению об образе начальника. И даже не потому, что одет был как-то вызывающе просто: джинсы, рубашка. А тем, что подходишь к нему – и нет той преграды, дистанции, которая есть обычно между начальником и подчиненным. Преграда эта нематериальна, но всегда ощутима. Для меня это было важно по сугубо личностной причине. И еще потому, что он как-то очень быстро вошел в суть дела, будто прожил с комплексом всю его непростую жизнь. Вот представьте себе: умная, неопикуемой красоты и с многими талантами девушка из обеспеченной семьи, из тех, кто рождается с золотой ложкой во рту, вдруг оказывается без куска хлеба и крова над головой и зарабатывает на пропитание мытьем полов в подъездах или общественных туалетах. Это и

будет судьба нашего комплекса.

Я попал на «Лиман» по распределению после водного института, и хотя вместо инженерной должности меня отправили в слесари (почему-то считалось, что это лучший метод закрепления вузовских знаний), был очень доволен. Комплекс был вершиной инженерной мысли того времени. Помахав вдоволь молотком и накрутившись гаек, я, в конце концов, оказался в службе главного инженера. Главные тогда на «Лимане» не задерживались, комплекс стоял. Очередным главным и моим непосредственным начальником был назначен инженер из нашего отдела капитального строительства Виталий Котвицкий – почти ровесник. Его тоже изрядно помытарило в новое время, что немало способствовало нашему полному взаимопониманию.

Что построенный для импорта фосфоритов «Лиман» вряд ли будет использоваться по назначению, было понятно даже такому зеленому специалисту, как я. Тогда вообще казалось, что термин «импорт» исчез из украинской действительности навсегда. Здесь, в порту, было такое впечатление, что страна поставлена «на поток», как встарь называли разграбление городов победителями. И вся добыча – за границу. Везли руду и уголь, ильменит, металлолом, прокат, зерно, сахар, что-то в тюках и мешках. Потом, когда как-то в одночасье грузопоток иссяк, мы вообще слонялись без дела, а следовательно, и без денег.

Как инженеру комплекс был мне очень интересен. По доброй воле я облазил его от станции погрузки вагонов до высотной площадки судоразгрузочной машины, обильно засиженной чайками, заглянул во все уголки галереи и склада. Нужно было отдать дань как немецкой инженерной мысли, так и немецкой же хорошей работе. Новому главному инженеру комплекс тоже был интересен, мы иногда путешествовали по нему вместе. Благо, предприятие стояло, было время и возможность поразмышлять над возможным будущим комплекса. Мы решали инженерные задачки «на ум»: а вот, к примеру, как можно бы запустить комплекс «к морю»? Или что он мог бы обрабатывать, кроме фосфоритов? Какая скорость конвейерной ленты нужна при погрузке сахара? Зерна? Глинозема? Минеральных удобрений? Получалось, что комплекс может перегружать все, что угодно. Но пока он стоял, нам привалило счастье освоить такой вид стивидорной деятельности, как погрузка скота.

Коров везли откуда-то с юга и востока. Несколько суток путешествия по дороге доводили их до состояния невменяемости. Скотина редела, с налитыми кровью глазами никак не хотела заходить на паромы-скотовозы, бросалась за ограду, калечилась. Приходилось едва ли не за рога и за хвосты затащить их на ведущий в трюм трап. Ни одна доярка и ни один скотник никогда не бывали так изгвазданы навозом, как я после такой «стивидорной» работы. Однажды, выйдя на причал, я увидел лежащую корову – в отчаянном прыж-

ке через ограждение она поломала ноги. Присутствующие по служебной необходимости на погрузке должностные лица – таможенники, ветеринары, пограничники – скребли за тылки. Что делать с покалеченным животным, интеллигенты знали, но сделать это не могли.

Я и теперь, как наяву, вижу эту сюрреалистическую картину: звездная, морозная ночь, круг луны высвечивает выносную стрелу крана, на которой подвешена за задние ноги туша. Свежевать корову тоже пришлось мне. Так что домой я возвращался с гонораром – приличным куском говядины. Все остальные, в том числе и рабочая столовая, тоже не остались в накладе.

Так вот, с появлением Алексея Михайловича впервые забрезжила надежда, что наши инженерные знания будут применяться не для экзотической погрузки коров. И здесь я вернусь к его открытости к общению. Почему для меня это было важно?

Так в моей жизни случилось, что перед самым окончанием института не стало отца. Я в общем был уже взрослым человеком. Но и в таком возрасте важно иметь нравственную поддержку, советчика. Раньше «жизнь делать с кого» было ясно и просто. А в девяностые... Появление Алексея Михайловича, человека «без мохнатой лапы», без «крыши», без золотой цепи на холке, как бы подсказывало, что в жизни можно состояться, минуя членство в банде и группировке. Его

судьба меня привлекала, я неосознанно тянулся к человеку с таким опытом. Найти себя, свое место в жизни для молодого человека, высоким стилем говоря, реализовать себя было проблемой острейшей. Думаю, что и сегодня эта серьезная социальная проблема никуда не исчезла, просто общество к ней притерпелось, привыкло. Тысячи молодых судеб оказались исковерканы потому, что люди вынуждены заниматься не тем, что нравится, а тем ремеслом, что дает хлеб насущный. В том, что я не оказался в этом числе, большую роль сыграл счастливый случай, который называется Алексей Михайлович Ставницер.

Если додумать проблему до конца, то получается вот что. Вся наша предыдущая история строилась на том, что мы, прежде всего, думали о родине, а уж родина создавала условия для самореализации, предоставляла более или менее равные шансы для становления личности. В новой Украине каждый заботился о себе, это я говорю не только о людях. Государство тоже существовало автономно от нас. По ошибке (или невежеству) это считалось нормой рыночных отношений. И уж совсем запредельной была мысль, что в судьбе человека принимает участие и работодатель, собственник предприятия – будь то государство или частное лицо. Алексей Михайлович не был теоретиком, не разрабатывал модели развития национальной буржуазии – этим, по-моему, по сей день и в стране никто не занимается, но его характер в союзе с мощным интеллектом уловил, как сверхчувствительный

флюгер, эту необходимость.

По той ли мере доброты, которой его одарила природа, по иным ли обстоятельствам, но Алексей Михайлович – скажу это так – меня увидел. Потом я пойму очень важную грань его отношения к молодым – у него был сильный отцовский инстинкт. Как известно, он определяется не только отношением к своим детям, а к поколению детей вообще.

Этим, на мой взгляд, во многом поясняется, что и в кадровой политике он ставил чаще не на опыт, а на энтузиазм, на молодой азарт. Это не значит, что специалистами постарше он пренебрегал, я не припомню ни одного случая, чтобы кто-то на ТИСе был уволен по возрасту. Знания и умение вести дело всегда были определяющими. И все же Алексей Михайлович главной тягловой силой своих проектов определял специалистов молодых. А проекты потом следовали один за другим, казалось, что ТИС наверстывает все, что было потеряно в долгие годы спячки «Лимана». Создавалась совершенно ни на что не похожая, уникальная земля терминалов. Химический, зерновой, угольно-рудный, контейнерный комплексы появлялись один за другим, они работали по новым технологиям, требовали нового менеджмента. Нужны были специалисты под стать времени и задачам, и у Алексея Михайловича был талант их находить. Где? Как правило, рядом, в портах или стивидорных компаниях, где они сидели в тени многоопытных зубров, дожидаясь, пока их увидят и оценят. Замечал и ценил он. Убеленные сединами ветераны

портовой отрасли смотрели на наших директоров терминалов, как обычно и смотрят на «молодо-зелено». Но по мере того, как ТИС набирал темпы развития, скептицизм и снисходительность убывали. Не все и не сразу поняли, что так создается запас прочности и надежности ТИСа на десятилетия вперед. Впрочем, кадровая политика ТИСа – страница, заслуживающая особого разговора. До того, как она сложится и обретет сегодняшний вид, нам еще предстояло пройти сквозь густые тернии.

Первым, определяющим все дальнейшее развитие, был запуск уже существующего перегрузочного комплекса. Алексей Михайлович искал решение, как осуществить реверс, то есть реконструировать комплекс так, чтобы он мог и загружать суда, и работать на выгрузку. Немцы, как прародители «Лимана», его осторожно убеждали – невозможно. Самый авторитетный и весьма уважаемый отечественный проектный институт тоже был настроен к идее скептически, но не так категорично. И даже предложил схему, от которой к реверсу пропадала всякая охота – громоздко, сложно, дорого, ненадежно. Да и как могло быть иначе, если проектировщики комплекс видели лишь издали?

Алексей Михайлович познакомил нас с Виталием с этой схемой, мы ее отвергли и предложили свою. Жаль, тогда мы не заботились об истории ТИСа и не сохранили набросанную на серой писчей бумаге «от руки» свою идею. Алексей Ми-

хайлович покрутил ее в руках, похмыкал, и мы полезли на галерею. Мы шли от одного технологического звена к другому и, что называется, «на местности» показывали ему, что и как нужно переделывать. Наш замысел лег ему на душу. Он предусматривал использование для реверса части уже готового оборудования, поставленного «Крупп-ПВХ» для второй очереди. Это значительно удешевляло стоимость реверса. К тому же было ясно, что никакой второй очереди не будет, а оборудование обречено рано или поздно стать металлоломом.

Мы поехали со своим предложением к тем самым проектантам, предложение которых раскритиковали. И настала наша очередь принимать критические стрелы. В проектном институте над нами смеялись, как над пионерами из кружка «умелые руки», решившими учить именитых академиков. Хотя конкретные, по существу, замечания были невнятные, я чувствовал, как под ногами потрескивает тонкий лед. Ведь оппонировали грамотные инженеры, они сыпали терминами, приводили примеры из практики. Это могло произвести впечатление на Алексея Михайловича. Его степень риска и ответственности за принятие решения была неизмеримо выше нашей. Осторожность – неременна. К тому же скребло на душе, что у Алексея Михайловича инженерного образования нет, поэтому ему легко попасть под обаяние умудренных и седовласых.

Образования не было, но интуиция на инженерные решения была – дай Бог каждому. Он уловил в нашей идее главное и принял нашу сторону, но и дельными предложениями критиков не пренебрег.

Возможно, это мое личное ощущение, но все же. Мне представляется, что именно та ситуация подвигла Алексея Михайловича принять решение, которое теперь выгодно отличает ТИС от родственных предприятий. Решение о создании своей мощной инженерной службы. Обычно это служба, обеспечивающая эксплуатацию машин и механизмов. Он же поставил цель создать службу, которая бы работала на развитие предприятия. Это получилось не сразу, а самым естественным путем – по мере возникавших идей возникали и подразделения для их решения. Поначалу это была адаптация, использование узлов и конструкций крупновской работы, тосковавших в ящиках, для реверсного запуска комплекса. Параллельно шла переделка самых разных узлов и механизмов, чтобы они крутились «к морю». Пожалуй, самой сложной из таких работ было конструирование судопогрузочной машины. Конечно же, мы не занимались дилетантской самодеятельностью. Если нужен был проект, то обращались к специалистам в соответствующие организации. Но если в процессе строительства возникали идеи по совершенствованию, то изменения вносились уже после проработки нашими специалистами. Исполдволь в ТИСе сложились высокой квалификации КБ, логистическая служба. Рынок жесток

и беспощаден, если на него лезут без серьезной проработки идеи. Возникавшие как идея проекты по строительству терминалов – от зернового до контейнерного – изначально прорабатывались аналитиками. Это с химическим терминалом у нас не было выбора, он получен, как приданное, от Фонда госимущества. А что касается остальных грузопотоков, то важно было не просто соблюсти приличия, составляя конкуренцию другим стивидорным компаниям. Важно было предложить клиенту такие условия перевалки, которые не могли представить конкуренты. За всю нашу немалую теперь практику ТИС никогда не перехватывал чужие грузопотоки за счет понижения ставок, хотя эта практика, увы, обычна.

Как скоро мы убедились, отсутствие инженерного диплома у Алексея Михайловича не было равнозначно отсутствию знаний. Он как-то очень быстро освоил тот объем инженерных премудростей, который необходим руководителю стивидорной компании. Не буду утверждать, что он мог бы сделать расчет, к примеру, прочности и надежности балок. Но и навести тень на плетень, будто что-то нельзя сделать, ни у кого бы не получилось. У него был по-настоящему аналитический ум, он ловил идею на лету и на лету же ее оценивал. Как-то мы положили ему на стол разработку, к которой предлагалась и смета. Он посидел, посмотрел, подумал. Утвердил, но с поправкой – рядом с подписью стояло «–30 %». Мы доказывали – никак невозможно. Он сказал – думайте.

И впрямь, оказалось, что ровно 30 процентов средств можно сэкономить.

Эту его склонность и способность к самообучению не учли наши норвежские партнеры. История отношений с «Норск-Гидро» не самая радужная в нашей истории, и в ее основе оказалось неумение представителей этой мощной компании ценить партнерские отношения и партнеров. Норвежцы, судя по всему, изучили анкету Алексея Михайловича, но не учли его способности.

Мы как-то с Алексеем Михайловичем поехали на встречу с руководством сумского «Химпрома». С этим гигантом, уже после запуска реверса, у нас складывались хорошие отношения. Сумчане были среди тех, кто поверил молодому ТИСу и начал перегружать у нас удобрения. Мы оказывали химикам встречные любезности, не зацикливались на букве договора, если возникали непредвиденные обстоятельства. Генеральный директор комбината Е. Лапин был в то время народным депутатом, понимал важность становления ТИСа для отечественной промышленности и в случае необходимости помогал нам в спорах с чиновниками. Возникла даже идея инвестиций «Химпрома» в развитие ТИСа.

Визит наш носил сугубо деловой характер. Но так случилось, что одновременно с нами на «Химпром» приехал и представитель «Норск-Гидро», если не ошибаюсь, это был Одд Гренли. Мало того, мы вместе с ним оказались в кабинете Евгения Лапина. И господин Гренли позволил себе как-то

не очень корректно отозваться об Украине вообще и ТИСе в частности. Реакция Алексея Михайловича была молниеносной. Не переступая между дозволенного, он очень веско напомнил гостю о правилах поведения в гостях и потребовал извинений.

Нас в последний период истории как-то очень напористо убеждали, что патриотизм является «последним прибежищем негодяев», и, к сожалению, некоторые граждане в это поверили. К сожалению потому, что без патриотизма не бывает успешной модернизации, не бывает экономического прорыва. Алексей Михайлович отвечал самым взыскательным нормам понятия патриотизм. Я никогда не слышал от него призывов любить Украину, не видел его на патриотических митингах, и, тем не менее, в нем жило самое светлое патриотическое чувство к своей стране. Именно к стране, а не государству. Он умел отделять отношение к насквозь прогнившему, коррумпированному чиновничеству от отношения к стране. Его патриотизм проявлялся в самой трудной области – в модернизации, в укреплении экономики страны. Конечно, говорить о создании рабочих мест, о достойных зарплатах, о социальной защите важно, нужно, в конце концов, выгодно для имиджа. Алексей Михайлович это все делал. Новый ТИС начинался, если не изменяет память, усилиями чуть больше 150 человек. Сейчас – более 2 000. Наша средняя зарплата никогда не была выше, чем, к при-

меру, в порту Южный. Но у нас почему-то нет вакансий, к нам приходят подросшие дети ветеранов предприятия, образуются семейные династии. И в отличие от государственного предприятия, которое по привычке еще называют народной собственностью, ТИС без пропагандистских усилий и ухищрений рабочие считают своим. Это важно сказать, так как в жестких конфликтах, сопровождающих нас на всем пути развития, чиновники и государственные контролирующие службы всякий раз врут, что они радеют за народ, за государство, а ТИС – только за себя, за свою рубашку, которая ему ближе и дороже. На самом деле все было и остается наоборот, что просто доказать. Развиваясь за собственные средства, не беря у государства ни копейки, предприятие вкладывает в социальную сферу такие деньги, платит в бюджет такие налоги, которые несравнимы с тратами государственных портов.

Реверс – термин технический, в современных словарях его значение определяется как «способность механизма менять направление движения».

Действительно, изменение направления комплекса было задачей технически сложной. Если бы не позиция наших бывших партнеров, компании «Норск-Гидро», мы решили бы ее быстрее. Но вышло, как вышло. Интенсивная работа, собственно, началась только после вхождения в ТИС монакского, но с российской корневой системой, «Федкоминве-

ста». Владелец компании Алексей Михайлович Федорычев мало что оказался полным тезкой Ставницера, он был ему родней по духу, по нравственным принципам. Приезд Федорычева на ТИС для знакомства произвел впечатление. Он с лету, по-соколиному оценил и комплекс, и перспективы развития. Потом рассказывали, как легенду, о его скорости и смелости принимать решения.

– Сколько нужно денег для запуска терминала? – спросил Федорычев.

– По нашим расчетам, три миллиона долларов, – сказал наш Алексей Михайлович.

Федорычев сказал готовить документы к подписанию. Контракт был подписан за два дня. И Федорычев внес инвестицию без промедления, не жмотничая на получении процентов и не дожидаясь, когда будут четко выписаны всевозможные юридические условия и гарантии.

У нас оставалось не так много времени, чтобы вложиться в сроки запуска, оговоренные Фондом государственного имущества, поэтому работа велась в три смены. Но комплекс как инженерное сооружение – это только железо. В него нужно было вдохнуть, как в Галатею, жизнь. Алексей Михайлович на это делал акцент: заложить плохую традицию просто, исправить ее – труд неимоверный. У него не было привычки ссылаться на личный опыт, он вообще не очень-то любил рассказывать о себе. Но иногда, что бывало не так часто, его, как говорят, пробивало, и тогда сверкал, как кристалл, ка-

кой-то эпизод из альпинистской жизни – поучительный и познавательный одновременно. Такой, к примеру, была его повесть, как он десятилетним трудом в горных лагерях пытался сломать костную систему обучения альпинистов. И вроде все были за, а традиция – против.

Между тем, оказалось, что реверс как техническая проблема менее сложен и затратен по усилиям, чем «изменение направления» в сознании, в традициях, в системе партнерских отношений, в равенстве форм собственности – частной и государственной, в той тонкой материи, которая называется атмосферой трудового коллектива. На словах «реверс» как переход от социалистической формы хозяйствования к рыночной прост. Все равно, что яйцо разбить. На деле – куда как сложнее. Я тут не буду призывать к себе в помощники теоретиков рыночной экономики. Они, говоря об общих направлениях развития рынка, весьма приблизительно представляют сложность изменения психологии бывшего советского человека просто в человека, разница между рыночной и псевдорыночной экономикой для них и вовсе загадка. Они не представляют бизнес без нравственных тормозов и ограничений. У нас же считалось «доблестью» надуть и обжулить партнера сегодня, не заботясь, что завтра он вам не поверит. Завтра можно обжулить и надуть того, кто еще верит в честность и порядочность.

Провозглашенный Алексеем Михайловичем
принцип – репутация дороже прибыли – сложно

вписывался в суровые будни псевдорынка.

Рынок всегда поделен. Это истина. И каждый новый игрок на нем неизбежно вступает в конкуренцию с другими участниками. По этой причине ему никто не рад. Намереваясь после запуска комплекса перегружать около полутора миллионов тонн грузов, мы претендовали, таким образом, на передел грузопотоков. Но клиент не всегда идет туда, где, как в финансовой пирамиде, маячит халява. Клиент больше дорожит не низким тарифом, а сохранностью груза, скоростью перевалки, доставкой по назначению точно в срок. Нас никто не знал. Шумная история развода с именитой норвежской компанией славы не прибавила, а в чем суть конфликта, мало кто вникал. Главное – был конфликт.

Главных отличий ТИСа от иных стивидорных компаний было два. Первое – скорость выгрузки. Второе дополняло первое – складские помещения. Склады позволяли накапливать большие партии грузов и отправлять их многотонными судами, что уменьшало стоимость транспортировки. Получалось, что есть судно у причала, шторм на море или гладь – вагоны будут выгружены сразу при поступлении на терминал. Платы за простой вагонов, которая стала непременной составляющей накладных расходов, тоже не будет. Станции выгрузки вагонов исключали так называемый «прямой вариант» – когда вагон подгоняли к причалу, поднимали над трюмом и переворачивали.

У нас груз из вагонов ссыпался в бункеры, система транспортеров несла его к пароходу или на склад, ничего не сыпалось и не пылило. Вот во всем этом была наша привлекательность, наша «фишка», и никто из конкурентов не мог нас обвинить в том, что мы сманиваем клиентов. Они могли создать условия лучше, и тогда грузопотоки пошли бы мимо тисовских ворот. Алексей Михайлович был идеологом создания первого в стране, если не на постсоветском пространстве вообще, стивидорного производства, способного оперировать грузопотоками. Причем, производства многопрофильного, переваливающего, казалось бы, несовместимые грузы. Поначалу это вызывало у наших надзорных и контролирующих органов нечто вроде шока, они бились в истерику и кричали «Не позволю!», но аргументов не позволять не было. Особенно острой была атака на ТИС, когда мы построили рядом с химическим терминалом зерновой. Что удобрения и зерно никак не пересекаются, что соблюден санитарный разрыв между складами – не аргумент. Нельзя и край. Инерция совкового, запретительного сознания контролирующих органов тоже требовала «реверса».

Начав перевалку в 1998 году, мы сделали около 500 тысяч тонн. Достижение более чем скромное. И сознаюсь задним числом: достались нам даже эти тонны ох как тяжело. Потому что заполучить груз еще не значило уметь с ним работать. Это в инженерных задачах все было вроде просто. А на самом деле каждый груз имел свои особенности, и не все мож-

но было просчитать исходя из теории. Навсегда осталась в памяти история с аммофосом, его поставляли нам и россияне, и наш родной ривненский химкомбинат. Казалось бы, все проще пареной репы. Вагоны под аммофос имеют в днище четыре люка, открывающиеся пневматикой. Нажал на рычаг – пшикнуло, люки открылись, аммофос высыпался, и – пожалуйста следующий. Но в нашем случае все пошло наперекос. Вагоны пришли старые, битые и ломаные. Ни пневматикой, ни ломом и молотом люки не открывались. За первый день, сбивая пальцы и срывая голоса, удалось разгрузить два вагона. Каждый следующий день прибавлял по одному вагону – так можно было разгружаться до морковкина заговенья. Железная дорога включила счетчик. Делать было нечего – Алексей Михайлович вызвал из Ривного тамошних работяг. Они целый месяц обучали нас выгружать аммофос в наших условиях. После этого все наладилось.

Трудно шла работа над судопогрузочной машиной. Мы ее сдали, считай что, в последние дни, предусмотренные контрактом с Фондом. Терминал без нее работать не мог, покупать новую – и денег нет, да и такую технику нужно заказывать впрок. И тогда Алексей Михайлович решил приобрести мобильный судопогрузчик. На наш зов приехал английский фирмач Майкл Гривс, импозантный такой джентльмен. Его фирма равнялась ему самому. Майкл осмотрел наше хозяйство, покивал одобрительно головой, сказал, что фирма

«Давид Харрисон», с которой у него сотрудничество, пожалуй, нам поможет. Цена вопроса – что-то около 200 тысяч долларов. Для нас это были серьезные деньги. Но, как оказалось, сумма эта была в разы меньше, чем серийный погрузчик. Секрет был прост. Оказалось, этот «Харрисон» специализируется на мобильной портовой технике. Такой себе аглицкий Левша.

Погрузчик, как ни странно, отвечал цене и работал. Мы даже как-то сбавили темп на монтаже главной машины. Успокоились. Но скоро случилось неизбежное – аглицкий шедевр сломался. Эту нерадостную новость в третьем часу ночи сообщил Виталию Котвицкому начальник эксплуатации Алексей Гладушевский, по тревоге подняли меня и поехали на терминал. Дело не терпело – ждал срочной погрузки иршанский ильменит. С Иршанском у нас только-только начали налаживаться деловые отношения, и сильно не хотелось опростоволоситься.

Увы, машина стала по серьезной причине – вал от гидромотора к барабану сломался. Такого мы, конечно, от «Давида Харрисона» не ждали. И наша инженерная служба, и рукастые умельцы долго мудрили, как починить машину. В конце концов, вал сварили, погрузчик пустили. Но неделю времени потеряли. И не было гарантии, что вал не срежет через день или два. Англичане во искупление вины очень быстро доставили новый мотор, ситуация наладилась. Мы ждали, что

Алексей Михайлович будет всерьез выяснять с англичанами отношения, но он вел себя как-то на удивление спокойно.

– Мы с «Круппом» по оборудованию ругаемся? – ответил он вопросом на наш вопрос. – Почему стерпели? – и сам же ответил. – Мы с ними не ругаемся, потому что они поставляют товар качественный. И мы, соответственно, им платим за качество. Здесь случай иной – мы решаем локальную, временную проблему.

Крупповская фирма, уж коль была упомянута, к нашему терминалу относилась с придыханием. У Алексея Михайловича сложились с ее представителями хорошие отношения, он и нас вовлек в этот круг, не упускал возможности посылать нас в Германию. Формально – на переговоры, по существу – учиться. Видеть хорошую работу, познакомиться с чужим опытом, считал он, это не учеба только для дураков. Благодаря немецким специалистам, мы постигали важное правило – нужно дорожить своей работой. Они с гордостью называли адреса объектов, построенных и двадцать, и тридцать лет назад, и гордились – работают, как часы. Представляя нас своим коллегам, обязательно подчеркивали, что мы работаем на построенном «КруппПВХ» комплексе.

Разумеется, когда доходило до интересов «Крупп-ПВХ», гостеприимные немецкие друзья стояли, как скала. К слову, это тоже были уроки переговорного мастерства. Как-то в Мюнхене мы вели переговоры по поставкам судопогрузчика для 19-го и 20-го причалов. Юрген Штойер, коммерческий

директор по Восточной Европе в части инженерного обеспечения, поставок и монтажа оборудования, доводил нас своей неуступчивостью до изнеможения. Мы звонили Алексею Михайловичу, жаловались – нет сил и терпения. «Ребята, у кого больше денег: у нас или у «Круппа»?» Мы уныло соглашались, что у «Круппа». «Значит, у нас должно быть больше терпения».

Пройдет много лет, ТИС уже будет прочно стоять на ногах, но мы все так же будем встречаться с крупповскими инженерами, по большей части уже пенсионерами, и они будут так же живо интересоваться «своим» комплексом. Както один из них, Зигфрид Гресс, подарил нам потрясающий документ – страничку из стенографического отчета о совещании в Минморфлоте СССР, на котором принималось решение о строительстве комплекса «Лиман» в акватории Аджалыкского лимана. Дата – 1981 год.

В упоминавшихся переговорах в Мюнхене ТИС уже представлял новый генеральный директор – Андрей Ставницер. Алексей Михайлович понемногу отходил от дел, передавая механизм правления в молодые руки. Немцы присматривались к новому генеральному, видно было – им интересно наше новое поколение, с которым придется иметь дело и новому поколению крупповского менеджмента. Прощаясь, они подарили Андрею игрушечный вертолетик. Он вспархивал с ладони, держался недолго в воздухе и плавно садился. Мы

потешили публику в аэропорту, соревнуясь, с чьей руки вертолетик взлетит выше, и так не пришли к единогласному мнению – подарок был с намеком, что называется, «со значением» или просто симпатичный сувенир симпатичному человеку.

Я не знаю другого такого примера портового строительства, какой показал ТИС за полтора десятка лет. В сущности, мы стали портом без формального статуса.

Который, кстати, нам не сильно и нужен. Но это обстоятельство, видимо, весьма беспокоило руководство порта Южный в конце десятых годов. В их болезненном воображении такая стремительность развития могла значить только одно – стремление «захватить» сам порт, поскольку развитие этого государственного предприятия шло медленнее, а каждый новый объект, сопоставимый с нашими, стоил чуть не в два раза дороже. История информационной войны того времени, развязанная руководством Южного, еще требует написания и осмысления. Я же вспомнил ее по одной причине. Дотошные журналисты, сопоставляя наши и портовские темпы роста перевалки грузов, привели интересный пример – начальник порта оборудовал свой кабинет дорогим мебельным гарнитуром. Мы по этому поводу сильно веселились, так как кабинет Алексея Михайловича был... ну, не то чтобы вовсе без мебели, но уж точно без гарнитура. Обычный стол для заседаний, за которым всегда и работал отец-основа-

тель, карта на стене, доска с примагниченными схемами, пара шкафов с книжками, занимательным железом, вроде старых замков, альпинистских крючьев или узлов механизмов, бронза работы старшего брата Виктора. Алексей Михайлович был абсолютно равнодушен ко всяким кабинетным наворотам вроде телефонных станций, переговорных устройств и прочего. Он и услугами секретаря пользовался только в тех случаях, когда сам не знал, как звонить. Того священного трепета, который бывает во всех приемных, когда начальник занят, не принимает, просит не беспокоить и так далее, не было и в помине. Скажу больше, случалось, что, когда новому сотруднику не находилось места, Алексей Михайлович брал на пересидку в свой кабинет. Видимо, это наложило свой отпечаток на некую тисовскую «коммунальность» – руководители больших служб сидят в кабинетах вместе с сотрудниками.

Я не раз сам себе задавал вопросы: где наш предел в строительстве? Есть ли некий проект развития? Иногда напрашивалось сравнение, что, как в старых американских фильмах про Дикий Запад, мы несемся на скакуне во весь опор до сигнального выстрела, чтобы застолбить за собой землю. Только межевой флаг нам давно был поставлен государством. Мы же спешили территорию застроить. К причалу прибавлялся причал, к терминалу – терминал, к складу – склад. Вся прибыль вкладывалась в развитие, и теперь, задним числом, кажется, что Алексей Михайлович спешил все

застроить в недобром предчувствии приближающейся болезни. Конечно же, при таких темпах строительства развитие инфраструктуры отставало. Но это техническая задача, ее может сделать кто угодно. То, что делал он, мог сделать только он. Иногда это порождало проблемы, для решения которых у государства не было ни законодательной базы, ни опыта, ни желания этот опыт иметь.

Строя угольно-рудный и контейнерный терминалы, мы понимали, что к их причалам должны швартоваться суда с водоизмещением до 100 тысяч тонн. В украинских портах такие гиганты по ватерлинию не грузятся – нет глубин. Поэтому их загружают до максимально возможной осадки, а потом догружают на рейде. Дорого, неудобно. И Алексей Михайлович принял решение, которое в самых осторожных оценках можно назвать рискованным. Он решился провести дноуглубительные работы, построив таким образом подводной канал к нашим причалам. Глубины возле них должны были достичь 15 метров, как раз для океанских стотысячников. Решение было бы абсолютно разумным и экономически выгодным, если бы деньги за судозаходы получал ТИС. Но по существующему законодательству, акватория порта является собственностью государства. За пользование ею деньги может получать только государство. Но порт Южный и не помышлял вести весьма затратное дноуглубление. Ему оно зачем? Хочет ТИС принимать океанские суда – пусть черпает ил со дна лимана. Пусть построит для нас за свои деньги

акваторию и... передаст нам. А мы потом с ним рассчитаемся. Как-нибудь...

Мы подрядили для дноуглубления известную в Европе фирму «Мебиус». Вычерпали миллионы тонн ила и вывезли его из лимана в море, теперь эксплуатация этой акватории приносит порту доходы. Но возместить ТИСу затраты на ее создание – это сложная задача.

Такая же ситуация возникла и с увеличением пропускной мощности железной дороги – она не могла обеспечить прохождение составов к нашим причалам, а самостоятельно вкладывать деньги в развитие не имела возможности, пришлось строить нам совместными усилиями и передать железной дороге новый участок пути. Можно было бы привести длинный ряд таких примеров, постоянно державший ТИС и Алексея Михайловича в напряжении, в судебных тяжбах, в противостоянии с государственной машиной. Но если все эти примеры проинтегрировать, то получится вот что. Все сделанное на ТИСе во имя страны и государства было сделано в противоборстве с государством, против его воли, против воли чиновника, против существующей системы удушения частного предпринимательства, против здравого смысла.

Один из самых драматичных эпизодов был, когда летом 2009 года начальник порта Южный, не моргнув глазом, решил прибрать ТИС к своим негосударственным рукам, изобретая не сильно сложную схему. Удушение предприятия было

организовано по всем правилам: лишение скидок на судозаходы, отказ в регистрации причалов, запрет на заход в порт судна с уникальным контейнерным перегружателем. За его продвижением из Китая следили все морские средства массовой информации. Проводка судна через Босфор стала сенсацией, которая попала в топ-новости ведущих телекомпаний Европы. И вот на рейде Южного судно встало на якорь... Только вмешательство высших руководителей страны спасло положение.

Протестуя против самоуправства начальника порта, рабочие ТИСа организовали акцию протеста. Алексей Михайлович тогда только-только поправлялся после рецидива тяжелой болезни. Но вместе со всеми он вышел на причал и участвовал в демонстрации, отвечал на вопросы телевизионных журналистов. Это была его последняя война. Как и многие предыдущие, она не прибавила ему ни сил, ни дней жизни. Но его поведение в те непростые дни было еще одним уроком мужества для всех нас.

Человеческая память – не лучшее хранилище ни поступков добрых людей, ни образов светлых личностей.

Из нее все достаточно быстро, как вода в песок, утекает в вечность. У памяти свои законы и закономерности, у нас нет влияния на них. И я допускаю, что через десятилетия забудется, и как начинался «Лиман», и чего стоило всем нам

создать такое дело, как ТИС, сотрутся в памяти даты, имена и поступки. Но есть утешение: будет стоять ТИС. Он уже навсегда стал тем звеном экономики, без которого она существовать не сможет.

Алексей Федорычев

Президент Fedcominvest

Мы познакомились раньше, чем увиделись, – по телефону. Я Алексей Михайлович, он Алексей Михайлович. У меня есть химический груз, у него химический терминал – почему бы ине свидеться? ТИС тогда терялся в безграничном просторе, который можно было оценивать двояко: и как пустыню, и как перспективу для развития. Мы с тезкой склонялись к последнему. Это стало ясно из того, что Алексей, когда я через несколько дней после телефонного разговора приехал на ТИС, приготовил для меня сапоги и предложил познакомиться с терминалом глаза в глаза. Мои деловые интересы корнями – на околицах, в степях и тундрах, так что простором меня не удивить. И все же тот, молодой ТИС, произвел впечатление. Такую площадку для развития в самом центре Европы нужно было поискать, а с таким партнером – тем более. Алексей был из тех людей, которые вызывают доверие изначально, в его облике, в речи, в манере поведения не было ничего, что меня бы насторожило. Это при том, что опыт ведения бизнеса на руинах бывшего Союза научил меня осторожности, осмотрительности и недоверию. Годы были, как известно, лихие.

Мы договорились о партнерстве без процедурных формальностей: договоров, протоколов, расписок. Хотя было ясно, что затевается масштабный, значимый для экономики Украины проект. И он требовал огромных вложений. А деньги были считанные и у меня, и у Алексея, уже ожегшегося на неудачном опыте с инвестором. В кабинете, достав-

шемуся ему в наследство от советского предприятия «Лиман» и соответственно по-советски обставленному, мы договоренность скрепили традиционно – махнули по рюмке водки из запотевшей бутылки и закусили, чем Бог послал.

За полтора десятка лет я ни разу не пожалел об этом. Первое впечатление – человек надежный и верный – меня не обмануло. Эта «человеческая составляющая» для меня всегда была определяющей, и я рад, что она была и в нашем сотрудничестве. Мои коллеги, узнав, что я вошел в ТИС, не очень, как мне кажется, верили, что я не оговорил себе в предприятии какие-то особые условия. И, тем не менее, это было так. У меня были серьезные химические грузопотоки. Иметь в таком случае свою грузовую базу – дело важное.

Но мы нацелились на глобальную схему развития предприятия, мы видели его публичным, то есть открытым для всех грузовладельцев и перевозчиков, без ущемления чьих-либо интересов и, следовательно, выгодным для всех. Были в этом начинании риск для меня? Для Алексея? Конечно же, был. Бизнеса без риска вообще не бывает. Вся соль – с кем ты риски делишь, кто тебя страхует. Мы пребываем в условиях постоянно меняющихся жизненных ситуаций, мы вынуждены подстраиваться под них, и тут важно сохранить неизблемыми нравственные принципы и ценности. Нет таких обстоятельств и нет таких причин, которые могут оправдать нечестность. И я рад, что между нами никогда не пробежала не только черная, но и белая кошка.

У нас с Алексеем сложилась достаточно простая система принятия решений. Она опять-таки была непротокольной, нескованной процедурой. Если нужно было обсудить проблему, мы назначали место и встречались. Часто это было за границей, чаще всего, в Вене, посреди пути от его и моего дома. В нашей традиции встреч были маленькие, уютные кафе или ресторанчики. Мы никогда не устраивали пышных торжеств. Если случалось быть ближе к дому, предпочитали посидеть по-домашнему, так, чтобы больше поработать, а не пофасонить.

Каждая такая беседа становилась еще одним кирпичиком в здание ТИСа. Скорее всего, я бы определял наш союз не как партнерство. Партнеры – это иной градус доверия и отношений, мы же больше руководствовались не уставными документами, а целесообразностью, определением скорости движения к общей цели. Мы были единомышленниками. Не только в бизнесе, но и в жизни такие отношения складываются редко.

ТИС стал успешным предприятием благодаря нескольким обстоятельствам. Первое – мы завоевали расположение партнеров честной работой. Их доверие было определяющим. Без этого было бессмысленно строиться и развиваться. Помню, как приехал посмотреть нашу Землю терминалов Николай.

Андреевич Янковский, руководитель горловского «Стирола», народный депутат, Герой Украины, один из столпов экономики страны. Человек с огромным производственным опытом, он сказал так: «Я давно не видел такого строительства. Пожалуй, не увидь я все это, мог бы посчитать, что такое строительство уже и невозможно». Каждое большое дело имеет свой передний край. В нашем впереди, на острие атаки всегда находился Алексей. Он был идеологом и прорабом одновременно, на него ложилась тяжесть организации строительства и контроля над ним. Справедливость требует сказать, что у него была надежная опора – Олег Кутеладзе. Они вместе, можно сказать, и придумали ТИС, и вдохнули в него жизнь. Это был органичный тандем, если не сказать дуумвират. Олег обеспечивал юридическую надежность и неуязвимость компании, вел переговоры с властными структурами, словом, занимался всем тем, что в большой мере отвлекало бы Алексея от созидания компании. Что меня особо удивляло в Алексее и Олеге, эти гуманитарии в совершенстве владели инженерным мышлением, экономическим видением перспектив развития предприятия.

Тонкая интуиция Алексея позволяла видеть стратегию развития. Так было с зерновым терминалом, который сегодня по экспортным возможностям является ведущим в Украине. Мы понимали, что историческая, если не миссионерская вообще, роль Украины стать житницей мира.

Но именно Алексей заглянул за горизонт и определил, что нам нужны не только силосные башни для зерна, но и горизонтальные склады для кукурузы. Это теперь очевидно, что по ее экспорту страна выходит на первые места в мире. Но в конце девяностых о кукурузе еще вспоминали только в связи с анекдотами о Хрущеве. ТИС и сейчас – практически единственная компания, которая может обеспечить качественную перевалку этого зерна. Аравийские шейхи, покупающие его, осмотрели все экспортные терминалы в Украине и остановились на ТИСе, как раз благодаря тому, что Алексей создал современную технологию перевалки кукурузы.

Доверие – категория не экономическая, это из области нравственности. Но многое у нас получалось только потому, что все строилось на доверии. Наши зерновые мощности еще были в чернильнице, когда одна весьма уважаемая трейдерская компания, работающая по всему миру, высказала желание поучаствовать в создании зернового терминала. Кто же против? Алексей Михайлович с Олегом Джумберовичем начали переговоры. Я узнавал о подробностях по телефону, прыгая дома на костылях – давняя спортивная травма потребовала хирургического вмешательства. День ото дня в голосе Алексея становилось все больше раздражения – именитая фирма методично, день за днем составляла все новые соглашения, страхуясь от возможных рисков. В общем, это нормальная практика. Хотя, как известно, все не предусмотреть, и по известному закону неприятности выскакивают

именно там, где соломку не постелили. Я предложил продолжить переговоры у меня дома. Все согласились, съехались. И я понял всю меру терпения Алексея, который вообще-то был человеком весьма эмоциональным, – наши возможные партнеры и впрямь были зануды. Исчерпав свое терпение, я предложил строить зерновой терминал за наши собственные средства. Представители фирмы, похоже, не очень в это поверили. Они, конечно же, были осведомлены, что «лишних» денег у нас нет. Если бы это не я предложил продолжить переговоры с моим участием у меня дома, то мог бы подумать, что тезка специально привез переговорщиков ко мне, чтобы я не выдержал испытания перестраховками и принял такое решение. Оно было для меня очень непростым, но я, в отличие от представителей фирмы, знал Алексея и верил в то, что проект – выигрышная фишка. Кстати, фирма потом спохватилась, готова была инвестировать строительство, но мы ее успокоили – строить будем сами, а вот везти зерно через ТИС милости просим. Публичность, открытость к партнерским отношениям со всеми грузовладельцами были нашим неизблемым правилом, и что зерновая фирма не состоялась как наш партнер, ничего не значило.

Есть много примеров, как, начиная большое дело, партнеры проходят сквозь густые тернии невзгод, делят по-братски кусок хлеба и глоток хлебной, но становятся чуть ли не врагами, когда приходят большие деньги. Легко пренебречь ра-

ди добрых отношений гривней или долларом, и куда сложнее – миллионом. Алексей был человеком, для которого деньги были из ряда вторичных ценностей. Упаси Бог понять это как склонность к транжирству, как неумение вести денежные дела. Как раз наоборот – он был щепетилен в расчетах, знал цену копейке. И, может, то, что мы оба знали эту цену, нас тоже сближало. Но деньги для него значили только то, что и должны значить деньги для каждого нормального человека.

Как его партнер, единомышленник и один из учредителей компании, я ценю особое, нечасто встречающееся в бизнесовых кругах качество Алексея – его понимание социальной роли бизнеса. Не социальных обязательств – это совковая придумка плохо учившихся политологов. Именно – роль.

В эту роль входят и развитие гуманитарной сферы, и качество образования и культуры, и благотворительность, и еще многое. Алексей Михайлович, не значащийся в списке национальных олигархов, был упорным строителем национальной буржуазии. Чтобы понять важность этой идеи, нужно вспомнить вот что. Доставшиеся нам в наследство от Российской империи больницы, университеты, гимназии и театры, музеи и галереи были созданы как раз национальной буржуазией, и что советская власть в этой области не так уж преуспевала, а где просто успевала, то по качеству гуманитарные объекты значительно уступали буржуазным.

Кроме ТИСа, уникального производственного образования, потенциал которого еще далеко не раскрыт, в биографии Алексея Михайловича остались построенные школы, клубы и храмы, благотворительная деятельность. Я удивлялся его привязанности к Визирке, к селу, которое он не просто избрал для проживания, но считал своим, и сам себе определил по отношению к нему серьезные социальные обязательства.

Мне запомнился последний день рождения Алексея. Он пригласил нас к себе домой – достаточно узкий круг близких людей. Было видно, что болезнь его не отпускает, как было и видно, что он ей не поддается. Начало сентября было полетному теплым, мы разулись и гуляли босиком по лужайке перед домом – давно забытое детское ощущение счастья. Он мужественно боролся со своим недугом в одиночку, никогда о нем не говорил, вплоть до этого дня. Да и тогда он сказал о болезни так, вскользь, не жалуясь на долю. И я вновь вернулся к своему предложению – посетить Афон. Алексей не был, что называется, воцерковленным человеком, но и человеком без веры не был тоже. Республика монахов на Святой горе, существующая уже более тысячи лет и накопившая премного мудрости и знания, вряд ли могла излечить, но могла помочь в его единоборстве с болезнью. Мы обсуждали эту идею так и эдак, и, в конце концов, Алексей сказал: вот по двору, босиком по траве, и то ходить тяжело, а по горам...

Мы прогуливались босиком, как когда-то в болотных сапогах по рыжей глине развороченного берега Аджалыкского лимана. Я только представил тогда, сколько нужно было срезать земли, чтобы раскрыть простор, построить территорию для развития предприятия, и подумал, что только человек незаурядный, смелый способен взяться за такое дело.

Потом я буду вспоминать этот сентябрьский день как день прощания, хотя Алексею оставалось еще полгода жизни. Он распорядился этими последними днями и часами так, как и жил, – работал. В том бронзовом Алексее, который появился из-под серого покрывала перед управлением компании в годовщину ухода, он был похож на живого и улыбкой, и свободной одеждой, которая была его стилем, и выраженным стремлением к свободе в делах, и самой композицией – камни и ступени, символизирующие восхождение от вершины к вершине.

Александр Чебручан

Заместитель директора ООО «ТИС-Уголь», директор «ТИС-Руда»

Мы опоздали на рейс так безнадежно, что даже стоящие у ворот на летном поле таксисты, промышлявшие тем, что догоняли с опоздавшими пассажирами самолеты даже на взлетной полосе, развели руками. Нужно было возвращаться из Шереметьево в Москву. Но можно было и не возвращаться, если заночевать в гостинице для летного состава. Она была задрипаной даже для провинциального аэропорта, а уж для столичного международного – тем более. Так что я был на тысячу процентов уверен, что Алексей Михайлович примет решение ехать в город. Но он сказал: «Не на жизнь же мы поселяемся? Одну ночь можно поспать где угодно». На календаре были лихие девяностые, бизнесмены с достатком куда скромнее, чем у Алексея Михайловича, даже бизнес-классом пренебрегали, предпочитая летать чартерами. Поэтому удивиться было чему. Мы поселились в один номер – кровати с панцирными сетками и удобства в конце коридора, что опятьтаки его не смутило. Я засыпал под шуршание газет – Алексей Михайлович накопил их целую пачку. Подремывая, я в полглаза наблюдал, как он с ними расправляется. Сначала пробегал страницу глазами, если что-либо внимание останавливало, читал. Потом бросал страницу на пол – за неимением корзины. Он скорее даже не читал, а как бы просеивал информационное пространство. Такое чтение мне было незнакомо. Из того, как он отбрасывал просмотренные страницы, было понятно, что больше он к ним не вернется, в этом была и какая-то линейность движения впе-

ред, и решительность характера.

Возвращались мы в Одессу с переговоров. Моя роль на них была мне самому не совсем ясна. Алексей Михайлович вполне мог обойтись сам, ни помощник, ни советчик ему не требовался. Тем не менее, я сидел рядом, предусмотрительно помалкивая, чтобы не сказать лишнего. Бизнес тогда у Алексея Михайловича был многопрофильный, хотя вместе с Виталием Томчиком они уже нацеливались на узкую специализацию – экспорт металла. Тандем этот был интересный. Виталий Сильвестрович, один из пионеров кооперативного движения в альпинистской среде, был воплощением системности, выверенного менеджмента с минимальными рисками. Алексей Михайлович не то чтобы был противоположностью ему, скорее, они оба дополняли друг друга. У него был иной градус эмоциональности и раскованности. Из него рвалось нетерпеливое желание идти вперед и дальше. Поскольку оба были альпинисты, а я тоже имел к этому склонность, то напрашивалось сравнение с парным восхождением по крутой скале, где удача во многом зависит от того, как надежно спортсмены страхуют друг друга.

Оба они, и Алексей Михайлович, и Виталий Сильвестрович, пришли в бизнес, мало что понимая в нем и мало что зная о его законах. Как и многих, их к предпринимательству принудило время. По жизни у обоих за плечами были не только профессиональный альпинизм, но и вузы, аспирантура, научная работа, приобщение к искусству – бизнес тех лет

им был скорее противопоказан. Что они могли противопоставить парням в малиновых пиджаках с золотыми цепями на бугристых холках? В руках нужно было уметь держать не скрипку, а битку. Тем не менее, они день ото дня становились на ноги крепче и увереннее, что наводило на неожиданную мысль, что капитализм может быть не только диким. Как им это удавалось?

У нас не было постоянного офиса, мы меняли адреса, исходя из достатка, и при каждом таком переезде с нами путешествовало около десяти телевизионных коробов. Они были плотно набиты специальной литературой: правовой, экономической, популярными учебниками по менеджменту и философии торговли, психологии. Словом, всем тем, о чем когда-то хорошо сказал поэт – «ни при какой погоде, я этих книг, конечно, не читал». Они читали. И это было их главное преимущество перед распальцованными пацанами, ставшими авангардом первой предпринимательской волны. Значительную часть места в коробах занимали вырезки из периодики – эти публикации служили материалом для анализа, более четкой ориентации в рынках и нравах. Проще говоря, они учились. И это заставляло учиться всех, кто хотел работать рядом с ними. Теперь я приближаюсь к тому возрасту, в котором Алексей Михайлович начинал свое восхождение к ТИСу, и понимаю, что учиться – занятие особое. Это скорее состояние души и беспокойство ума, чем просто получение необходимой информации. С каждым прожитым го-

дом учиться становится сложнее. По утрам желательно прощупывать макушку, чтобы убедиться, что никакой короны там нет, и, следовательно, грядущий день вполне может поставить задачу, на которую у тебя нет ответа. Он умел учиться. И, что самое важное для руководителя такой компании, как ТИС, умел учить.

Думаю, я такой не один. Но говорю только от себя – многому, что должен знать и уметь руководитель, менеджер, организатор производства, я обязан Алексею Михайловичу. И беря меня с собой на переговоры, в чем не было особой нужды, и отправляя в командировки на семинары для знакомства с работой других компаний и портов, на всевозможные выставки, он нас учил. Как мне представляется, он один из немногих понимал глубинное значение формулы – кадры решают все. Он учил кадры принимать решение и создавал для этого пространство свободы. В этом было и уважение к человеку, которому он доверил управление частью своего бизнеса, и доверие, что он не поступит бизнесу во вред. Но было и бремя ответственности. Причем, мне это кажется особо важным, в этой кадровой стратегии Алексея Михайловича не было меркантилизма – мол, я его научу, а от этого мне будет больше прибыли. Алексей Михайлович умел считать деньги. Но главным, определяющим для него была не прибыль, а интерес, развитие компании, стремление подняться на высоту (опять-таки черта альпиниста), на которой еще ни-

кто не стоял. Он строил кадры, как архитектор здание. Ему важно было, чтобы они были не только четкими исполнителями, но и участниками процесса, его творческим локомотивом. Как-то в компании было особенно трудно с деньгами, мы тогда только-только поднимались на ноги, нужно было купить карбюраторы для пожарных машин. Мы перегружали серу, и, по требованиям безопасности (или по одной из версий безопасности), возле причалов должны дежурить пожарные. Думаю, разобраться, нужно или не нужно тратиться на карбюраторы, Алексей прекрасно мог и сам. Но он собрал весь топ-менеджмент, чтобы все и понимали цену копейке, и учились принимать оптимальные решения.

В понимании Алексея Михайловича хороший работник – это свободный работник. Чувство и понимание свободы как главной ценности он ценил сам чрезвычайно и учил ценить других. Речь идет о свободе руководителя (или рабочего) в пределах его полномочий. Каждый может и должен сделать работу лучше, качественнее, менее затратно. Но для этого человеку нужно предоставить свободу. На таких людей, с потребностью свободы, у Алексея Михайловича был обостренный нюх. Не раз случалось, что он принимал на работу человека «на потом». Сегодня, вроде, его и загрузить особо нечем, но если от его услуг отказаться, то завтра такого нужно будет искать со свечкой среди бела дня. Обычным был вопрос у старых знакомых, у соискателей работы на ТИСе о должности, о зарплате, о карьерном росте. Ответ их обыч-

но ставил в тупик: лучшая карьера – это, если ты Иванченко, работать Иванченко. Есть призвание командовать массами – докажи это и командуй массами. Хочешь кабинетного творчества – докажи и твори в кабинете. Чем ты работаешь лучше, чем больше пользы приносишь компании, тем зарплата выше. Такое пояснение ставило в тупик не только тех, кто работал в государственных структурах, но и работников частных компаний. Не очень просто было понять, что часто декларируемое, но мало где соблюдающееся уважение к человеку, к его личности – тисовская норма. Я мог бы привести много примеров, как люди, придя на ТИС рядовыми рабочими, как Сергей Сеница или Виталий Качуренко, стремительно продвигались по иерархической лестнице: начальник смены, начальник участка, ведущий инженер, консультант. И даже сейчас компания, имевшая в самом начале около 200 человек сотрудников и выросшая до 3 000, не потеряла способность замечать способных и талантливых людей.

Разумеется, управлять людьми с обостренным чувством свободы архисложно, к ним нужно проявлять максимум такта и уважения. И здесь неизбежно, как ночь после заката, возникает проблема ошибки. Если ты свободен в принятии решений, если ты – стандартное обстоятельство – настаивал на своем варианте решения, который оказался ошибочным, к тому же принес компании убытки, как быть? Пожурить? Предупредить? Наказать рублем?

Наверное, это признание меня не украсит, но я вырос на

собственных ошибках. Молодой и неопытный студент-вечерник, я мало что понимал в менеджменте, был плохим переговорщиком, когда Алексей Михайлович назначил меня директором одного из своих предприятий. Нашей задачей была перевозка грузов от пункта «А» к причалам порта. Преимущественно, это был металл. Наша роль начиналась после того, как стороны приходили к соглашению, ударили по рукам. Составление договоров, график отгрузок и поступление грузов – все то, что входит в понятие логистики, было нашей заботой. Ясное дело, что работа была не без ошибок, но не было ни одного случая распекания, грохота кулаком по столу, угроз увольнением. Главное было на ошибках учиться.

Уже работая на ТИСе, я, прогнозируя загрузку терминала минеральных удобрений, пришел к выводу, что поток удобрений на экспорт будет падать. И, естественно, наращивать мощности на этом направлении смысла нет. В сущности, речь шла о политике развития всего ТИСа. Поэтому мой прогноз обсуждали и препарировали все ведущие специалисты компании. Коллективный ум оказался прозорливее. Сообща мы вытащили на свет божий такие обстоятельства и скрытые механизмы развития рынка, что вызрело противоположное моему прогнозу решение. Что от этого была польза компании – бесспорно. Но какой блестящий урок проведения аналитических исследований, прогнозирования рынка получил я! И какой оценки заслуживает умение Алексея Михайловича не просто провести обсуждение анализа,

а препарировать его, как студент лягушку, увидеть скрытые обстоятельства и закономерности рынка – кстати, общие для всех сегментов, не только для химических грузов, – чтобы расширить кругозор всех специалистов.

Почти всегда получалось так, что, если в моих прогнозах, анализах или планах была ошибка, то Алексей Михайлович не тыкал меня в нее носом, а исподволь, наводя аргумент за аргументом, подводил меня к тому, что я находил ее сам и сам исправлял. Тут просится в строку такой пример.

Чтобы привлечь грузопотоки, речь идет о самом начале работы ТИСа, мы держали щадящие тарифы. Постепенно клиенты переходили к нам, кроме выгодных ставок, они начинали понимать и другие преимущества ТИСа: честная конкуренция, обязательность и корректность в расчетах, современные технологии. Но совершенно естественно, уже переключив свои грузопотоки на ТИС, хотели работать по низким ставкам. И поскольку, пользуясь к партнеру, обращая внимание, как учили психологи, на то, как кто сидит, берет стакан, пьет и поправляет манжеты или галстук. Он пропускал обязательные расспросы о том, как доехали, как у вас погода и что идет в театрах. Алексей Михайлович четко и жестко формулировал проблему, предлагал ее обсудить и тут же предлагал варианты решения. Буря и натиск.

Однажды на ТИС пожелал заехать важный норвежский бизнесмен. Он ехал из Новороссийска, добираясь до Одессы едва ли не на перекладных: такси до парома через Кер-

ченский пролив, случайным транспортом до Симферополя. Одесса была для норвежца промежуточным пунктом – на завтра он улетал в Вену. И вот захотел познакомиться с ТИ-Сом.

Опыт брака по расчету и развода по несходству характерами с одной уважаемой норвежской компанией нами еще забыт не был. Но предварительный сбор информации говорил, что крупный норвежский бизнесмен вроде бы из другого теста. Он владел танкерным флотом и искал место для терминала наливных грузов – то ли сам хочет строить, то ли ищет партнеров. Танкеры его были высокого качества, корпуса сделаны из особо прочных сплавов – нержавейка рядом не лежала. Вел себя норвежец по пути следования необычно для человека его состояния – то с тетками на пароме закорешил, то со случайными людьми пускался в длительные разговоры, нервируя собственную охрану.

Встречались мы в Южном. ТИС предусмотрительно оставили на потом, но какой-то видеоряд захватили для убедительности аргументов о наших возможностях. В своей манере не тратить время попусту Алексей сразу взял быка за рога. Норвежец оказался такого же характера. Минут через пять стало понятно, что никакого общего проекта не будет. Танкерный флотоводец равнодушно смотрел на наши камыши и рыжий берег, где мог вырасти терминал, и у него на лице было написано, что такие площадки и камыши он видел сто раз не менее. А вот Алексей Михайлович его явно заинтере-

совал. Знаете, как рыбака рыбака...

Они начали свой разговор, как бы предоставив всем остальным роль зрителей и наблюдателей без права голоса и мнения, так как разговор пошел какой-то сугубо личный – о детях, о том, как их учить и чему учить.

– Отцы капитал зарабатывают, дети приумножают, внуки пускают все по ветру, – загибал норвежец палец за пальцем. Алексей Михайлович смеялся и приводил в доказательство примеры из жизни и литературы.

– Но только это и обеспечивает прогресс, стимулирует развитие общества, – выдвигал Алексей Михайлович новый тезис, а норвежец тут же его брался развивать.

Потом разговор продолжился уж в совсем неформальной обстановке, и гость сказал, что на ТИС ехать ему нечего, он о нем больше, чем из знакомства с Алексеем Михайловичем, не узнает. Они расстались по-дружески, насколько я знаю – больше не встречались. Но как память о той встрече и беседе Алексей Михайлович сохранил формулу, которую несколько раз, как мантру, повторял норвежец: «Порт – это, в первую очередь, месторасположение, во вторую очередь, месторасположение и, в третью очередь, месторасположение».

У меня и теперь перед глазами Алексей Михайлович, стоящий у уреза лимана и повторяющий эту истину. Берег то глинистый, то в сваях, то в бетоне. В зависимости от страни-

цы нашей прожитой жизни.

Виталий Котвицкий

Заместитель директора ООО «ГИС-Уголь», директор «ГИС-Руда»

– Как тебе новая метла? – спрашивал меня приятель, имея в виду новое руководство «Лимана». Фамилию Ставницер тогда мало кто знал, «Трансинвестсервис» тем более никто не выговаривал.

– «Новая метла» всем недовольна, – честно отвечал я. Товарищ сочувственно вздыхал. Меня же неудовлетворенность Алексея Михайловича больше радовала и обнадеживала, чем огорчала. А почему, пояснение сложное. И тут придется изложить предысторию ТИСа.

«Лиман» при рождении был предприятием уникальным не только по техническим характеристикам или технологиям, а как и некое новое производственно-социальное явление. Это стало особо заметно потом, при обретении им статуса самостоятельного предприятия. Даже во внешнем облике комплекса сквозила какая-то ущербность и незащищенность. Два причала, силуэт странной машины, похожей на заблудившийся маяк, горчичная крыша приземистого ангара с такого же цвета галереей к нему – все открыто и доступно хоть ветрам, хоть взорам и посетителям. К ангару – а на самом деле крытому складу, которых в наших портах доселе не водилось, – жалась, будто ища защиты, площадка для хранения посеревших от солнца и ветров ящиков. В тылах 16-го причала голодными журавлями маячили два крана. Когда к ним чахкал тепловоз с вагонами, они оживали и что-то гру-

зили на теплоход, стремившийся немедленно убежать от сиротского места.

На пути вагонов к причалу рябил шлагбаум, что внимательного человека заставило бы задуматься и недоумевать – обычно преграду ставят перед рельсами, а не на рельсах. Но никто ничему не удивлялся. Моя первая должность на «Лимане» была начальник ОКСа – отдела капитального строительства. Само собой, что никакого строительства здесь не было. Как и остальной персонал, я занимался... Проще бы сказать, чем я не занимался. Рабочие будни составляла сумма регулярно возникавших неприятностей: рвало трубы и вентили, неизвестные граждане по-хозяйски вскрывали ящики, ища поживу. Обычно пьяные охранники на это ухом не вели – они сами уже все там осмотрели и убедились, что воровать нечего. А что можно было украсть – украли. Редкий день обходился без ЧП: кто-то что-то разбил, не туда въехал, не вовремя сделал и так далее. При этом бедламе предприятие значилось живым. В военной терминологии есть такое понятие, как кадрированная воинская часть. То есть существующая с минимальным штатом, позволяющим в случае необходимости развернуть ее до боеготовности. Вот нечто такое было и с «Лиманом». На все огромное электрическое хозяйство было два или три монтера, столько же сантехников, инженеров. Пребывавшая в полудреме бухгалтерия раз в неделю отправляла платежки, дважды в месяц вы-

плачивала зарплату, получить которую мы всякий раз не надеялись. И не получали бы, не сообрази наш директор Владимир Трофимович Хоменко зарабатывать на идущих к причалам грузах.

В основном это был металл из Днепродзержинска. На 16-м причале его перегружал порт Южный, специально пригнав и разместив краны. Докеры, бригадиры и специалисты-стивидоры тоже были портовые. Порт в то время хозяйничал на причале всевластно, по инерции считая «Лиман» своим. До недавнего времени это был один из его грузовых районов, а наш директор – начальником района. Выделение «Лимана» в отдельное предприятие было формальным, он оставался привязанным к порту инфраструктурой надежнее, чем младенец к матери пуповиной. Тепло, вода, электроэнергия, связь и десятки других нитей – от пожарной сигнализации до канализации, все шло от порта. И было ясно, что такое мирное сосуществование с *alma mater* вечно продолжаться не будет. Равно же как и с другими полумифическими предприятиями на станции.

Химической.

Здесь нужно пояснение. Как таковой станции Химической с перроном, вывеской, какими-то станционными строениями или даже будкой стрелочника нет в природе. Это просто прилегающие к ТИСу пути, куда прибывают составы с грузом. И кто управляет этой станцией, тот фактически и

контролирует грузопотоки на терминал.

«Лиману» давали много комплиментарных характеристик, говорили, что он вобрал в себя всю передовую европейскую мысль. Я хочу это подтвердить и опровергнуть одновременно. В той части проекта, которая касается собственно механики и технологий, комплекс был само совершенство. Но в той, которая называется инфраструктурой предприятия... Назвать эту вторую часть плохой, непродуманной, неэкономичной или затратной – ничего не сказать. Она была идиотской. Так вот, недовольство, если не сказать раздражение, «новой метлы» касалось именно ее.

Один из первых осмотров Алексеем Михайловичем терминала с моим участием был посвящен теплотрассе. Эта картина перед глазами до сих пор. Паропровод удавом лежал на монументальных бетонных опорах, весь в свисающей ключьями стекловате. Эта бесконечная труба, тянущаяся в бурьянах к порту, была украшена черт знает каким количеством хомутов в местах утечек. В зимнюю пору картину дополняли облака пара над прорывами. Алексей Михайлович был поражен бессмыслицей схемы: какой идиот придумал подавать пар от котельной к паре-тройке объектов на расстояние в 4 500 метров? И уж совсем терял дар речи, что в систему паропровода – диаметр трубы 250 миллиметров – встроили еще и трубу-обратку, по которой в котельную возвращается конденсат. Зимой с ним наиболее хлопот – за-

мерзает, рвет систему.

– Обрежьте ее к чертовой матери! – принял он радикальное решение. – С такой экономией воды мы вылетим в трубу.

В этих же полях лежал бетонный водовод – труба 1 200-миллиметрового диаметра, по ней порт подавал нам воду. И столь же монументальный канализационный коллектор. Когда-нибудь, в грядущих временах, его найдут археологи и будут терзаться в догадках: кого поил этот монстрообразный потомок акведуков? Мы от него скоро избавились от сожаления, оставив трубы земле.

Недоумение Алексея Михайловича мне было понятно. Услуги порта обходились дороже золота. Пока никто ничего всерьез не считал, взаимоотношения строились как между своими. Но отношения начали осложняться, когда «Лиман» выделился в самостоятельное предприятие. И стали критически напряженными после образования ТИСа – примерно три четверти всех своих доходов нам нужно было отдать порту за услуги.

В этом месте просто необходимо сделать отступление о советской практике проектирования. В титул «Лимана» было заложено Бог знает сколько объектов, не имевших никакого отношения к самому «Лиману». Это и строительство канализационно-насосной станции в Суворовском районе Одессы, и двадцатикилометровый водопровод к городу Южному от Днестровского водовода, жилье для сотруд-

ников будущего комплекса, рыбозаградительная станция и еще много чего. Это была обычная практика местных властей. Если планировалась важная, директивная стройка, в ее титульный лист впихивали все, что могли. И по существовавшим тогда правилам государственная комиссия не могла принять стройку, если весь перечень объектов не был выполнен. Парадокс состоял в том, что государство рухнуло, а правила остались.

Первая задача, которую нам, инженерной службе, поставил Алексей Михайлович, было отчекрыжить «портовскую пуповину» и создать автономную инфраструктуру. Реальность заданий была его стилем, поэтому он не требовал невозможного – сделать вчера, немедленно и так далее. Но поэтапность, шаг за шагом, предполагалась. Нам не нужно было пояснять важность задачи – сами понимали, что уродство инфраструктуры утянет нас на дно. Но создание своей системы жизнеобеспечения требовало средств, а их не было. Наш партнер и инвестор «Норск-Гидро» это понимал, советская размашистость его коробила, но норвежцев озаботила только ключевая проблема – станция Химическая.

Инвестор готов был открыть финансирование ремонта и развития подъездных путей. А они были в состоянии плачевном. Однажды, после ливня, Алексей Михайлович пригласил нас осмотреть Химическую. Это, к слову, было в его стиле – вместе оценивать обстановку, советоваться, принимать

решения. Увы, мы мало что увидели – пути скрылись под водой, а где вода сошла, рельсы прятались в наносах ила. К сожалению, добрыми намерениями порыв норвежской компании и закончился. Нам предстояло вычухивать ее самим.

Думаю, мало кому выпадало такое начало биографии, как ТИСу. Мы всушности были хозяевами без прав, полномочий и перспектив, если ничего не менять. Мы даже не могли формировать свой грузопоток, так как не имели необходимой техники для погрузки судов. И Алексей Михайлович начал многотрудную, упорную борьбу за самостоятельность предприятия. Это малоизвестная, полузабытая страница истории ТИСа. Прежде, чем здесь загрохотала стройка, прежде, чем предприятие ожило на удивление всем, нужно было расчистить такие конюшни, в сравнении с которыми Авгиевы кажутся приятной разминкой мышц.

Порт Южный не был к нам враждебен. Тамошние экономисты просто по-своему понимали рыночные отношения и солидарность. Они накручивали нам тарифы ровно в такой мере, в какой могли их придумать и обосновать. Их не интересовало ни наше финансовое положение, ни трудности становления. Помню, как при пояснении тарифов на воду нам предоставили выкладку – там, помимо прямых затрат, были амортизация насосов и электродвигателей, зарплата слесарей, охранников и еще много чего.

Что касается тепла, то порт определял наше потребление «на глаз». Мы предложили поставить счетчики. «Кто же про-

тив? Хотите – ставьте свои приборы», – был ответ. Правда, в порту даже не нашлось уголка, где бы их можно было поставить – мы специально для этого построили зданье, держали там оператора.

Разумеется, мы, в отличие от «Лимана», хотели не «получать», а зарабатывать. Но едва начало налаживаться дело с перегрузкой металла, как порт решил забрать свои краны с 16-го причала. Получалось, что мы опять у разбитого корыта. Но тут проявилось то качество Алексея Михайловича, которое я бы назвал умением смотреть за горизонт. Он поведение порта предусмотрел. Он вообще умел просчитывать действия партнеров, исходя не только из логики, а из царящих в их среде нравов и обычаев. Скажем, была ль необходимость порту перегонять краны обратно? Ни малейшей. Грузопотоки Южного мелели, краны в порту были обречены на простой, поэтому выгоднее было оставить их у нас и зарабатывать на лизинге, да мы ведь и не исключали, что порт продолжит перевалку металла. Но порт поступил по своему разумению, так как и должен поступать монополист, привыкший повелевать и «проучать». Порту важно было щелкнуть нас по носу, показать, кто мы и кто он. И Алексей Михайлович это предвидел. Он загодя заказал два подержанных крана в Рени. Тамошний порт, один из самых современных в стране, потерял свою роль и значение благодаря головотяпству правительства В. Пустовойтенко, его 90 кранов стояли без дела.

Быть может, главным признаком ТИСа того времени были многовекторность, одномоментность наших действий. Как сторукий Шива, мы одновременно и освобождались от зависимости от порта, и готовились сами к перегрузке, и работали над знаменитым «Контрактом № 20». Почему № 20? В нумерации нет ни последовательности договоров, ни мотивации – так придумалось, и точка. Но смысл его был важнейшим, если не определяющим: реверс комплекса фосфоритов. Теперь, спустя годы, я могу допускать, что, с инженерной точки зрения, возможно, лучше было бы строить сразу вторую очередь – экспортную. Дороже, но с большим запасом современных инженерных решений. Все же без малого десять (!) лет комплекс простоял. Но тогда единственно верным, с политическим окрасом решением была реконструкция. Да и по деньгам это было проще.

Становлению ТИСа серьезно мешала неопределенность наших отношений с инвестором – «Норск-Гидро». Человек в высшей степени дипломатичный, Алексей Михайлович в оценке партнеров был предельно корректным. И если мы, случалось, закипали, он неизменно повторял – другого партнера у нас нет, будем строить отношения с теми, кто есть. Он принимал эти «внешнеэкономические» хлопоты на себя, и я могу только догадываться, чего это ему стоило.

Одной из особенностей характера Алексея Михайловича было частое бросание курить. Так, приблизительно раз в

полгода. Причем наблюдалась интересная особенность. Начинать курить он обычно, когда все было хорошо, после успешно проведенных переговоров с партнерами, клиентами или просто после каких-либо торжеств, заканчивающихся рюмкой хорошего коньяка и приятно проведенным вечером в компании друзей. И, наоборот, бросал он курить, когда все шло из рук вон плохо, «враги» заседали, денег не было, стройка буксовала. Это было для него своего рода медитацией, помогавшей собрать в кулак волю и настроиться на борьбу. В этой связи вспоминается одна история, связанная с этой особенностью его характера. Это было пять лет назад, строительство комплекса на 18-м причале шло очень тяжело, денег не хватало, у меня на голове сидел надзиратель от Жеваго К. В., некто Филипп Лейси, у Алексея Михайловича и Олега Джумберовича шли тяжелые переговоры с Жеваго. В общем настроение – хоть вешайся. Однажды утром в наш с Олегом Романовичем прокуренный кабинет вошел Алексей Михайлович, поморщился от дыма и сказал: «Котвицкий, бросай курить, а заодно и я с тобой брошу». Я на полном автомате сказал: «Давайте», – и пока мои мозги лихорадочно искали предлог, чтобы сдаться с «базара», он уже составлял условия пари. Поскольку каждое хорошее дело обычно соображается на троих, то тут же был найден третий участник пари, им оказался подвернувшийся не вовремя под руку заядлый курильщик Иван Ильич Дорожан, а также был пристегнут в качестве арбитра Олег Романович Сологуб. Тут же

были сформулированы и условия пари. По ним, каждый из нас назначает дату дня своего «бросания», вносит арбитру денежный залог (мы с Дорожаном – 2 тыс. долларов, Алексей Михайлович – 5 тыс. долларов), не курит на постоянной основе в течение двух месяцев (при этом разрешаются единичные выкуривания сигарет при условии внесения по 200 долл. за каждую), в случае «небросания» по окончании двух месяцев залог передается на благотворительные цели в детскую музыкальную школу. Алексей Михайлович пошел к себе в кабинет, принес 5 тыс. долл., передал Олегу Романовичу, и тот вместе с бумажкой с условиями пари и нашими с Дорожаном виртуальными 4 тыс. долл. сложил все в коробочку, а коробочку спрятал в сейф. При этом, как я понял несколько позже, деньги в коробочке были неглавным. Вместе с деньгами на алтарь пари легли проверка нас на «вшивость», в плане нашей способности держать слово, честно выдерживать условия и сроки пари, а также проверка наших волевых качеств. Приблизительно через неделю он зашел к нам в кабинет, молча положил на стол Олегу Романовичу 200 долл., посмотрел проницательно на меня, сидящего с опухшими от недостатка никотина ушами, и спросил: «Что-то ты сильно хорошо выглядишь, наверно, куришь по ночам под одеялом?»

В конце концов, два месяца прошли, все мы успешно бросили курить, а Алексей Михайлович сделал то, что показало нам, что деньги в этом пари были не главным.

Он просто велел Олегу Романовичу передать его залог детской музыкальной школе. А я не курю до сих пор, за что и буду благодарен ему всю жизнь.

Я не знал тогда, что Алексей Михайлович прошел советскую, скорее нелегальную, чем открытую, школу предпринимательства, изготавливая альпинистское снаряжение. Тогда было все нельзя, но и все можно – за деньги. Теперь же было все можно, но ничего нельзя – без денег. Поэтому его свободное, без неловкости умение вести себя с чиновниками, которых нужно было не уговаривать или убеждать лозунгами, а элементарно «благодарить», сунув на лапу, меня удивляло. Мне эту школу только предстояло пройти.

Особенно тяжело шли всяческие согласования в уже упомянутом «Одесводоканале». Это сегодня, если вы придете в эту организацию и заявите, что желаете потребить два моря воды, вас будут на руках носить – чем больше вы берете, тем больше и платите. Прямая выгода. Но стояло время перемен, в которое, по Конфуцию, лучше не жить. Главным понятием был лимит. Вот вам положено два ведра и три ложки – будьте добры, укладывайтесь. Почему не больше? А потому, что «вас много, а я одна». То же самое мы проходили и в энерго-сбыте, который наблюдал, чтобы электричество расходовалось исключительно по назначению. Инструкцией строго запрещалось тратить электроэнергию на отопление и подогрев воды. Это в стране, где избыток электричества. Бдительные инспекторы следили, как расходуются лимиты. И как нам

было избавиться от почти пятикилометрового паропровода? Свою ТЭЦ строить?

Возможно, отопление было первой задачей на смекалку, которую решала наша инженерная служба. Причем, с весьма поверхностными познаниями в теплотехнике. Нужно было установить котлы и обогреть – внимание! – административный корпус, помещение охраны, столовую и несколько помещений на станции Химической. Вот ради этого при Союзе и протянули пятикилометровый паропровод. Начали мы проблему решать весной, а осенью уже жили в тепле, с горячей водой и без головной боли тревог, по которым в прежние годы поднимались ликвидировать прорывы. Более того, трубы самого ходового диаметра мы получили как дефицитный ресурс для перекладки существующих сетей и отвязки от порта. Следом возникла проблема с канализацией стоков: порт нас отсоединил от своей системы, мы решили врезаться в коллектор припортового завода. Обошлось нам это недешево, но Алексей Михайлович рассудил так: «Деньги большие, но зато никто и никогда потом не посмеет сказать, что мы на птичьих правах. Свобода всегда стоит дорого».

Конечно же, жизненно важно было организовать свою перевалку, зарабатывать, и пока не запущен терминал – на чем угодно. Было дело, мы выгружали мандарины. Случался металл – грузили металл. Отправляли в Турцию скот. Мы перебивались случайными заработками, знали цену копейке, и

думаю, это во многом научило нас в будущем быть предельно внимательными к каждому клиенту. Стивидорная компания вообще-то и должна быть всеядной, в ее специализации всегда есть опасность оказаться пленницей как собственных капитальных вложений, так и не всегда предсказуемой конъюнктуры рынка. Мы этого счастливо избежали, хотя изначально встали на путь именно узкой специализации – химических грузов.

Первый настоящий грузопоток нам дал Алексей Михайлович Федорычев. Этот человек вообще сыграл особую роль в нашей истории. Жесткий в бизнесе, умеющий работать масштабно и ценящий масштаб, живущий больше в самолете, чем в своем доме. Говорящий то ли на пяти, то ли на шести языках, кроме русского, гражданин Монако по паспорту и русский по духу, культуре и ментальности – он был для нас первым примером, если не открытием, нравственного бизнеса. Честь, а потом уже прибыль. Два Алексея Михайловича оказались людьми одной группы крови.

«Федкоминвест» поставлял нам серу, сначала комовую, потом гранулированную, поставлял сульфат аммония – это такие азотные удобрения, которые у нас считаются бросовыми, а у рачительных хозяев тоже идут в дело. Сульфат шел в контейнерах на железнодорожных платформах, их у нас крутилось 33 штуки, и потом, когда грузопоток закончился, они так и остались, запружая подъездные пути. Применение им нашлось случайно, я об этом расскажу ниже.

Само собой, чтобы перегружать товар, нужны докеры. У нас не было ни одного. Они не знали к нам дороги, так как рядом, в порту, для них всегда была работа, там была сложившаяся десятилетиями традиция льгот и гарантий.

Считалось, что там рабочий – это звучит гордо, что он проходит как хозяин, а у нас хозяин буржуин, эксплуататор, которому прибыль застит глаза.

У нас на 16-м причале работали откомандированные докеры Южного – бригада Сергея Аникина. Уговаривали ее перейти к нам все – и Алексей Михайлович в том числе. Но думаю, вряд ли уговоры закончились бы успешно без Сергея Аникина, в то время работавшего бригадиром портовых докеров. В последствии к нам перешел и Алексей Лукич Гладушевский, который был откомандирован портом на 16-й причал начальником грузового района. Один из лучших специалистов-эксплуатационников, он проработал в порту около 20 лет. Это важно сказать, так как именно с этого момента началось создание рабочего коллектива ТИСа. Иначе – никак. Начинать самостоятельную перевалку и не иметь своего рабочего коллектива невозможно.

Мы все прекрасно понимали, что набрать квалифицированных специалистов вряд ли удастся. Квалифицированные всегда устроены, им цена особая. И, благодаря во многом Алексею Гладушевскому, мы через учебно-курсовой комбинат порта начали готовить свои кадры. Порт – спасибо ему –

поступил по-товарищески, и скоро у нас появилась своя красная группа, формировались необходимые для нормальной работы все службы и подразделения.

К слову, именно тогда мы поняли, что нужно создавать свою школу подготовки кадров – система профтехобразования уже была погублена, 1996–1997 годы мы прожили в небывалом напряжении. Реверс был у всех на слуху, все удачи и неудачи воспринимались как дело личное. Да, собственно говоря, так оно и было – не удастся пустить импортно-экспортную линию, у нас перспектива нулевая. ТИС, казалось, вот-вот или надорвется, или возьмет рекордный вес. 13 мая 1998 года я запомню навсегда – к 17-му причалу встал первый теплоход под погрузку. Экспортная линия начала работать. Это сказать просто – начала работать. На самом деле все были напряжены до предела, так как теория и практика иногда конфликтуют до смерти, и неизвестно, так ли все будет крутиться, как задумано. Конечно, мелкие недоделки вылезали на каждом шагу, но в целом линия работала надежно. Интенсивность погрузки судов была 500–600 тонн, что далеко от рекорда, но мы все понимали – это ученическая стадия. Что оказалось правдой – теперь мы грузим в десятки раз больше. Думаю, по производительности погрузки ТИС опережает все родственные терминалы в стране.

Как в жизни любого человека есть значимые, поворотные события, так они были и на ТИСе. После того, как порт Южный забрал свои краны, мы купили себе два крана в порту

Рени. Демонтаж машин был не так сложен, как перевозка сначала по Дунаю, потом морем. После этого у нас не просто стало на две единицы механизации больше. Портальный кран – оборудование достаточно сложное, я бы даже сказал, что каждый кран со своим характером. Крановое хозяйство требует своей службы, кадров и продуманной загрузки. Алексей Михайлович это прекрасно понимал. В кадровой работе была особенность. По характеру, по ментальности все мы были продуктом советской школы воспитания. Я сейчас оставляю в стороне рассуждения, хорошая это была школа или плохая.

Проблема была в том, что нам нужна была иная школа – рыночная, без ложных ориентиров и совкового пафоса, когда на собраниях все дружно осуждали расхитителей социалистической собственности, а после собрания так же дружно тырили доски или цемент. Для инженерно-технического, управленческого персонала новые подходы к работе осложнялись еще и тем, что рыночные отношения требовали мобильности, оперативности, умения быстро реагировать на вызовы рынка.

Государственная машина тяжела, ее маховик раскручивается долго и имеет большую инерционную силу. Вот, к примеру, если бы порт начал, как мы в свое время, принимать комовую серу, он бы к ней сначала притерпелся, потом сроднился и грузил бы, пока есть грузопоток. Мы, несмотря на

то, что серу отправлял наш инвестор, не скрывали, что груз вынужденный. Мы начали ее принимать потому, что Мариупольский порт замерз и стоял – первое, потому что у нас много грузопотока не было – второе. Мы не скрывали от инвестора и поставщика, что могли бы принимать серу гранулированную – скорость ее перевалки в пять-шесть раз выше, но с комовой наш союз временный.

Нам не нужно было ни у кого спрашивать разрешения, ни у кого согласовывать свои грузопотоки. Выгодно – работаем.

И теперь мы подошли к главному, определяющему моменту в строительстве тисовского коллектива. Алексей Михайлович не только создавал совершенно новую систему управления. В этой системе решения вырабатывались и принимались сообща. Каждый руководитель службы должен был думать, как будет выполнять решение, как организовать работу, расставить людей и пр. Но эти правильные и понятные истины должны были иметь фундамент – систему оплаты труда. Такой системы с «белой бухгалтерией», с прозрачными и понятными критериями оплаты труда в отрасли не было. Мы ее создавали, исходя из простого и понятного правила – каждый должен получать столько денег, сколько стараний и труда вложил в деятельность предприятия. На деле это выглядит так.

Каждый работник ТИСа имеет в своей зарплате незыбле-

мую базу – тариф. А прибавка к нему зависит от перевалки грузов. Это правило для всех. Кроме количественных показателей, оплата зависит от многих условий. Это и соблюдение норм безопасности, и качество переработки грузов, и сохранность оборудования, и дисциплина. Свою систему оплаты мы отработывали не один месяц, тщательно взвешивали, так как понимали – менять принципы оплаты труда нельзя. Всякий раз в порту или на заводе, когда возникала идея – как правило, по указанию сверху – пересматривать нормы и тарифы, все рабочие были уверены, что их надурят. И их дурили, полагая, что рост зарплаты – из общесоветского достатка.

На ТИСе на наши поиски рабочие тоже смотрели сначала с подозрением. Мы не разубеждали их, а задавали встречный вопрос: как было бы по справедливости? И это ключевое слово – справедливость – и стало мостиком взаимопонимания. Что сегодня спрашивают рядовые рабочие, приходя на смену? Сколько вагонов на подходе, на сколько загружен трюм судна, какие проблемы могут возникнуть? Иными словами, мы включили инициативу рабочих в процесс производства. И если в конце девяностых ТИС перегружал миллион тонн с небольшим, а сегодня преодолел рубеж 17 миллионов тонн, то соответственно интенсификации производства росла и заработная плата. И еще очень важное обстоятельство.

Алексей Михайлович всегда ценил труд рабочего, но знал

и настоящую цену толковому инженеру, толковому организатору производства. Поэтому уравниловки у нас никогда не было, каждый инженер получал зарплату, перефразируя советский принцип, по своему уму.

Подбором и созданием рабочих подразделений занимались непосредственно руководители на местах – это естественно. А вот управление было исключительно заботой Алексея Михайловича. Если искать сравнение, то это было похоже на то, как формируется садовое пространство. Именно пространство, в котором вдумчиво подобраны сорта, чередуются или соседствуют косточковые и семечковые, к месту высажен куст шиповника или разбита клумба роз. Все вместе, в сочетании дает не только пользу, прибыль, которая и есть главным предназначением сада и по которой оценивают работу садовника, но и гармонию. С налету, с наскоку эту особенность тисовского коллектива не увидеть. Но каждый, кто знакомился с ТИСом обстоятельнее, отмечал именно его гармоничность. Алексей Михайлович отбирал свои «саженцы» поштучно, внимательно, непременно учитывая, как они будут сочетаться с соседями. Наверное, этим поясняется, что, как правило, у нас сложилась естественная, определяемая жизненными условиями и проблемами текущей кадровой.

Думаю, Алексей Михайлович нашел также единственно правильное и весьма оригинальное решение проблемы ка-

рьерного роста для замкнутого социального пространства – компания, безусловно, пространство замкнутое. Оно заключается не в том, как называется твоя должность, а что ты делаешь. Если в обычном коллективе карьерный рост означает продвижение от рядового инженера к старшему, от старшего к еще более старшему, что предопределяет известное соперничество, напряжение в отношениях, то в ТИСе карьера делается иначе. Реализация способностей, идей или предложений не ограничена должностью. Цена руководителей служб и подразделений, в первую очередь, определяется умением раскрыть способность, творческое начало специалиста. Если упростить, то Петренко на ТИСе получает возможность работать именно Петренко, делать то, что не сумеет делать никто другой. Именно это и создает необходимую атмосферу творчества, поиска оригинальных, неожиданных решений, которыми мы не раз и удивляли, и озадачивали своих друзей, конкурентов и, увы, противников.

Теперь много и велеречиво рассуждают о «социальных лифтах», которые худо-бедно сложились и работали при советской власти и исчезли, как дым, в современных условиях. Вот то, о чем я сейчас говорю, и есть система социальных лифтов в масштабах одной компании. Наша система воспитания, обучения кадров дает возможность каждому толковому рабочему остаться рабочим и много зарабатывать, дает возможность учиться и расти по службе, позволяет рассчитывать на помощь предприятия в учебе детей, лечении,

оздоровлении и так далее. Когда наши, мягко говоря, оппоненты блокировали развитие компании, они не только блокировали тем создание рабочих мест, но и заставляли «зависать» социальные лифты.

Я ни разу не видел Алексея Михайловича, склонившегося над технологической схемой или чертежом и думающего, как Чапай, свою конструкторскую думу: куда здание посадить, где резервную технологию заложить и пр. Тем не менее, он был блестящим стратегом, тонко, интуитивно ловящим нюансы географического положения предприятия, его места в транспортной системе Украины, вибрации рынка. Быть может, самый яркий тому пример – зерновой терминал.

После реконструкции первой очереди комплекса фосфоритов мы прочно заняли на рынке место специализированного предприятия по перевалке химических грузов. Об опасностях такого выбора я говорил выше, но понял гораздо позднее. В первый год работы, в 1998-м, мы перевалили всего около полумиллиона тонн. Но потом темпы начали нарастать стремительно. Хочу сразу внести ясность: мы не только работали «к морю», но и пусть и немного, но принимали импортные потоки. В том числе были и фосфориты, и ильменит. С последним вообще складывалась ситуация парадоксальная – свой, украинский ильменит мы экспортировали, а для «Крымского титана» закупали за границей. Технология крымчан была ориентирована на чужое сырье, а уж как это получилось – вопрос не нам.

Едва мы перевалили за миллион тонн, стало ясно, что на 17-м причале нам скоро станет тесно, что возникнут заторы на станции разгрузки вагонов. И мы начали строить новый склад на 16-м, новую станцию разгрузки. Строили быстро, и это, пожалуй, был самый безоблачный такой наш период. Конкуренты с существованием ТИСа смирились, власть благоволила, так как ее доля собственности все еще оставалась определяющей – 52 процента, она получала свои дивиденды и нас не беспокоила. Алексей Михайлович откровенно радовался темпам, после каждой отлучки, а командировки у него случались часто, он всегда с аэропорта ехал не домой, а на стройку. Причем, не осматривал ее издали, а заглядывал во все уголки, вникал в детали, особо его беспокоила новая станция. А если конкретно – сможет ли конвейерная линия, рассчитанная под удобрения, быть универсальной. Это мы проходили раньше, на первой очереди, конечно же, сможет.

В одно из таких возвращений, уже ближе к вечеру, мы пошли с Алексеем Михайловичем на строящуюся станцию разгрузки вагонов (СРВ), пока что это был только котлован с бетонными балками перекрытия. Он по обыкновению побеседовал со строителями, которые опять-таки по обыкновению на что-нибудь да пожалуются, а потом пошел по балке над котлованом. Высоты там было метров восемь, но он перемещался ловко и уверенно. То-то – альпинистская школа, подумал я. Но все же под сердцем екало и ненапрасно. В ка-

кое-то мгновение он оступился и полетел вниз.

Как я слетел на дно котлована – не помню. Помню только, как обмяк, когда увидел, что Алексей Михайлович поднимается на ноги. На бетонном полу, утыканном торчащей арматурой, было единственное пятно без этого смертоносного железа, и именно в пятно он угодил. Скорее с изумлением и интересом, чем с испугом, он смотрел вверх, откуда только что слетел, и потирал ушибленный бок. Онемевшие от происшествия рабочие стояли соляными столбами. Утром следующего дня один из них принес Алексею Михайловичу в кабинет часы, их сорвала в полете с запястья арматура. Очевидно, у Господа еще были на него свои планы.

Во время стройки на 16-м причале, а она была в разгаре и приближалась к экватору, он совершенно неожиданно предложил перепрофилировать терминал на зерновой. Технически это было несложно. Поэтому строили мы под химические грузы, но имея замысел изменить назначение. Это решение было определено интуицией, пониманием макроэкономики, но, помимо всего прочего, и решало дальнейшую судьбу ТИСа – мы уходили от узкой специализации. В дальнейшем мы будем развиваться уже не как терминал или комплекс, а как Земля терминалов.

Уменьшать грузопоток минудобрений, между тем, мы тоже не собирались, поэтому рядом с действующим химическим складом начали сооружать новый. Мы поняли дав-

но, что склады – наша фишка, именно это привлекало наших клиентов. Они отправляли удобрения партиями, не забываясь, когда придет судно. Не скажу, что клиентская база складывалась легко и просто. Тут технические возможности – одно, а доверие к партнеру – совсем другое. Нас никто на рынке не знал, владельцы грузов должны были убедиться в нашей надежности и порядочности, что груз не будет испорчен, вовремя уйдет по адресу.

Я сейчас ловлю себя на том, что, рассказывая об Алексее Михайловиче в «картинках ТИСа», вроде как открываю матрешку. Снял половинку фигуры, а там дальше новая. Но иначе и не получится. История развития мощностей непременно предполагает рассказ о строительстве авторитета, действующих лицах в предлагаемых обстоятельствах, о репутации компании.

В конце 99-го на Одесском морском вокзале была выставка, организованная журналом «Судоходство», само собой, посвященная морским перевозкам. Мы в ней участвовали, едва ли не впервые показывая себя людям. Своими силами сделали документальный фильм, его снимал Сергей Карпов, покружив на пределе потери сознания от боязни высоты на дельтаплане над лиманом, чтобы показать наши возможности и перспективы с высоты. Главным образом, организующей весь материал деталью в этой ленте был одинокий и беззащитный цветок на потрескавшейся от жажды земле. Ки-

но наше крутилось непрерывно, цветочек привлекал. Возле него подолгу задерживались посетители, узнавая, что есть такой терминал – ТИС. Наскоро сделанный буклетик брали скорее на всякий случай, чем из возникшего интереса. Обсуждая участие в выставке, Алексей Михайлович скажет, что, если мы не расскажем все хорошее о себе сами, другие о наших достоинствах промолчат, а недостатки и минусы поведают всему миру недруги. Так родилась идея «Одесского коллоквиума» – ежегодного собрания-встречи производителей, трейдеров и перегружателей минеральных удобрений.

Мы не были компанией с пухлым кошельком, но Алексей Михайлович знал, где нет смысла экономить. Мы размещали гостей за свой счет в гостинице, конференцию с докладами и непременно изданием материалов проводили на камаране «Хаджибей», на пути от Одессы до ТИСа. Гостям преподносили терминал действующий и будущий – тем более, что стройка грохотала, сведущим людям это говорило многое. Личное общение растапливало ледок отчуждения и недоверия, к нам появлялось не только любопытство, но и интерес.

Мы не предусматривали в «ОК» это обстоятельство, но как раз в коллоквиумских встречах вроде невзначай, между прочим коллеги возвращали нас к конфликту с «Норск-Гидро», спрашивали, слушали, взвешивали. И здесь, на терминале, как у рельефной карты местности, мы показывали, что мы отстаивали, против чего выступали. Работающий

терминал был лучшим доказательством нашей правоты. Думаю, «Одесский коллоквиум» сыграл свою роль в становлении нашего грузопотока. Потом у нас была попытка делать такие встречи вскладчину, все же для молодой компании такое мероприятие было накладным. Но кто же знает, когда мы начнем объединяться?

Не удалось нам также создать с участием ТИСа какую-то конфедерацию по продаже удобрений на внутреннем рынке, хотя вроде все складывалось благополучно. Мы закупили технику для фасовки удобрений, потратили уйму времени на организацию процесса, но не пошло. К сожалению? К счастью? Не знаю. Рынок не только непрогнозируем, но часто и мистически непредсказуем. Алексей Михайлович понял это раньше многих из нас и успокоил расстроенных – не потеряли свое, и слава Богу. Так у нас в свое время не пошла сельскохозяйственная программа – было намерение закупить почвообрабатывающую и зерноуборочную технику, село остро нуждалось в услугах, которые некогда оказывали МТС. Казалось, что условия для возрождения таких станций идеальные. А не пошло – и все.

Алексей Михайлович умел воспринимать такие неудачи философически и, что особо показательно, без поиска виноватых.

Он знал цену учебы на чужих и на своих ошибках, но также знал, что, если сотрудника, как котенка, регулярно тыкать носом в ошибки, инициативности в работе поубавится.

Конечно же, мы понимали, что новому конкуренту на зерновом рынке аплодировать не будут. Но истерия, возникшая после пуска терминала, превзошла не только ожидания, но и разумные пределы. Меня, честно говоря, не удивило поведение одесских железнодорожников. Их начальник был, если помягче, нашим «классовым врагом». Частное предпринимательство дразнило его, как индюка красная тряпка. Но вот чтобы государственные структуры, понимающие необходимость развития экспортных зерновых мощностей, встали на дыбы – это была реакция неожиданная. Из чего следовало, что мы избрали правильное направление, составляем конкуренцию для близких сердцу чиновников компаний. Таким образом, по мнению Алексея Михайловича, нужно было организовать такой грузопоток, на который у чиновников бы рот не открылся. И похоже, такая перспектива намечалась – благодаря Алексею Михайловичу Федорычеву. Он намеревался доставлять на ТИС баржами зерно из российского Усть-Донца. А чтобы они не создавали помех возле зернового причала, мы решили реконструировать специально для отстоя речных барж с зерном и судов 15-й причал. Для укрепления тела причала и были использованы те самые железнодорожные платформы, на которых к нам поступал сульфат аммония и которые зря теперь занимали место на путях.

По какой причине – не знаю, но баржевая зерновая программа Федорычева не пошла. Но аппетит уже разгорелся, и мы решили увеличить зерновой поток, организовав прием

автотранспорта. Для торговцев зерном это был выход – с то-ка, если вообще не из поля, хлеб шел к нам, минуя склади-рование, без затрат на хранение и обработку. При остром де-фиците внутриземельных элеваторов это был выход. Опус-каю, что творили на дорогах гаишники, присвоив себе все права карантинных служб – на то они и гаишники. Большой проблемой было создать такие условия для автопоездов, что-бы они не стояли подолгу в очереди. Для этого нужна была совершенно иная технология с контрольными замерами на сортность и влажность, с взвешиванием – сельские «мудре-цы» норовили то залить запасные баки под горячее водой, то подсыпать камней в зерно, но скоро убедились – на их хит-рости есть наша смекалка. И главное – нужно было создать технологию быстрой выгрузки. Не скажу, что мы все задачи решили, но около 700 автопоездов в сутки все принимаем.

15-й причал был рассчитан и построен своими силами. Опыт тем более ценный, что начиналась новая страница ТИ-Са – причального строительства. Без всякого преувеличения – она была и еще надолго останется самой яркой в морской истории Украины. Все вместе украинские порты не построи-ли столько причалов, как ТИС. Причем, мы строили их с глу-бинами для океанских кораблей – до 15–17 метров осадки. Это значит, что у наших терминалов «панамаксы» и контей-неровозы могут грузиться по ватерлинию, тогда как в других портах их традиционно догружают на рейде.

У каждого из пяти новых причалов по-своему интересные и разные биографии. Общее – что их крестным отцом и повивальной бабкой одновременно был Алексей Михайлович. У него была замечательная черта – он не знал таких слов, как нельзя, невозможно, безвыходная ситуация и прочая. Он говорил – думайте. Думайте и предлагайте решение.

Думать надо было быстро. Как инженер, я могу утверждать, что у нынешнего ТИСа есть запас прочности как минимум лет на 50–70. Это немало, если учитывать стремительное развитие и портовой механизации, и технологий морских перевозок. Как и десять тысяч лет назад, водные пути еще долго будут оставаться самыми экономичными и скоростными. Но помимо физической прочности и технической надежности, Алексей Михайлович заложил при создании ТИСа еще один параметр, который является важнейшим для успеха. Это – публичность. Ее синоним – открытость для всех участников рынка. Поясню важность этого обстоятельства на примере.

Все участники общества входили в него через инвестиционные программы. Возможно, повторю это еще раз, главную роль среди них сыграл Алексей Михайлович Федорычев. Но при этом у него нет никаких приоритетов по отправке грузов от причалов ТИСа. Если есть очередь, к примеру, на отправку минеральных удобрений, он будет стоять в этой очереди наравне со всеми. Это сто раз обсуждено, проговорено и предусмотрено во всех договорах. Мы никого не ще-

мим на рынке, следовательно, не создаем кому-либо конкурентных преимуществ перед партнерами.

К нашему принципу публичности у многих коллег был известный скепсис. «То есть вы хотите сказать, что бизнесмен вложился в строительство, к примеру, угольного терминала и не имеет права первоочередной отправки угля? И без скидки для себя?» – уточняли они. Мы подтверждали. И знали, каким будет следующий вопрос – зачем тогда инвестировать. И ответ у нас был готов – чтобы и сформировать полную собственную транспортную цепь, и зарабатывать на перевалке грузов. Мы, как терминал, в отличие от наших клиентов, производим не товары, а услуги. Чем больше ТИС заработает на перевалке, тем выгоднее инвестору, вложившему деньги в предприятие.

Традиция льгот, скидок и привилегий, намертво укоренившаяся в государственных портах, есть отрыжкой совковых, если не сказать барских принципов. Хочу – казнь, хочу – милую. Для Алексея Михайловича, люто ненавидевшего совковость во всех проявлениях, публичность ТИСа была еще нравственным правилом, а скидки он рассматривал исключительно как инструмент привлечения интересных грузопотоков. Он признавал свободу как абсолютную ценность.

Его идея публичности в работе органично сочеталась с естественным, от нутра идущим демократизмом в одежде, в общении, в стиле руководства. Казалось бы, такое большое и сложное предприятие, как ТИС, требует жесткой руки, бес-

прекословного подчинения, что, если без обиняков, называется авторитаризмом. Именно так управляется большинство компаний, и наши коллеги из таких компаний с немалым удивлением наблюдали за нашими взаимоотношениями с Алексеем Михайловичем. Они никогда не были панибратскими, дисциплина, дистанция даже и четкое выполнение его поручений были нерушимой нормой. И вместе с тем между нами и Алексеем Михайловичем не было, условно говоря, даже тончайшей перегородки. Он был всегда наш и с нами. Если кто-то, вольно или невольно, нарушал эти общечеловеческие принципы равенства в отношениях, он удивленно поднимал брови – ни распеканий, ни выволочки, ни предупреждений. Он удивлялся, что это сделал человек, в которого он поверил. И лучше было бы впредь подобной оплошности не допускать. Алексей Михайлович чрезвычайно ценил профессионализм работников, деловую хватку. Но эти качества для него ничего не стоили, если в них не было нравственной основы. Дело давнее и призабытое, но однажды он так поднял брови, глядя и на меня.

Виктор, водитель моего служебного автомобиля, по каким-то семейным причинам ушел из дому. Со съемными квартирами тогда было непросто, и он несколько ночей ночевал в шоферской комнате. Я об этом знал, но постеснялся беспокоить Алексея Михайловича, чтобы его определили в гостиницу, где мы арендовали несколько номеров на случай неожиданных гостей. Но как-то вечером Алексей Михайлович увидел Виктора в шоферской и поинтересовался, почему тот так поздно на работе. Выслушал. Сказал – это не дело. И велел утром зайти к нему и взять направление в гостиницу. Но как раз утром ситуация разрешилась, необходимость в гостинице отпала. Водитель мне об этом сказал, а беспокоить по мелочам Алексея Михайловича постеснялся. Это он

так считал – по мелочам. В отличие от Алексея Михайловича, который не забыл спросить у меня, как это получилось, что водитель – без крова.

У нас в рабочем кабинете стоит портрет Алексея Михайловича последних месяцев его жизни. Иногда, глядя на него, я ловлю себя на мысли, что он лишь отчасти напоминает того молодого, ладного и крепко сбитого мужчину, который появился на терминале в Бог знает каком далеком девяносто третьем. Впрочем, себя на снимках тех лет я тоже узнаю с изумлением. В окне все того же горчичного цвета крыша склада, но я знаю, что в обе стороны от административного здания не пустынное пространство, а мощное, не знающее ни минуты покоя производство. Его можно оценивать по-разному. Например, создать какой-то энергетический эквивалент, потом вычесть его из портрета Алексея Михайловича и получить изображение молодого энергичного мужчины, идущего по краю лимана, по земле, которая безвидна и пуста, которая могла такой и остаться, а превратилась в землю терминалов – Землю Alta.

«Вершина!», лето 2010 года

Хобарт Эрл

Заслуженный артист Украины, художественный руководитель и главный дирижер Национального одесского филармонического оркестра.

Мы познакомились с Алексеем у доктора Авербуха. Леонид Григорьевич был активным членом Клуба друзей симфонического оркестра, накануне мы вместе летали в Вену на благотворительный концерт в пользу ликвидаторов Чернобыльской катастрофы. Встреча была случайностью. К счастью, оба мы заглянули к Леониду Григорьевичу не по причине болезни.

Год по календарю был 93-й, который у многих справедливо ассоциировался с одноименным романом Гюго, симфонический оркестр Одесской филармонии, в котором я служил главным дирижером, в действительность 93-го не вписывался. Мы выживали, как могли и как умели. Спасательным кругом для нас был Клуб друзей оркестра. Я пытался создать его по образу западных клубов. Клуб должен был объединить не политиков, не чиновников, а именно друзей. Он должен был создавать вокруг оркестра социальную среду, привлекательную атмосферу. Взносы или даже помощь я считал делом второстепенным, важно, чтобы Одесса почувствовала, поняла нужность оркестра. К слову, взносы были весьма умеренные, и мы их расходовали в основном на билеты для членов Клуба на наши концерты да на ежемесячные собрания с ужином в Лондонской или Красной.

Алексей наши выступления пропускал редко. Что он в прошлом музыкант, я не знал, да и вообще о нем знал мало, предприниматель как предприниматель. Не помню уж кто, кажется, что все тот же Л. Авербух сказал мне, что Алек-

сей знаком с Эдуардом Гурвицем, которого только-только избрали мэром. Гурвиц в то время активно развивал побратимские связи Одессы, и я подумал, что филармонический оркестр мог бы способствовать этому, так как мы часто гастролировали, и на наших концертах, как правило, бывали высокопоставленные чиновники. Я зашел к Алексею в офис его предприятия, оно называлось «Эверест», занимавший подвал на Екатерининской. Прямо скажем, особой респектабельностью подвал не отличался. Он договорился о моей встрече с мэром, но и сам поинтересовался нашими планами. Мы собирались в очередной раз на гастроли в Австралию, в губернский город Перт на крайнем западе острова. Край этот чрезвычайно богат, он отрезан от обжитого востока островного государства двумя пустынями и немалым расстоянием. Перт роднит с Одессой то, что его жители тоже считают себя не первым городом в стране, но и не вторым.

Гурвиц как-то скептически отнесся к установлению дружеских связей с Пертом. Он считал, что Одесса достойна побратимства только со столицами.

Наши отношения с Пертом развивались независимо от этой идеи. Мы гастролировали на площадке, где в разное время гостили Лондонский и Будапештский, Чикагский и Израильский симфонические оркестры, Берлинская филармония. В тот раз, когда одесский мэр с кислой миной отверг наше предложение, нас принимали особо хорошо. Мы были в городе первым оркестром из Украины, «Весну священную»

Стравинского наградили особо теплым приемом. Местное правительство с интересом расспрашивало нас о нашей стране, об Одессе. Я потом рассказывал об этом Алексею, и он только развел руками...

Вот с этой «неудачи» с несостоявшимся побратимством Одессы и Перта и началось наше сближение. Меня впечатлило, что Алексей очень интересовался современной музыкой. И когда мы в опере играли Мирослава Скорика – диптих для струнных с джазовыми интонациями, – я убедился, что это не обычный слушатель, а человек, глубоко чувствующий музыку. Считается, что в современной музыке мало кто разбирается. Мы с Алексеем оказались единомышленниками в том, что в ней разбираться и не надо – нужно просто слушать. Современная музыка – часть большого мира музыки, она всегда кому-то нравилась, кому-то – нет. Это нормально. Что хорошо и талантливо, мир музыки примет без оценки зрителей и критиков.

Было время, когда мы с Алексеем встречались довольно часто, всерьез обсуждали проблему благотворительности в Украине. А это действительно проблема, и она не менее значима, чем внедрение новейших технологий. Вся история доказывает, что искусство коллективное, исполнительское всегда зависело от благотворительности. И Алексей подсказал мне верное направление для поддержки оркестра – создание Благотворительного фонда. Мы зарегистрировали его августе 1995-го в Америке, и я думаю, что без него судьба на-

шего оркестра была бы плачевной, мы вряд ли выдержали бы испытания нуждой до часа, когда получили звание Национального.

Из тех встреч с Алексеем мне особо запомнилась одна, совершенно не имеющая отношения ни к бизнесу, ни к музыке. Мы собирались на какой-то спектакль в театр Водяного, приехали туда заранее, и дети затеяли играть в футбол на площадке перед театром. Мой младший, Павлик, играл против Алексея Михайловича, хлопец он тренированный и азартный и никак не считался с возрастом партнера. Я все порывался ему намекнуть, чтобы он не особо усердствовал, но игра потихоньку выровнялась, казалось, что Алексей вспомнил давнее умение владеть мячом и гонял не менее азартно, чем ребята.

Но в игре и в поведении Алексея проглянулась ранее невидимая мною черта – его какое-то трепетное, ласковое отношение к детям.

Согласитесь, что футбол – игра гладиаторская, там места нежности нет. И тем не менее, он с ними играл, как играют львы с детенышами.

Получить статус благотворительного фонда в США весьма непросто, нужно собрать гору документов, создать обширный устав и пр. То есть провести огромную юридическую работу. Алексей поручил выполнить ее юристам ТИСа, предоставил для Фонда свой адрес и стал одним из пяти его

учредителей. Я не скажу, что круг благотворителей широк, это около 25 предприятий, возможности которых меняются в зависимости от политической погоды, что не характерно для Старого и Нового света.

Однажды я рассказал Алексею, что такое благотворительность по-американски. В США, как известно, аристократии никогда не было. В отличие от Европы и России, где аристократия была матерью искусств. Кто был бы Вагнер без короля Людвига II или Гайдн без Эстерхази? В Америке создавалась иная традиция. Она старше, чем само государство. Мой университет в Принстоне создал накопительный фонд для поддержки искусств в 1760 году. Поступающие в него средства не тратят, как это делаем мы. Эти деньги пускают в оборот, вкладывают в привлекательные проекты и таким образом зарабатывают деньги для благотворительности. Тратится только прибыль. Таких накопительных фондов множество. В них аккумулируются огромные средства. К примеру, в Нью-Йоркской филармонии на счету около 15 миллионов, в университетах Бостона и Гарварда в пять-десять раз больше. Можно содержать хоть сто оркестров, если они этого стоят. Каждый выпускник университета, став на ноги, считает долгом чести внести хоть какую-то сумму в фонд своей альма-матер. Считается неприличным не внести пожертвование, хотя, разумеется, никто этот процесс не отслеживает.

Алексей меня внимательно слушал. Он, к слову сказать, вообще был очень хорошим слушателем.

– Есть ли у тебя друзья, единомышленники или соратники, которые могли бы запустить этот процесс в Украине? – спросил я.

– У меня таких друзей и соратников нет, – ответил он без раздумий.

«У нас в стране не смоделирована, не востребована обществом нравственная потребность помощи другому человеку. У нас людей, готовых к пожертвованию, так мало, что это еще хуже, чем бы их не было вообще».

Эти слова меня поразили. Я долго размышлял: почему хуже, чем бы вообще не было? Хуже потому, что общество знает и понимает необходимость благотворительности, помощи нуждающемуся, оно видит такие примеры – и ничего. Это свидетельство нравственного нездоровья, порожденного социальными катаклизмами XX века, прерванностью традиции, отрицанием христианских ценностей. Алексей был из тех, кто пытается восстановить связь времен. Я высоко оценил его приглашение дать концерт симфонической музыки в селе, которое он добровольно взялся вытаскивать из совкового средневековья. Казалось бы, зачем Визирке наше музицирование, селянам бы – паек с гречкой и куском сала, дорогу отремонтировать или освещение поправить. Но он понимал, что традиция начинается с духовного возрождения, что кристалл не образуется, если не создать насыщенный раствор.

Концерт был приурочен к открытию новой школы, построенной и оборудованной ТИСом на уровне требований информационного века – с компьютерными классами, с интернетом, современной мебелью и какими-то особыми школьными досками. Алексей этой школе-обновке радовался так, будто это ему предстояло там учиться. И мне почему-то вспомнилась давняя игра в мяч перед театром музыкальной комедии, и я понял, в чем было ее обаяние – в любви Алексея к детям. Это качество – из редких...

Анатолий Римко

(отец Анатолий)

После духовной академии моя священническая жизнь была наполнена печалью и страданиями – я получил послушание в храм Святителя Димитрия Ростовского, который расположен на Втором Христианском кладбище. Туда с радостью не приходят. И миссия священника не ограничивается отпеванием и проповедью, еще нужно и найти слова утешения для родных и близких ушедшего от нас, тем более, если смерть настигала человека прежде времени. А годы были – «лихие девяностые». Только, по моему разумению, лихости в них было на грош, а лиха – через край.

Тем ценнее и интереснее для меня были рассказы ма-тушки о своей работе. Елена, получив образование на романо-германском факультете, работала в туристическом агентстве. Там она познакомилась, а потом и подружилась с Аллой Виссарионовной. Хотя в слове дружба здесь и нет традиционного смысла. Это скорее были теплые, духовные отношения старшей, мудрой женщины и матери и молодой девушки. Вот от своей Елены я и услышал об Алексее Михайловиче. Ни его фамилия, ни созданная им компания «Эверест» мне ни о чем не говорили. Личное знакомство состоялось несколько позже.

Существует некий стереотип интереса светского человека к человеку нашего, духовного сословия. Он проявляется в стандартных вопросах, преимущественно поверхностных, реже – в стремлении постичь богословские истины. Алексей Михайлович, казалось, пропустил мимо ушей, и кто я есть,

и где несу послушание. Мы с Еленой были для него и Аллы Виссарионовны, прежде всего, молодой, только вступившей в жизнь семьей. В их стремлении помочь нам, что всегда проявлялось тонко и естественно, было знание и понимание – на личном опыте – тех проблем, которые испытывает каждая молодая семья. Время от времени Алексей Михайлович позванивал мне, предлагая посидеть за чашкой чая, приглашал нас с матушкой к себе домой. Алексей Михайлович рассказывал мне о нравах и проблемах в мире бизнеса. Сознаюсь, что я не совсем понимал, зачем Алексей Михайлович так откровенно рассказывает мне о своем мире. Почему не пытается заглянуть в наш, достаточно закрытый мир церковной жизни? И только позже понял – он хотел, чтобы я раскрыл его сам, потому что он по-настоящему интересовался и религией, и духовными практиками церкви.

Когда мы сблизимся больше, я стану видеть Алексея Михайловича на своих проповедях. Увы, случались неизбежные встречи в храме и по более печальным поводам. Я видел, как тяжело переживает Алексей Михайлович до срока оборвавшиеся жизни своих товарищей, а в девяностые эти трагедии шли чередой. Но не только переживает. Он всегда был участлив к родным и близким погибших и не только в день похорон. Год за годом он материально помогал женам, детям и матерям своих ушедших друзей, опекал их, не жалея душевного тепла.

Религия всегда и везде присутствует в жизни любого че-

ловека. Тем более в жизни человека с тонкой душевной организацией, которая была у Алексея Михайловича. А он прекрасно знал и любил литературу, поэзию, музыку, историю искусств. От него я узнавал о литературных новинках, о новомодных веяниях в исторической науке.

Не скажу, что в духовной семинарии, а потом и в академии, мы зубрили только канонические тексты, но это был тот случай, когда нужно было стараться, чтобы быть на уровне собеседника. Этому способствовал общий интерес к чтению. Через работавший тогда в Литературном музее «Остров сокровищ» мы получали книжные новинки почти со всего постсоветского пространства. Потом Алексей Михайлович, с головой погрузившись в производственные хлопоты, перепоручил заказ книжек мне.

Алексей Михайлович никогда ни разу не заговорил о своем религиозном чувстве. Думаю, оно было, но он его не демонстрировал, в отличие от меня. Как священнику мне полагается совершать такую демонстрацию ежедневно и ежечасно. Но истинность веры, как мы все понимаем, не в демонстрации, а в глубине, в понимании врожденной и присущей каждому человеку религиозности, независимо от конфессиональной принадлежности или даже конфессиональной среды.

Исподволь, через немалое время после знакомства, мы подошли к разговорам, а если точнее – к рассуждениям на все-

гда всех волнующие темы о душе, о вечности, о Боге. Алексей Михайлович был тонким мастером построения таких диалогов. Он сначала предлагал мне прочитать какой-либо текст, говоря, что ему было бы интересно знать «мнение ортодоксальной церкви и ваше мнение». На что я всегда отвечал, что, если у священника его мнение не совпадает с мнением его церкви, то он должен «уйти на покой». «Хорошо, тогда меня интересовало бы ваше частное богословское мнение, – парировал он. – Будем считать это обсуждением проблемы на занятиях в семинарии». Я же действительно, как кандидат богословских наук, параллельно с послушанием в кладбищенском храме Димитрия Ростовского читал лекции в семинарии, Алексей Михайлович по этой причине величал меня профессором.

Как-то он принес мне распечатку статьи академика Бориса Раушенбаха «О логике троичности». Я мало что понимал в математическом моделировании полетов космических аппаратов в межзвездном пространстве. Но знал, что патриарх Алексей II восхищался «неутомимой работой пытливого ума» академика и высоко ценил его религиозную философию. Само собой, что книга Б. Раушенбаха «Пристрастия», посвященная проблемам науки и проблемам религии, была культовой в священнической среде. Но вот статья о логике троичности – о единстве Святой Троицы – была мне незнакома.

Я был поражен, как просто и ясно академик Раушенбах

изложил сложнейшую богословскую проблему. Мы провели с Алексеем Михайловичем не одну встречу, беседуя об этом выдающемся труде, который будоражил умы богословов того времени. Один из авторитетнейших теологов Церкви назвал ее «математическим доказательством троичности бытия Божия» – оценка, на мой взгляд, точная и объективная.

В наших беседах с Алексеем Михайловичем открывалось его знание и понимание философии Флоренского, Трубецкого, Булгакова – работ до недавнего времени запретных более, чем крамольный Солженицын. И поэтому логичными были последующие наши дискуссии о душе, Боге и вечности. Вообще, душа – это наиболее устойчивое представление, кроме самого Бога, во всех религиозно-философских учениях. Все религии сходятся на том, что она бессмертна. Как-то я заметил, что, пожалуй, наиболее ясно постулат о бессмертии души изложен именно в православном учении. Алексей Михайлович посмотрел не меня с улыбкой: «Ой ли?»

Каждого мыслящего человека не может не занимать проблема бессмертия души особенно сейчас, когда временность и хрупкость материального мира стала столь очевидной. Мы много говорили, в частности, и о том, что религиозность есть движущей силой нравственности любого этноса, и, естественно, о религиозном отступлении народов бывшего Союза в коммунистическую эпоху. Алексей Михайлович размышлял об острой необходимости возобновления религиозных институтов, религиозного сознания людей. И не толь-

ко размышлял – много делал для этого. Тут можно было бы привести в пример его заботу о создании мемориала на месте разрушенного храма Александра Невского в Визирке и об отреставрированной за свой счет новой церкви в этом селе. Но есть много примеров иных: как Алексей Михайлович помогал и священникам всех без исключения конфессий, которые нуждались в помощи, и многим храмам, демонстрируя главное в понимании сути всех религий – Бог един.

По Воле Божией и благословению Владыки мне выпало тяжелое и почетное послушание – строить новый храм на Северном кладбище. Алексей Михайлович не просто оказал мне моральную поддержку. Он помогал всем: материалами, рабочей силой, инженерным обеспечением. К моим строительным хлопотам прибавлялись и чисто житейские, священник и его семья живут не только молитвами, но и хлебом насущным. И материальная помощь Алексея Михайловича была практически единственным источником, поддерживавшим нашу семью.

Храм на Северном был нами открыт в сжатые сроки. В молебнах по поводу освящения храма мы благодарили Бога и Алексея Михайловича с товарищами, оказавшим покровительство строительству.

Не премину упомянуть и еще об одном цикле наших бесед – об эсхатологии. По обыкновению Алексей Михайлович принес книжечку раввина, служащего в одной из синагог

Иерусалима. Она поразила меня честностью. Иудейский священник, ребе Иоахим, говорил о том, что иудеи как библейский народ должны определиться в своих оценках Мессии и что необходим межконфессиональный диалог как единственный путь к взаимопониманию между людьми разных исповеданий. Это не только проблема иудаизма, это узловой вопрос мировой истории. Помимо того, что в православии вроде такой проблемы и нет, есть острые грани в оценках ее. В самых мягких оценках тот, кто не признает Иисуса мессией, «не прав», а если жестче, то он «царство Божие не наследует».

Между тем, прекраснодушные лозунги и заклинания, что все люди – братья, – рискуют разбиться, как волны о скалу, если не будет общего понимания вечных ценностей. Алексей Михайлович это не просто понимал, он это остро ощущал. И как человек реалистичный, понимающий, что изменение и совершенствование мира нужно начинать с малого, с того, что ты в силах изменить, он закладывал принципы доброты и совестливости в свое предприятие, во взаимоотношения с людьми. С этим же мерил он подходил и к Визирке, которая стала для него новой и последней родиной. Как человек глубокий и мудрый, он осознавал, что общее понимание своей истории, своего прошлого и есть тот фундамент, на котором может вырасти новое, обновленное поколение селян.

Алексей Михайлович просто болел идеей создания правдивой истории села и был рад, когда за эту работу взялась

учительница местной школы Оксана Изюмова. Для меня же эта работа была общественным послушанием – по поручению Алексея Михайловича я был координатором и редактором этого проекта. Он читал все главы, анализировал и сопоставлял факты, подбирал фотографии для книжки. У нас был четкий график работы над рукописью, и он не на шутку расстраивался, если работа тормозилась. В это время ТИС строил контейнерный терминал, там было невпроворот своих проблем, там ломались свои графики и сроки, но работа над книжкой для него была столь же главным направлением работы. Помню день, когда книжка вышла. Я позвонил ему из типографии – порадовать. Он начал расспрашивать о таких, казалось бы, несущественных деталях – о правках, о разрешении цветов на обложке, что я дался диву. Потом попросил привезти ему «новорожденную». Я и теперь вижу, как он берет эту, в общем-то рядовую, совсем не выдающуюся историю невыдающегося села, как держит ее в руках – воистину, как новорожденное дитя.

Он потом не раз говорил, что много материала осталось вне текста, что нужно бы подготовить и издать второй том истории, что селу необходим свой музей. Он был преисполнен планов и при этом знал, что дни сочтены. Мне часто в связи с преждевременным уходом Алексея Михайловича вспоминаются строки уважаемого им певца и поэта: «Мне есть что спеть перед Всевышним, мне есть чем оправдаться перед Ним». Воистину, ему было с чем предстать перед Ним.

Валерий и Наталья Албул

Члены Союза художников Украины

На выставке в галерее «Белая луна» кто-то купил нашу картину. Год был, кажется, 2004-й. На ней роскошно одетый господин беседует с мужчинами отнюдь не аристократического вида – один из них с попугаем на плече, посреди стола мешочек с деньгами. Мы назвали ее «Афера». Покупка работы всегда художнику в радость – с того и живем. Дай бог, чтобы она попала в хорошие руки, но это уже как повезет.

Спустя некоторое время обозвонился телефон. «Я разыскиваю художников Албулов». Слово «разыскиваю» как-то напрягло, но тут же и отпустило – человек и был покупателем нашей картины, сказал о ней приятные слова и проявил интерес к нашему творчеству вообще. Мы из исчезающего вида художников – керамисты. Работать в этом жанре много сложнее, чем в иных, да и спрос – на любителя и ценителя. Вот так мы и познакомились с Алексеем Михайловичем. Был он полной противоположностью тем покупателям, которые иногда навещают мастерские художников, осматривая картины, как цыган лошадей на ярмарке. Чрезвычайно деликатен, с острым взглядом и несомненным вкусом, что проявляется, скорее всего, не в рассуждениях об искусстве, а в массе мелочей: как человек смотрит на работы, как что оценивает, на какие – вроде бы! – мелочи обращает внимание. В общем, посетитель нам понравился. Еще только переступив порог мастерской, Алексей Михайлович обратил внимание на двух, только из печки, птиц. Да и в процессе общения посматривал на них. А прощаясь, спросил, можно ли их при-

обрести. И был очень доволен, узнав, что это ничей не заказ, птицы сделаны потому, что хотелось их сделать. Кто он, чем занимается, мы понятия не имели.

Потом Алексей Михайлович появился в мастерской с Леной, эта пара была удивительно гармоничной, а интерес их к нашей работе был не поверхностно-покупательским, а искренним, глубоким. И что особенно приятно – с пониманием сложностей творчества, технологии керамики. У нас ведь цвета, которые видишь перед обжигом, совсем не те, что после обжига. Они смотрели наши эскизы, заготовки. Обоим очень понравился замысел, существовавший пока только в черновых эскизах, конной пары. Загорелись – сделайте эту работу для нас. Причем, и Алексей Михайлович, и Лена включились в творческий процесс, предлагали свои поправки и решения. Но опять-таки: не я так хочу, потому что плачу, а потому что так подсказывала логика художественных решений. У обоих было несомненное художественное чутье. Потом, в общении и разговорах, мы узнали, что Алексей Михайлович с хорошим музыкальным образованием, что брат у него из нашего сословия, скульптор, что Елена Вадимовна свободно владеет несколькими языками, педагог. Нужно сказать, что узнавание всего этого складывалось исподволь, по крупицам. Алексей Михайлович был если не молчуном, то уж точно не сильно разговорчив. Чрезвычайно мягкий в общении, предупредительный. Когда мы познакомились поближе, он непременно интересовался, не нужно ли чем по-

мочь. «Может, вам красочку какую из-за границы привезти? Инструмент?»

В мастерскую к художникам, кроме друзей, люди бедные не ходят. Но вот по Алексею Михайловичу, по его виду о его достатке было судить невозможно. В нем были простота и демократичность, причем не показная, а совершенно естественная, природная. Он понимал, что художник живет из своих трудов, ценил этот труд. И если мы, как постоянному нашему посетителю, предлагали ему скидку – отмахивался. Шутил: это для поддержки штанов мужчинам в семье. И в этом не было ни малейшего превосходства, он просто знал цену творческой работе.

Однажды ему на глаза попалась самодельная книжечка – из тех, что делают для себя, в одном экземпляре. Это были стихи, написанные к нашим работам Еленой Кличковской. Лена была ученым, биологом, вот-вот должна была защитить докторскую диссертацию. Но вместе с биологией в ней жила поэтесса, тонкий знаток живописи. Ее статьи о художественном мире Одессы были блистательны и точны. Она как-то подошла к нам на выставке, поздравила с хорошими работами, и с тех пор мы много лет дружили – до самой ее трагической гибели. Алексей Михайлович просто оторваться не мог от стихов. Удивлялся, что ничего раньше о Елене не слышал, был расстроен, что сорвалось издание ее книжки, и, естественно, немедленно вызвался помочь в этом. Повторял по-

направившуюся ему строчку – «Одесса у Бога одесную...» К сожалению, книга так и не вышла – отнюдь не потому, что порыв Алексея Михайловича угас.

Керамическое панно в доме Алексея Ставницера. Художники – Валерий и Наталья Албул.

Вообще, душа у него была к поэзии открыта. Как-то он увидел в мастерской мало известный сборничек Окуджавы, его привез нам кто-то из друзей. Он полистал его, зацепился за неизвестные ему стихи, и казалось, все остальное больше не существует. Попросил почитать, сто раз пообещав, что не зачитает. Потом всякий раз, общаясь по телефону, не забывал сказать, что книжку вернет, но что-то там у него на предприятии не ладилось, и чтобы не подумали чего, прислал книжку с оказией.

По-настоящему мы оценили свое везение, когда впервые побывали у них дома в Визирке. Наши работы так органично вписались в дом, не столько даже в интерьер, сколько в стиль этого дома, что мы лучшей доли и пожелать им не могли. Они достраивали свой дом и искали для него стиль оформления. По их замыслу, на фасаде должно было быть панно. Какое? Над этим мы много думали сообща. И Алексей Михайлович, и Лена не просто смотрели эскизы, оба были хорошими придумщиками, и постепенно композиция обрела тот вид, который должен был стать символом их понимания дома, семьи, смысла жизни вообще. Там дерево симво-

лизировало саму жизнь, а смысл ее несли три кита как знаки веры, надежды и любви, там предназначением жизни жила женщина с дитем в лоне и держащимся за ее руку ребенком. Алексей Михайлович радовался нашедшемуся образу двух работяг – созидание всегда и есть тяжкая работа. И, конечно же, вел дом, как Ной ковчег, рулевой с плодами...

Эта работа заняла у нас год времени. Большой и интересный год. Когда детали панно были закончены и мы приступили к монтажу, Алексей Михайлович и Лена предлагали пожить у них, чтобы не тратить время на переезды. Хотя жить мы могли у них абсолютно автономно, никого не стесняя, все же нам казалось, что мы будем создавать семью дополнительные хлопоты. Тем более, что видно было – Алексей Михайлович хворает и что бороться ему с болезнью непросто. Видно было, что он придает нашему – сообща придуманному! – панно смысл особый, что оно для него не просто «пятно» на фасаде. Некогда приобретенные им птицы важно прогуливались теперь под домом.

После года работы мы, что называется, выдохлись, чтобы восстановилось то поле, в котором рождается желание творить, нужно было время. Алексей Михайлович звонил, интересовался – уже работаете или все еще отдыхаете? Иногда кажется, что у него была еще какая-то идея, как всегда, интересная и неожиданная. Теперь можно с сожалением вздохнуть, что мы отказались от предложения пожить в их доме: многое осталось и недоговорено, и не сказано.

Оксана Изюмова

Администратор офиса АБК «Визирка»

Если немножко поиграть словами, то я стояла на распутье – и не только потому, что автобусная остановка находилась на перекрестии дорог. Так сложилось, что красный диплом историка и рекомендация в аспирантуру как приложение к нему оказались, как говорят социологи, в зоне отложенного спроса. Работа в сельской школе не была поперек воли, но хотелось большего. Как могла и умела, я удовлетворяла охоту к исторической работе тем, что затеяла собирать материалы об истории села. Нужно сказать, что попытка написать ее предпринималась и раньше, уже в наше время вышли две брошюры, основой историчности которых были воспоминания сельчан. Память, конечно, очень важна, но она не всегда дружит с исторической достоверностью. Поэтому я по возможности ездила в Одессу в областной архив, посиживала в научной библиотеке и набиралась документального знания. Теперь все это было отложено до начала нового учебного года: два дня в неделю уроки, три-четыре на поиск материалов.

Я стояла среди июля на автобусной остановке и ждала, когда же, наконец, появится автобус. Остановилась легковая машина. «Если до развилки на Южный, садитесь, подвезем».

Пригласивший меня подвезти мужчина, очевидно, знал, что я учительствую, так как начал расспрашивать о школе, что там есть и чего, на мой взгляд, не хватает. Школа у нас была новехонькая, построивший ее ТИС не пожалел денег на мебель, на школьное и учебное оборудование, включая такую редкость, как интерактивная доска, компьютер-

ный класс, мы жили с интернетом, с хорошей столовой, без традиционных для сельской школы «неудобств во дворе». Я отвечала сначала чинно. Но он слушал так хорошо, что я разговорилась и, неожиданно для себя, рассказала о замысле написать историю Визирки, создать сельский музей. Собеседник, и до того слушавший меня внимательно, к моему замыслу отнесся с интересом и начал задавать вопросы со знанием дела. Поначалу я гадала, перебирая в памяти своих учеников, кому из них и кем он приходится. Ребус не решался. И когда доехали до развилки, спросила напрямик, кто он. «А я тот самый человек, который построил вам школу».

Думаю, я единственная из учительского коллектива не знала Алексея Михайловича в лицо. Впору было и смутиться... Он же эту деталь оставил без внимания и сказал, чтобы я составила план книжки о селе и пришла в его визирский офис обсудить возможный вариант сотрудничества. Что офис этот через дорогу от школы, я знала, но что он скоро станет и моим местом работы – и не думала, и не мечтала. Через полгода, основательно погрузившись в работу над книжкой и параллельно ведя сбор материалов для сельского музея, я получила от Алексея Михайловича предложение оставить школу и перейти на работу в ТИСовский благотворительный фонд. Он помогал развитию сел всего Коминтерновского района, но главное внимание уделялось Визирке. К тому времени я уже поняла, что усидеть на двух стульях дело сложное – рукопись занимала столько времени, что к

намеченному нами сроку я могла управиться, если учительство будет работой второстепенной. Это я себе позволить не могла, поэтому предложение приняла с легкостью.

Прожив в селе всю жизнь за вычетом студенческих лет, я знала и его историю в пересказах и воспоминаниях сельчан, знала и людей. Но откуда было это знание у Алексея Михайловича? Между тем, когда я работала над текстом, он давал очень точные советы и по событиям, и по людям. Если бы у меня был штатный редактор, то вряд ли бы и он подсказывал мне больше, как выстроить материал, определить его структуру. Мы колебались в жанре от краеведения до экономики, потому что материалы отыскивались любопытнейшие. Да и я обретала исследовательские навыки историка именно в этой работе, открывая для себя подлинную историю своего села. Иное дело слышать, что кого-то когда-то выселили из Визирки как кулаков, и совсем иное – установить этот факт документально, осмыслить, как это сказалось на экономике, обычаях и нравственности села.

Конечно же, Визирка знала, что идет работа над такой книжкой, из глубокого спрята извлекались документы и фотографии селян, которые еще вчера власть определяла как своих врагов: кулаков, царских офицеров, белогвардейцев, репрессированных большевиков.

Я не сразу задала себе вопрос: мне как историку, как учителю эта работа важна по определению, а Алексею Михайловичу зачем? Это не было похоже на порыв благотворитель-

ности. Услышал, заинтересовался, взял на себя расходы по изданию. К тому же, занимаясь и делами фонда, я открыла для себя невидимую сторону деятельности ТИСа. Оказалось, что многое в улучшении жизни села делается не по мановению волшебной палочки, не потому что «жить стало лучше, жить стало веселее», а потому что Визирка для ТИСа существует вроде как особое подразделение производства. Это через фонд шли на ТИС просьбы то подлатать дорогу, то спасти водопровод, то помочь нуждающимся с углем или дровами. Моя школа мало что была построена ТИСом, благодаря ему дети в ней получали хорошие обеды, у школы не было проблем с закупкой книжек, цветов, тысячи необходимых для нормального учебного процесса мелочей. У школы был свой неформальный куратор от ТИСа Елена Вадимовна, которая помогала разрешению насущных школьных проблем. Потом, увы, выйдет постановление правительства, что школы должны содержаться за бюджетные средства. Вроде все правильно, но оказалось, что школе теперь помогать – нарваться на обвинение в коррупции. Ситуация идиотская, но все в точном соответствии со знаменитым «хотели как лучше, а вышло как всегда».

Так вот: зачем все это было Алексею Михайловичу? И школа, и книжка о селе, и ремонт клуба или церкви, и постоянная помощь детскому саду, и присмотр за малоимущими семьями – зачем? Если сказать о доброте душевной, о щедрости, о сочувствии к людям – это будет правдой, но не отве-

том. Думаю, задача и цель Алексея Михайловича была выше – создание иного психологического, социального климата в селе. Он медленно и упорно добивался того, чтобы Визирка сама становилась хозяином, чтобы люди не ждали, кто им подметет улицу или посадит клумбу, а включались в самоуправление. Он ломал старую традицию «пусть нам дадут, они нам должны», подвигая село к участию в своей судьбе.

Быть может, самым показательным для меня был пример создания мемориала на месте разрушенной церкви. Храм этот простоял много лет, пережил самые страшные антирелигиозные кампании, но уже на издыхании советская власть таки дотянулась и до него, в 1985 году его взорвали. Останки стен растаскивали танками. Потом рядом построили новую церковь, но Алексей Михайлович и Елена Вадимовна были инициаторами того, чтобы открыть засыпанный фундамент храма, посадить там деревья и цветы. Зачем? Чтобы видели. Чтобы думали. Чтобы помнили.

Книжку и меня как автора Алексей Михайлович представлял селу в День Визирки. Это было рождение новой традиции – праздновать именины села, приурочив их к храмовому дню Александра Невского. Село у нас давнее, с историей сложной и не всегда сладкой для воспоминаний. Его строили и казаки-переселенцы с Нижнего Днепра, и немецкие колонисты, здесь намешано тысяча кровей и языков со всего Причерноморья. На День села это было видно по сохранившимся народным костюмам, по предметам быта и культуры.

Алексей Михайлович не был собирателем, коллекционером старины, но чрезвычайно ценил памятки былых лет. Он умел увидеть красоту в старинном замке, в колесе, в домотканной рубахе со скупой вышивкой. Мы планировали, что все нами собранное и чудом уцелевшее станет экспозицией сельского музея.

При жизни Алексея Михайловича это сделать не удалось. По здравому размышлению решили, что в старой школе, где предполагалось развернуть экспозицию музея, будет работать Детский центр.

Если продолжить размышлять над тем, зачем нужно было Алексею Михайловичу вкладывать в развитие Визирки сумасшедшие деньги, что было в сущности обязанностью государства, то Детский центр – один из вариантов ответа. Вот сопоставьте цифры: в школе около 150 учеников, в кружках Детского центра около 120. Практически вся школа. Имея опыт работы с детьми, я утверждаю – это другие дети. У них в глазах есть интерес. Они дружнее. Они менее склонны к агрессии и бездумным поступкам. Кружки в центре – от театральной студии до футбола. Дети переходят из кружка в кружок, они ищут себя. И это прекрасно. И, быть может, самое важное – они ценят, что этот центр дает им шанс найти себя в жизни. Сознание этих ребят уже не отягощено советским «пусть мне дадут, мне должны». Их и дома, и в школе уже учат иному – твоя судьба в твоих руках. Из них и выраст-

тет новое поколение визирцев и граждан страны, которым не нужно будет пояснять очевидное.

Уже за пределами «лихих девяностых», но по инерции с ними, ночью Визирка погружалась в мрак. По какой-то дикой моде парни били уличные фонари, уродовали автобусные остановки. Зачем? Не знаю ответа. Знаю, что Алексей Михайлович хотел, чтобы село было иным. И что приведение в порядок сельских кладбищ, памятника погибшим солдатам, асфальт вместо колдобин, вывоз мусора и сельские праздники – для того, чтобы село было родиной, а не мачехой.

Александр Токменинов

Председатель Визирского сельского совета

В девяностые годы я работал заместителем городского головы г. Южный и тогда же познакомился с Алексеем Михайловичем. Вскоре он предложил мне поменять государственную службу на производственную: ТИСу нужен был опытный коммунальщик. Соглашаясь, я терял, в общем-то, престижную работу и стабильное положение. А что ждало на ТИСе – бабка надвое гадала. Тогда терминал только-только ставал на ноги, и был вопрос – станет ли. Хотя Алексей Михайлович был уверен, что скоро ТИС составит по перевалке конкуренцию порту, и обещал – будет интересно, что оказалось святой правдой.

Казалось, после такого зигзага в биографии жизнь моя дальше пойдет по прямой. Так она и шла, пока Алексей Михайлович не «догрузил» меня к служебным обязанностям руководством Благотворительным фондом «Социального развития Коминтерновского района». В то время он был депутатом районного совета, новое руководство района было преисполнено энтузиазма. ТИС являлся одним из основных доноров этого фонда, желание контролировать расход средств было естественным.

Проблем в районе было выше крыши, но Алексей Михайлович поручил мне определить три самые горячие точки, а среди них – самую болезненную. В треугольник вошли петровская участковая больница, красносельский дом-интернат и школа в Кремидовке.

Было очевидно, что самое бедственное положение в шко-

ле. Там крыша провалилась в коридор, по классам стояли подпорки, всюду холодно, сыро и серо. Алексей Михайлович после моего доклада поехал в Кремидовку сам, но, полагаю, не потому, что не поверил на слово. Если возникала какая-либо важная работа, он имел обыкновение вникать во все детали. Кремидовская школа его, что называется, зацепила. Он изучил проект и внес значительные коррективы, просто ремонт его не устраивал – дети должны были получить добротную, современную школу. И с мая по сентябрь, за каникулы, мы такую школу сделали. Обошлась она ТИСу в 1 200 000 грн. Я не раз участвовал в комиссиях по приемке строительных объектов, но так, как принимал работу у строителей Алексей Михайлович, – нужно было видеть. Традиционный шлейф недоделок из «мелочей», обычно являющийся ложкой дегтя, исключался – строители об этом были предупреждены заранее. Он обошел всю школу от крыши до санузлов, заглянул во все уголки. Запомнилась деталь: в туалетах, которые теперь были не во дворе, по сельской традиции, отсутствовали мыло, ершики, бумага. Он не просто распорядился купить принадлежности, но и пояснил, почему это важно – завтра придут дети, у них в школе раньше таких удобств не было, и они должны сразу видеть, как это должно быть.

Потом, когда мы построим школу в Визирке, он будет принимать ее так же придирчиво, и история с туалетными принадлежностями тоже повторится.

Визирская школа – это особая история. Алексей Михайлович к тому времени уже стал сельским жителем, а ТИС по доброй воле шефствовал над Визиркой. Он обошел все село, он примечал хозяйским оком, что где нужно сделать, знал, кто где живет и кто чего стоит. Дороги в селе тогда были убиты, яма на яме, разросшиеся деревья в ветер перехлестывали электропровода, и то один куток, то другой сидели без света. Находясь рядом с трассой, Визирка была степным островом – добираться несколько километров до дороги можно было только пешком. Каждое утро по ней топали школьники, студенты и работающие в городе селяне. А таких, нужно сказать, было большинство среди трудоспособного населения. Автобусные маршруты существовали, но они не обеспечивали полностью всех потребностей людей, живущих в Визирке, поэтому Алексеем Михайловичем было принято решение за счет средств ТИСа отремонтировать центральные дороги, в том числе подъездные к селу, и пустить автобус ТИСа – бесплатный маршрут от автодороги Одесса-Южный до центра села с интервалом движения в 30 минут. Село вздохнуло...

Но самым слабым, болезненным местом в Визирке была школа. Бывшие церковно-приходские классы давно устарели, детям в них было тесно, учителям неудобно. Крыша, как в Кремидовке, еще не упала, но сырость и серость жили в каждом углу. На излете советская власть решила строить новую десятилетку. Коробку выгнали, но так и не довели до ума. Она четверть века простояла на самом видном месте в

Визирке, колола глаза хуже ости. Теперь, чтобы достроить ее, нужны были немалые деньги и стальные нервы – уже новая власть создала из бюрократических запретов и согласований такое минное поле, что проще было обойти его стороной.

Мы решили пристроить к бывшей церковно-приходской школе два крыла слева и справа, помещение капитально отремонтировать. Но по трезвому размышлению Алексей Михайлович эту идею отверг. Во-первых, дорого, во-вторых, как ни крути, а получались сапоги с заплатами. Поэтому рядом со старой затеяли строить новую, двухэтажную школу. А старое помещение, само разумеется, отремонтировать. Без всякого преувеличения – Алексей Михайлович был главным прорабом на объекте, свой день он начинал и заканчивал на стройке. ТИС тоже строился и тоже требовал его внимания, но, видимо, школа для него имела какое-то особое значение, я бы даже сказал, что она была больше, чем учебное заведение. Возможно, Алексей Михайлович придавал ей значение символа обновления, возрождения села. Отсюда и благоустройство пришкольной территории, которое повлекло приведение в порядок братской могилы и памятника погибшим землякам, ремонт клуба и церкви, создание мемориала на месте варварски взорванного храма Александра Невского, приведение в порядок сельских дорог, ремонт детского сада, фельдшерско-акушерского пункта, обустройство двух кладбищ и т. д. Помимо этого, как депутат Алек-

сей Михайлович принимал жителей Визирки, которые, конечно же, шли с самыми различными просьбами о помощи, и помогал им – кому углем и дровами, кому лекарствами, ремонтом дома, одеждой, продуктами.

Не скажу, что с Алексея Михайловича, но во многом благодаря ему, в селе началась еще одна традиция – подвозить идущих к трассе людей. Тут сила примера была важнее убеждений. Как-то он подвез от остановки в село женщину, спрашивает – на какую вам улицу, довезу до хаты. Оказалось, ей нужно было в соседнее село Любополь в десяти километрах от Визирки. Повез...

Мы как-то в фонде прикинули сумму тисовских затрат на обустройство Визирки. Подсчитали – сами себе не поверили. Получилось что-то более 15 миллионов гривен. Между тем, у Алексея Михайловича был замысел не просто привести село в порядок, а создать такую среду обитания, которая по удобствам, культурной инфраструктуре не вызывала бы у жителей Визирки чувства ущербности. Для кого же секрет, что родиться в Одессе и под Одессой значит иметь разные стартовые возможности в жизни.

Видимо, потому что я через благотворительный фонд был наиболее близок к сельским проблемам, Алексей Михайлович сделал мне еще одно неожиданное предложение – попросить у селян поддержки на приближающихся выборах и стать сельским головой.

– То, что мы сделали для себя, – важно, но не главное, – говорил он. – Она как была, так и осталась селом традиционным, обреченным на вторичность рядом с городом. Вопрос, что нужно сделать, чтобы от этого комплекса избавиться...

Мы говорили о необходимости создания генерального плана развития села, чтобы дети в школе знали, какой их Визирка будет через 20–30 лет. Говорили, что границы села должны определяться иначе, не что разрешит включить в сельскую черту власть, а где заканчивается сфера деятельности сельских предприятий. Говорили о создании рабочих мест, потому как жить в селе и работать в селе – это и есть норма. Алексею Михайловичу принадлежит идея создания в селе бизнес-центра. Развитие порта, говорил он, потребует создания множества обслуживающих компаний, зачем им регистрироваться Бог знает где и ютиться по углам – нужно создать им условия. Он затеял строительство жилья в селе для сотрудников компании, сельский пруд в его планах должен был иметь лодочную станцию и набережную, которой, кстати, нет в Одессе. Ему было мало хороших дорог, он считал необходимым иметь тротуары и еще много чего.

Пригородные, да еще в курортно-базарной зоне, села отягощены излишним прагматизмом. Они навсегда потеряли сельскую бескорыстность и доверчивость. Визирка тоже не исключение. Поэтому была и есть часть селян, которые мучительно ищут ответ на мучительный вопрос – это зачем же они (ТИС, лично Ставницер и его сыновья, его соратники)

тратят такие деньжищи зря?

Какой такой потаенный смысл в их добрых делах? Чего они захотят от нас потом в отплату? Таких людей немного, но они есть и, наверное, еще долго будут, их порождает не отцы-матери, а обстоятельства и время. И Алексей Михайлович это понимал отчетливо. Мне часто вспоминается такая картинка. Алексей Михайлович ездил по селу на велосипеде – так больше увидишь и запомнишь. Само собой, что по селу катаются и ребяташки, и уж кто там кого подзудил, не знаю, скорее всего, что Алексей Михайлович, но начались гонки. Ребята собирались своей стайкой, терпеливо ждали, когда Алексей Михайлович приедет с работы, и открывался очередной тур соревнований.

Человек с громкой спортивной биографией, он ценил любые спортивные увлечения, всегда поощрял (и разумеется, помогал финансово) участие в соревнованиях, в играх. Так сложилась, что Визирка имеет свою сельскую футбольную команду. Не «Барса», но все же. Ребята сами и присматривали за сельским стадионом, и решали проблемы с экипировкой. И Алексей Михайлович говорил – вот таким и нужно помогать, которые хотят что-то делать, не боятся закатать рукава. Помнится, уже после выборов, на которых меня избрали сельским головой, а депутатами совета многих тисовских работников, мы собрали сельский актив. Обсуждали, что нужно сделать в первую очередь в селе, кому чем по-

мочь. Среди прочего говорили и о помощи углем и дровами селянам, у кого еще сохранилось печное отопление. И ребята из футбольной команды вызвались напилить дров, развезти уголь, поучаствовать в иных делах. Алексей Михайлович напутствовал меня в новом статусе – важно начать, важно камень сдвинуть, потом сила покоя сменится силой инерции движения.

Его часто вспоминают в селе. Причем, не только в связи с тем, что он чемлибо помог. Вспоминают его простоту, доступность, отсутствие даже в малых дозах барства. Удивляются, что по-прежнему поддерживаются социальные программы – теперь уже через благотворительный фонд имени Алексея Ставницера.

Давняя идея Алексея Михайловича о создании бизнес-центра стала фактом. У нас в селе зарегистрировано около 70 предприятий, они же – налогоплательщики. Если бы государство не забирало более 90 процентов налоговых поступлений, мы могли бы действительно сделать из Визирки город-сад. Но и при заскорузлом бюджетном механизме мы имеем самый богатый сельский бюджет в области, мы ни у кого ничего не просим. Мы все зарабатываем честным трудом, и у нас будет и набережная, и лодочная станция, и тротуары, как мечталось Алексею Михайловичу. И сбылась еще одна его надежда. Он терпеливо наставлял сельское руководство – привлекайте к решению проблем.

Визирки сельских предпринимателей. Это их родина, их земляки, их родственники и друзья. Алексей Михайлович не отговаривался, не отказывал. Он хотел сдвинуть с места тот самый камень, преодолеть силу покоя. И вот нынешней лютой зимой, когда все, что тонко, рвалось, когда нужно было чистить дорогу, решать массу иных коммунальных проблем, сельские предприниматели откликались и помогали селу. Заработала сельская коммунальная служба, созданная еще по инициативе Алексея Михайловича, на улицах и по сельским закуткам больше нет мусорных свалок, пожалуй, что нет улиц, по которым не пройдешь в распутицу без болотных сапог.

Есть старая-старая истина – село не стоит без праведника. Думаю, без праведника не стоит и мир. Просто в селе праведник – на виду. Алексей Михайлович – из таких людей. Он появился в селе, когда оно, само того не осознавая, испытывало острую, жизненно необходимую потребность в человеке с чистой нравственной позицией, с благородством помыслов, с желанием изменить мир. Его появление пришлось на годы безвременья, когда рухнул строй без нравственного стержня и приоритета человеческих ценностей, с навязанным нашему сознанию ложным правилом, что государство – все, что это мы существуем для государства, а не оно для нас. В масштабах страны ложность этого принципа, возможно, и не так заметна, но в селе все вылезает наружу, как мусор из-под тающего весной снега. Алексей Михайлович обладал острым

социальным чутьем, интуицией преобразователя общества. И понимал, что для той громадной цели и работы, которую он поставил перед нами в Визирке, нужен фундамент, нравственная точка отсчета. Он приложил немало стараний, чтобы Визирка осознала простой факт – она была иной. Не пьяной. Не заброшенной. Не бездельной. Не безверной. Не жадной. По его благословию открывалась истинная история Визирки, отыскивались в семейных архивах фотографии селян и купцов, учителей и офицеров – людей с лицами, в которых – честь и достоинство. Он хотел, чтобы эти качества были востребованы и вернулись к тем, для кого ремонтировались детский сад и школа, для которых медленно, с трудами и затратами менялось село.

Приложение

В день смерти Алексея Ставницера на сайте компании ТИС появилось сообщение, к которому оставили свои комментарии друзья, ученики, партнеры:

Сегодня 27 февраля в 4:30 утра остановилось дыхание основателя компании ТИС Алексея Михайловича Ставницера

VV 28.02.2011

Светлая память и царствие небесное хорошему человеку.

Аноним 28.02.2011

«Если ты хочешь построить корабль, не надо созывать людей, планировать, делить работу, доставать инструменты. Надо заразить людей стремлением к бесконечному морю. Тогда они сами построят корабль...» Этому человеку удалось построить «корабль» и зажечь людей стремлением! Вечная

память! И великого будущего его «кораблю».

Dvalk 28.02.2011

Хороший и правильный был человек...

RULMECA GERMANY GmbH 28.02.2011

Dear Sirs, We are very sorry for your loss and like to tell you, that you have our deepest sympathy! RULMECA GERMANY GmbH Oliver Haupt

Ханенко Александра/Ханенко Нина 28.02.2011

Очень больно и трудно выразить словами скорбь и боль утраты Человека совершенно иной формации, неподвластного несправедливости и жестокости окружающей его действительности, остававшегося всегда и везде на вершине высших идеалов добропорядочности, бескорыстия, гуманности и любви к окружающим его людям. Горестно сознавать неоправданное немилосердие судьбы к Человеку, так открыто и многогранно любившему жизнь и дарившего теплоту всем окружавшим его своим чутким вниманием – независимо от ранга и положения. Его облик, его манера общения, его устремлённость в будущее к ещё оставшимся непокорённым вершинам остаются в памяти всех близких ему людей вне времени и пространства.

Стандарт Оил Рачков С. 28.02.2011

К сожалению, о важном вспоминаем, когда теряем. Это невозполнимая утрата не только для семьи, коллег,

ТИСа, альпинизма, но и для Украины в целом. Нам осталось вместе, сообща продолжать его дела, ухаживать и возвращать цветы и другие формы жизни там, где до Алексея Михайловича была пустыня.

Аноним 28.02.2011

С глубокой скорбью встретили сообщение о кончине Алексея Михайловича Ставницера – настоящего Человека и Профессионала. Светлая память о нем навсегда останется в наших сердцах и его прекрасных делах. Искренне сопереживаем горечь невосполнимой утраты.

Jurgen Steurer ThyssenKrupp Foedertechnik 28.02.2011

It is with a profound sense of loss that we learned of the passing of Mr. Aleksey Stavnitser. Our company's close ties for the past decades with your group make our hearts go out to the members of the family and all the employees of the TIS TransinvestService Ltd., as we grieve the loss of a truly remarkable person. On behalf of all the staff at ThyssenKrupp Foedertechnik, Business Unit Materials Handling, Germany, we extend to you our most sincere and heartfelt sympathy.

Яковенко Александр 28.02.2011

Хороший и правильный человек... Я проходил обучение на 2 категорию, когда Алексей Михайлович был начучем и идейным вдохновителем учебно-методического центра «Эльбрус». Приехав на смену

раньше срока, даже принял участие в строительстве тренажера. Жаль, что все как-то незаметно уходят...

vladamirz 28.02.2011

Грустно... Сейчас вспомнил, как этот сам стенд в «Шхельде» в 85 г. под руководством Ставницера строили, да и вообще с кипучей энергией был человек!

atolstousov 28.02.2011

Как жаль!!! Совсем недавно Алексей выступил спонсором встречи альпинистов Украины в Ужгороде в память 80-летия Лео Кенсицкого, а сам не был... Как жаль!

genkop 28.02.2011

Очень жаль, харьковчане скорбят и соболезнуют. Хороший был человек – деятельный, спортивный. Под его руководством легко было ходить в горах, он приветствовал спортивный альпинизм.

Tom 28.02.2011

Леша, вернувшись в Одессу, успел съездить в несколько интересных поездок. Но и в Париже, и в Мюнхене, и в Барселоне, куда мы ездили на соревнования по скалолазанию, Леша, в первую очередь, думал о деле, изучал конструкции тренажеров, фотографировал, втихую отламывал кусочки щитов для изучения... Потом, когда я начал ходить в треки, я каждый раз приглашал Лешу с собой. Но у него началась эпопея со строительством порта, и каждый раз

он оправдывался – вот еще причал построю, вот еще терминал и пойду.

– Может, тебя не приглашать, чтобы не расстраивать? – спросил я.

– Нет, нет, приглашай, я обязательно вырвусь...

В последние годы он уже и вырваться не обещал. Просто просил рассказать, как там еще стоят горы...

И когда потеря громом крушенья
Оглушила, полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству.
Не спешите сообщить по секрету:
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.

(А. Галич, 1962 г.)

Pogorelov 28.02.2011

Мои соболезнования родным и близким... Мне посчастливилось работать инструктором в альплагере «Шхельда» в 1984 году, когда Алексей Михайлович был начальником учебной части. Прекрасный, душевный был человек.

shvets 28.02.2011

В сентябре мы пытались снять тела Альперина и Кривошеева с Дых-Тау. Недешевое мероприятие, кстати. Денег дал не клуб, не федерация, а один скромный человек, пожелавший остаться неизвестным... Светлая память!

edelveys84 28.02.2011

Мне тоже довелось учиться в УМЦ «Эльбрус», когда Алексей Михайлович был начучем. Красивый, сильный человек! Светлая память!

kovalev 28.02.2011

Многие альпинисты Донбасса прошли через руки Алексея Михайловича. И всегда об этом человеке были самые добрые воспоминания.

mariati 28.02.2011

Светлая память... Значит, пора.

Masay 28.02.2011

Эх, Михалыч... Когда-то я получил из его рук жетон. И на сборе я был нелегально, можно сказать, и когда я ему признался, он с улыбкой ответил, что знает. Вечная тебе память, друг!

peterstolypin 28.02.2011

Мужи-ик был...

Александр Нефедов 28.02.2011

«Ну, вот, исчезла дрожь в руках, теперь навверх...»
Алексей Михайлович доказал: времена не выбирают,

но чтобы ни творилось вокруг, дело надо делать. УМЦ «Эльбрус», учебные тренажеры, сборы спасателей, инструкторов, промалып... Леша навсегда остается в памяти начучем и воспитателем, человеком с большой буквы! Вечная память!

Vladima 28.02.2011

Очень жаль, хорошим добрым человеком остался в моей памяти еще со времен а/л «Шхельда»...

Сергей Голубятников 01.03.2011

Скорблю... Лучшего человека в жизни не встречал.

Антонина 01.03.2011

Не могу сказать, что много и тесно общалась с Алексеем Михайловичем. Но даже эти краткие минуты рабочего общения создали образ сильного, целеустремленного, волевого, справедливого человека, человека большой души, образованнейшего и интеллигентного. Очень немного таких людей встречалось мне в жизни. Очень горько сознавать, что его больше нет с нами.

Рената 01.03.2011

Алексея Михайловича я близко не знала. Но много в моей жизни с ним связано хорошего. Знал его хорошо и дружил с ним мой тренер по альпинизму – Петр Николаевич Денисенко. На ТИСе работала у Миши Ситника – сначала на «высотке», помогала пожарную вышку в спортклуб превратить. Однажды подъехал

Алексей Михайлович, посмотрел снизу, как я там на стене кувыркаюсь, и уехал. А потом премию вдруг дал. Когда спортклуб открылся, некоторое время я была его администратором. Редко кто сейчас спортклубы для своих сотрудников строит и содержит, меня удивлял и радовал четкий и справедливый порядок на предприятии, забота о сотрудниках – не на словах, а на деле. Дальше я ушла на «свой хлеб» – на высотные работы, руководить бригадой «Промальпа». Полтора года назад сорвалась и оказалась в госпитале. Алексей Михайлович, узнав о моей беде, пришел на помощь: оплатил имплантанты, год и четыре месяца во мне простоявшие, и потом – их удаление. Моя нога осталась со мной, срослась, и я уже могу ходить без костылей. А сам-то он тогда, оказывается, уже был болен... Настоящий Человек был.

Вареница Евгений 02.03.2011

С такими людьми, как Алексей Михайлович, уходит целая эпоха. Эпоха, где слова дружба, совесть, любовь, честь имеют значение. Светлая память.

ЗАО «ТД ИРБИС» 02.03.2011

Украинский бизнес понес невосполнимую потерю. Так мало созидających людей! Поднять бизнес с нуля до крупнейшего игрока на рынке возможно только неординарными личностями и бойцам по натуре.

О. Голодницький 02.03.2011

Пішла з життя добропорядна, чуйна людина. За

багато років роботи він завжди відзначався високим професіоналізмом, компетентністю, надихав колег власними ідеями. Світла пам'ять про фахівця своєї справи, доброго колегу і друга назавжди залишиться в наших серцях. Висловлюємо щирі співчуття родині та близьким з приводу тяжкої втрати Олексія Михайловича. Поділяємо Ваше горе.

Маргарита 03.03.2011

Очень больно смириться с мыслью о том, что из твоей жизни уходят близкие тебе люди. Сердце сжимается, и невозможно дышать. «Как жить дальше, что делать, почему так?» – и это еще не все вопросы, которые задают себе родные и близкие люди человека, сердце которого в один момент перестает биться. Его больше нет – факт, а разум и сердце отказываются это принять. Мы не выбираем момент рождения и момент смерти, но этот промежуток под названием жизнь принадлежит нам. У каждого своя дорога, свой путь, и каждый человек проходит его по-своему. Я не была близко знакома с Алексеем Михайловичем. Но того промежутка времени, что я работала на предприятии, созданном им, мне вполне хватило, чтобы узнать и понять, что он был великолепным руководителем, волевым, справедливым, небезразличным человеком, который никогда не плыл по течению, а создавал и направлял это течение в нужное русло, покорял любые вершины. В день похорон я увидела множество людей, глаза которых были наполнены болью и скорбью...

были друзья, были коллеги... были знакомые, но эту боль невосполнимой утраты не сравнить с той болью, которая была в глазах его родных людей. В первую очередь, хочу выразить свои соболезнования семье Алексея Михайловича Ставницера. Выражаю также соболезнование его друзьям и коллективу, который готов пойти по заданному им направлению и к достижению поставленной им цели. Человек не умирает никогда, пока живет в нашей памяти, пока живет в нашем сердце. Для очень многих людей Алексей Михайлович будет жив всегда... и будет тем идеалом, на который стоит равняться, с которого можно и нужно брать пример.

Belovak 03.03.2011

Был звонок в Нальчикский клуб туристов с просьбой направить двух инструкторов в т/б «Терскол» на сборы военных альпинистов. В партком завода «Телемеханика» я пришел с письмом, и после звонка начальнику 6-го цеха меня отпустили на 20 дней. По приезду в «Терскол» нас и еще четверых инструкторов из Москвы и Питера назначили командирами отделений. Занимался безопасностью Алексей Михайлович. После прохождения занятий лед, снег, скалы, был выход на Эльбрус. Все прошло хорошо, но вот на спуске началась пурга. Ветер был такой силы, что через нос надувало легкие, и выдох удавался с трудом. Видимость ноль. Алексей Михайлович, только ориентируясь по наклону ледника и направлению ветра,

точно вывел нас на «вешку». Когда шли в метели, не только у меня мелькнула мысль, «что это – все». Алексей Михайлович остановил весь отряд, и начали ждать прояснения в облаках. Было твердо сказано: пока не увидим следующую вешку, стоять. Прошло какое-то время, и мы ее увидели. По сей день я благодарен ему за уверенность в своих действиях и решимость брать огонь на себя. Здесь была армия, и цена ответственности совсем другая. Память о нем останется в наших сердцах.

РокМouNteR 03.03.2011

Прощай, Лешенька. Ты был надежным, понимающим другом. Спасибо, что ты жил! Скорбим вместе с твоими родными, близкими, друзьями, со всеми, кому ты дорог.

Александр Атаманов 03.03.2011

Любые слова изначально бессмысленны. Сказать, что таких людей, как Алексей Михайлович, единицы, не сказать ничего, потому что таких, как он, просто не было, а если когда-нибудь будут, то единицы! Я помню Кавказ: Терскол, Шхельду, помню и знаю ТИС, я никогда не видел его хмурым, раздраженным, кричащим, разве немного задумчивым. Такие люди не могут и не должны уходить так рано, но, увы, уходят. Я не общался с ним достаточно долго, но сейчас мне его уже не хватает. Не хочется ударяться в банальности, но я любил его. Не время и не место вспоминать о том, что, сколько и когда он сделал для меня и моей семьи, – я

помню об этом, такое не забывается.

Никулин С. 03.03.2011

К великому сожалению, ушел из жизни человек, целью которого было достигать, постигать, созидать и защищать! В наше время, время, когда многие рушат, отбирают, крадут и грабят, такая потеря невозможна! Алексей Михайлович создал то, что не могло создать нынешнее государство с его потенциалом и возможностями, этот человек доказал, как может работать предприятие, если им руководит настоящий хозяин, этот человек научил многих преодолевать трудности и не замечать никаких препятствий, двигаясь к цели, при этом не преступая черту порядочности и справедливости. Алексей Михайлович был одним из инициаторов создания структуры, призванной защищать всех частных стивидоров, и при этом ни разу не использовал эту структуру для своей защиты, даже в очень тяжёлое для себя время.

Человечество всегда теряет слишком много, когда уходят люди, умеющие жить, творить и создавать. От себя лично и от Ассоциации «Союз портовых операторов» приношу глубокие соболезнования семье Алексея Михайловича. Память о нем жива в его деле, в сердцах близких ему людей, в душах тех, кому он помогал. Вечная ему память.

Цыбин 04.03.2011

Ушел настоящий с большой буквы человек. Светлая

память.

Тимошенко Т. 05.03.2011

Пусть земля ему будет пухом. Жаль, еще одним замечательным человеком стало меньше на этой грешной земле. Мне посчастливилось проходить стажировку в 1984 году в «Шхельде», где начальником учебной части был Ставницер. Тогда меня просто покорили его внимание к каждому, мудрость, опыт, знания и нескончаемая энергия.

А.Авраменко 22.03.2011

Впервые увидел Алексея Ставницера осенью 1978 года в Аркадии на тренировочных «скалах». Я был начинающим скалолазом, а он тогда уже был матерым альпинистом. На таких старших товарищей мы смотрели с завистью – они бывали в Крыму, на Кавказе, а мы только делали первые шаги по одесскому ракушечнику. Прищуренные глаза, советские треники с торчащими коленками, рубашка в клеточку, спортивная шапочка, а как виртуозно он передвигался в вибрамах по этим «скалам», преодолевая карниз...

Звонкий голос Алексея и шутки часто слышались у вечернего костра на сборах в Крыму, на Южном Буге. Закончив ОИИМФ, я уехал в Ленинград, но через несколько лет в Одессе встретился со своим однокашником, который работал в компании «Эверест». Разумно, что такой компанией мог руководить только альпинист. Вряд ли кто другой мог взять такое громкое имя. Было очень приятно

узнать, что возглавляет эту компанию А. М. Ставницер. Спустя несколько лет в профессиональных журналах, а затем и в Интернете вновь увидел знакомую фамилию Ставницер. Теперь это имя было связано с новой развивающейся компанией ТИС. Сегодня зашел на сайт ТИС, хотел узнать новости и был просто сражен – не стало Алексея Ставницера. Печально и больно... Мои искренние соболезнования родным и близким...

**Спустя год после смерти Алексея Ставницера близкие и соратники поставили ему памятник возле офиса ТИСа.
Скульптор — Виктор Ставницер**